

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 48

Нижний Новгород

2019

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ*

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 48. – Н. Новгород: НГЛУ, 2019. – 257 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
Ж.В. Никонова

Редакционная коллегия:

А.В. Иванов (*зам. главного редактора*), А.Ю. Курмелев (*отв. секретарь*),
М.А. Ариян, О.В. Байкова (Киров), К.Э. Безукладников (Пермь),
М.К. Бронич, М.А. Викулина, Н.К. Гарбовский (Москва), Н.А. Голубева,
М.А. Грачев, Б.А. Жигалев, В.И. Карасик (Волгоград), С.Б. Королева,
Л.П. Крысин (Москва), И.В. Леушина, Н.В. Макшанцева,
М.И. Никола (Москва), О.А. Обдалова (Томск), О.Г. Оберемко,
Е.Р. Поршнева, Л.В. Рацибурская, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников,
Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 48

Nizhny Novgorod

2019

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 48. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2019. – 257 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), A. Kurmelev (*Executive Secretary*),
M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich,
M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev,
V. Karasik (Volgograd), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina,
N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko,
E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Е.Н. Абрамичева, М.Д. Ключева (<i>Севастополь</i>) Средства вербализации стратегии эвфемизации в современном политическом дискурсе	12
З.А. Заврумов (<i>Пятигорск</i>) Языковая ситуация в аспекте реализации языковой политики на Северном Кавказе	31
К.В. Колесова (<i>Нижний Новгород</i>) О профессиональном словаре специализированного языка робототехники (на материале английского языка)	40
К.В. Колесова (<i>Нижний Новгород</i>) О типологии зоонимической коннотации (на материале английского языка)	46
Н.Г. Круглова (<i>Нижний Новгород</i>) Пословицы и поговорки как источник аксиологических концептов и их отражение в текстах школьных сочинений	54
Е.Д. Малёнова (<i>Омск</i>) К определению понятия «аудиовизуальный перевод»	64
Н.Н. Прокопьева (<i>Нижний Новгород</i>) Семантические особенности лексических единиц с эмоционально-экспрессивной пометой <i>ironisch</i>	75
Т.И. Семенова (<i>Иркутск</i>) Интерпретирующий потенциал английского прогрессива в категоризации эмоциональных состояний	85
А.В. Трегубчак (<i>Рязань</i>) Выражение компаративной семантики падежными формами имени существительного	97

Цзоу Цзиньна (<i>Москва</i>)	
Сходства и различия научно-технического текста на китайском и русском языках	110
Чжан Хао (<i>Москва</i>)	
Пожелания в русской народной культуре	121
Е.А. Щетинкина (<i>Челябинск</i>)	
Комбинаторная семантика в применении к анализу поэтических произведений	132
Юй Минсю (<i>Москва</i>)	
«Драматический» императив	143

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

К.Ю. Кашлявик (<i>Нижний Новгород</i>)	
Мозаика «писем» Сирано де Бержерака	153
О.Б. Лукманова (<i>Нижний Новгород</i>)	
Читая по лицам: физиогномика в романном творчестве Джорджа Макдональда	162
И.В. Ляпин (<i>Нижний Новгород</i>)	
принципы минимализма в рассказах Реймонда Карвера «Дом Чефа» и «Перья»	175
П.Ю. Лясков (<i>Нижний Новгород</i>)	
Традиция Оноре де Бальзака в творчестве Андрея Макина	183

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Н. Дмитриева, М.Е. Гненик (<i>Нижний Новгород</i>)	
Обеспечение психологической безопасности в процессе обучения иностранному языку в вузе	193

Жань Лин, Н.В. Костенюк (<i>Нижний Новгород</i>) Речевые ошибки употребления наречия 都 (на примере ошибок русскоязычных обучающихся средней и старшей ступени)	201
О.П. Королева, Н.В. Коробова (<i>Нижний Новгород</i>) Методология анализа художественного текста (младший этап обучения)	210
Ю.Ю. Панченко, П.М. Кузнецова, О.А. Дубовская (<i>Нижний Новгород</i>) Портфолио в социальной сети как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата	219
И.Ю. Смирнова (<i>Нижний Новгород</i>) Принципы формирования лингвострановедческой самостоятельности как показатель лингвострановедческой компетенции при обучении иностранному языку в вузах системы МВД России	230

РЕЦЕНЗИИ

Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова (<i>Владимир</i>) Динамика социума, лингвемы и социалемы в концепции В.К. Журавлева. Рецензия на монографию: Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», URSS, 2019. 336 с.	240
Е.В. Плисов (<i>Нижний Новгород</i>) Теолингвистическое направление в современном языкознании. Рецензия на издание: Хрестоматия теолингвистики. Т. 2 / Под ред. А.К. Гадомского, А.В. Ермошина, С.И. Кузьмина, Н.Г. Николаевой, С.И. Федотовой, В. Хлебды, О.В. Чевелы. Ульяновск: Мастер Студия, 2019. 472 с.	248

ХРОНИКА

II Международная студенческая научно-практическая конференция «Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве», 28–29 октября 2019 г.	254
--	-----

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Elena Abramicheva, Maria Kliueva (<i>Sevastopol</i>) Verbal Implementation of Euphemisation Strategies in Contemporary Political Discourse	12
Zaur Zavrumov (<i>Pyatigorsk</i>) Language Situation in the North Caucasus in View of Implementing Language Policies	31
Kira Kolesova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Specialized English for Robotics: Professional Vocabulary	40
Kira Kolesova (<i>Nizhny Novgorod</i>) A Typology of Zoonym Connotations	46
Natalia Kruglova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Proverbs as a Source of Axiological Concepts and Their Reflection in Texts of School Essays	54
Evgeniya Malenova (<i>Omsk</i>) Defining Audiovisual Translation	64
Nadezhda Prokopyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Semantic Features of Lexical Units with the Emotional-Expressive Mark <i>Ironisch</i>	75
Tatiana Semenova (<i>Irkutsk</i>) The Interpretative Function of the English Progressive in Conceptualizing Emotional States	85
Alina Tregubchak (<i>Ryazan</i>) Expressing Comparative Semantics through Cases of Nouns	97
Zou Jinna (<i>Moscow</i>) Similarities and Differences of Scientific and Technical Text in Chinese and Russian	110
Zhang Hao (<i>Moscow</i>) Expressing Wishes in the Russian National Culture	121

Ekaterina Shchetinkina (*Chelyabinsk*)
Applying Combinatorial Semantics to Poem Analysis 132

Yu Mingxiu (*Moscow*)
The “Dramatic” Imperative 143

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

Kira Kashlyavik (*Nizhny Novgorod*)
Cyrano de Bergerac’s “Letters” Puzzle 153

Olga Lukmanova (*Nizhny Novgorod*)
Reading Faces: Physiognomy in George MacDonald’s Realistic Novels 162

Ivan Lyapin (*Nizhny Novgorod*)
Minimalist Principles in Raymond Carver’s Short Stories “Chef’s House” and “Feathers” 175

Pavel Lyaskov (*Nizhny Novgorod*)
The Balzac Tradition in Andreï Makine’s Novels 183

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Elena Dmitrieva, Marina Gnenic (*Nizhny Novgorod*)
Ensuring Psychological Security in the Process of Teaching a Foreign Language at the University 193

Zhan Ling, Nadezhda Kostenyuk (*Nizhny Novgorod*)
Typical Mistakes in Using the Adverb 都 by Russian-Speaking Intermediate and Advanced Students of Chinese 201

Olga Koroleva, Natalia Korobova (*Nizhny Novgorod*)
A Methodology for Interpreting Literary Texts (Undegraduate Level, 1 and 2 year)..... 210

Yury Panchenko, Polina Kuznetsova, Olga Dubovskaya (<i>Nizhny Novgorod</i>) Electronic Language Portfolios in Social Networks as a Tool for Building the Communicative Competence of Undergraduate Students	219
---	-----

Irina Smirnova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Principles of Developing Linguistic-Cultural Autonomy as an Indicator of Linguistic-Cultural Competence in English Instruction at MoIA Universities	230
---	-----

REVIEWS

Tatyana Basova, Tatyana Fedulenkova (<i>Vladimir</i>) The Dynamic Development of Communities, Community Languages, and Language Communities in the Paradigm of Vladimir K. Zhuravlev: A review of the monograph by Vladimir K. Zhuravlev “External and Internal Factors of Language Evolution.” Moscow, Librokom Publishing House, URSS, 2019. 336 p.	240
--	-----

Evgeniy Plisov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Theolinguistic Studies in Modern Linguistics: A review of “A Reader in Theolinguistics, Vol. 2” / A.K. Gadomsky, A.V. Ermoshina, S.I. Kuzmina, N.G. Nikolayeva, S.I. Fedotova, V. Khlebda, O.V. Chevela, ed. Ulyanovsk: Master Studio Ltd, 2019. 472 p.	248
--	-----

CHRONICLE

II International Student Research-to-Practice Conference “Language, Culture, and Mentality: Germany and France in the European Language Space”, 28–29 October 2019	254
--	-----

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.111'373.49:32

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЭВФЕМИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.Н. Абрамичева, М.Д. Ключева

Севастопольский государственный университет, Севастополь

Статья посвящена исследованию эвфемизмов в современном политическом дискурсе. Рассмотрены основные средства вербализации стратегии эвфемизации в англоязычном политическом дискурсе, раскрыты характер и механизмы политической манипуляции посредством эвфемизмов, проанализирован прагматический эффект использования различных типов эвфемистических субституций.

Ключевые слова: политический дискурс, современная политическая ситуация, эвфемизм, стратегия эвфемизации, манипуляция.

Verbal Implementation of Euphemisation Strategies in Contemporary Political Discourse

Elena Abramicheva, Maria Kliueva

The article focuses on euphemisms in contemporary political discourse, looking at key mean of verbalization of euphemisation strategies in contemporary English-language political discourse and analyzing linguistic mechanisms of political manipulation carried out through euphemisms. The author examines political euphemisms in terms of language mechanisms operating the processes of manipulation, the degree of distortion of objective reality, and the pragmatic effect of certain euphemistic substitutions.

Key words: political discourse, contemporary political environment, euphemism, euphemisation strategy, manipulation.

Эвфемизация политического дискурса остаётся актуальным вопросом политической лингвистики, изучающей язык как инструмент политики, в том числе языковое манипулирование. Для политической лингвистики особый интерес представляют механизмы политической коммуникации, обеспечивающие её воздействие на аудиторию, маскирующие истинные интенции политика при помощи скрытых приёмов языкового манипулирования аудиторией. То, что эвфемизм является одним из таких приёмов, не вызывает сомнения, так как вне зависимости от сферы употребления универсальными семантическими признаками эвфемизма являются 1) косвенный и

мелиоративный характер номинации и 2) наличие имплицированной негативной оценки.

Сегодня «политическая коммуникация объединяет все процессы передачи информации, которые находятся в политической сфере, и ее необходимо рассматривать как треугольник отношений между гражданами, средствами массовой информации и политическими акторами» [1. С. 138]. Политический дискурс, являясь средством реализации политической коммуникации, объединяет институциональный политический дискурс, основу которого составляют тексты, создаваемые самими политиками, и политический медиадискурс, продуктом которого являются тексты, создаваемые журналистами и распространяемые СМИ. Цель политического дискурса (вне зависимости от формы его реализации) заключается в том, чтобы вызвать в адресатах (гражданах сообщества) определённые намерения и установки, внушить им необходимость «политически правильных» действий и / или оценок [2].

Современный политический эвфемизм – понятие гораздо более широкое, чем единица лексического уровня, получившая в теории языка название «эвфемизм» (от греч. *euphemismos*: *eu* – «хорошо» и *phemi* – «говорю»). Особенностью эвфемизмов в политическом дискурсе, на наш взгляд, во-первых, является то, что выполнять функцию политического эвфемизма способна не только собственно лексическая единица (слово или выражение), но и коммуникативная единица (определённый речевой акт, используемый как инструмент коммуникативной стратегии эвфемизации). В таком случае для успешной идентификации и декодирования эвфемистического высказывания необходимо владеть контекстом дискурсивного события, определяющим содержание и форму каждого отдельно взятого речевого действия в соответствии с той коммуникативной задачей, которую реализует политическая коммуникация. Во-вторых, политический эвфемизм давно вышел за рамки традиционно закреплённой за ним функции – «заменить неприятное слово или выражение на более приемлемое в общепринятом смысле» [3. С. 173]. Функциональная плоскость эвфемизма была расширена за счёт окказиональных индивидуально-контекстных замен одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого [4]. Учитывая прагматику политического дискурса, заметим, что в целях маскировки и подмены неприятного или

нежелательного денотата (которым часто выступает истина, реальные факты) эвфемизм используется политиками гораздо чаще, чем для замены табуированного или неполиткорректного слова. Чрезмерная эвфемизация политического дискурса способна превратить реальную политическую коммуникацию в искажённую, фейковую, не имеющую ничего общего с действительностью, однако успешно помогающую политикам оставаться у власти, положительно влияя на общественное мнение как внутри страны, так и на внешнеполитической арене.

Придерживаясь широкого подхода к объекту исследования, мы разделяем позицию К.В. Якушкиной, рассматривающей *эвфемию* как косвенную коммуникативную стратегию мелиоративной направленности, которая предполагает использование как лингвистических, так и экстралингвистических средств (эвфемизмов) с целью не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта, а *политическую эвфемию* – как разновидность фокусирующего референциального манипулирования [5]. В случае последнего говорящий, пользуясь эвфемистическими высказываниями для смягчения и вуалирования денотата, «так или иначе, нарушает отдельные / все постулаты речевого общения» [5. С. 6].

Если рассматривать эвфемизацию политического дискурса с позиции прагмалингвистики, то можно говорить об активном использовании в политической коммуникации эвфемистических речевых актов, целью которых является изменение представлений адресата об окружающем мире. Такой подход отражён в позиции Л.Н. Саакяна, который считает эвфемию адаптивной стратегией, начинающей «работать» тогда, «когда изменить сам мир по тем или иным причинам не представляется возможным и нужно менять представление, свое или чужое, о нём» [6. С. 168]. В целом понимание эвфемизации как коммуникативного явления позволяет считать эвфемизмы «дискурсивными речевыми произведениями, цель которых воздействовать на адресата» [7. С. 7], изменить его оценку происходящего на противоположную.

Анализ способов образования политических эвфемизмов (вне зависимости от конкретного лингвистического механизма, лежащего в их основе) позволяет говорить о политической эвфемии как о «модели изменения определённого концептуального содержания с

целью формирования нового смысла», не содержащего исходной отрицательной характеристики [8]. Данный подход, предложенный и обоснованный концептуальной лингвистикой, позволяет не ограничиваться существующими классификациями способов образования эвфемизмов, а руководствоваться в их идентификации определённым механизмом формирования смысла.

Исследованиями политической эвфемии и средств её вербализации в разных языках занимались Р.А. Сафина, А.Ю. Миронина, К.В. Якушкина, Ю.С. Баскова и др.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что политическая эвфемия представляет собой приём, который реализуется на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка. К морфологическим эвфемистическим модификациям формы слова в политической коммуникации обычно относят негативную префиксацию и сокращение (аббревиацию). На лексическом уровне политическая эвфемия реализуется посредством описательного перифраза, мейозиса, генерализации, метафоризации, метонимизации, семантического эллипсиса, заимствований. К синтаксическим способам чаще всего относят чрезмерное усложнение структуры словосочетания и синтаксический эллипсис [9; 10].

Исследуя явление эвфемии в политическом дискурсе немецких политиков, Р.А. Сафина особо выделяет средства синтаксического уровня, такие как различные трансформации словосочетаний (введение дополнительного позитивного компонента, изъятие нежелательного компонента), усложнение структуры предложения в целом и др., поясняя, что прагматическая функция подобных технологий в политическом дискурсе заключена «в затруднении восприятия содержания текста, рассеивании концентрации внимания реципиента и, как следствие, отвлечении от сущности обсуждаемой проблемы» [10. С. 54].

Ю.С. Баскова подчёркивает, что эвфемизмы синтаксического уровня являются самыми сложными из всех, так как эвфемистичность высказывания создаётся не отдельными словами, а всей синтаксической конструкцией в целом. «Так как в огромном информационном потоке синтаксический эвфемизм труднее распознать и идентифицировать скрытый за ним отрицательный денотат, его способность манипулировать сознанием реципиента оказывается выше» [11. С. 20].

Рассматривая использование эвфемизмов в испаноязычной газетной публицистике, К.В. Якушкина особое внимание уделяет отрицанию как прагматико-синтаксическому средству эвфемии, анализируя частные случаи эксплицитно- и имплицитно-отрицательных эвфемистических моделей [5]. В целом, по словам исследователя, «эвфемия как имплицитный способ построения высказывания реализуется посредством его семантико-структурной реорганизации с учётом двух основных тенденций – к компрессии и расширению» [5. С. 6].

В политическом дискурсе, где эвфемизмы призваны приукрашивать факты, способные вызывать отрицательные эмоции и реакции, тем самым формируя нужное или политически выгодное восприятие действительности, эвфемизмом можно считать любую косвенную номинацию, включая образную, нейтрализующую или улучшающую качества денотата, а также (в широком смысле) любой дискурсивный (речевой) акт, скрывающий истинные интенции коммуниканта, если эти интенции противоречат ценностям, морально-этическим нормам или ожиданиям адресата и деформируют его систему оценок. Таким образом, любые языковые средства: лексико-семантические, морфологические, синтаксические, равно как и дискурсивные, могут выполнять эвфемистическую функцию в политическом дискурсе в контексте определённой политической ситуации как инструмент, реализующий коммуникативную стратегию уклонения от истины.

Характер эвфемистической субституции, а также достигаемый посредством этой субституции коммуникативно-прагматический эффект в политическом дискурсе мы рассматриваем в связи с прагматическими параметрами коммуникации (время, место, участники, их интенции), а также той функцией, которую эвфемизм выполняет в данном типе дискурса. К основным функциям современных политических эвфемизмов мы относим: соблюдение правил политкорректности, формирование положительного имиджа своей страны, продвижение своих ценностей и военно-политических намерений, сокрытие истины и манипуляцию [12. С. 15].

Активное использование политиками стратегии эвфемизации (или вуалирования, по определению Е.Н. Шейгал), а также косвенности и имплицитности реализует такие системообразующие признаки политического дискурса, как: эзотеричность, скрытую

оценочность, прагматически обусловленную неопределённость, относительность обозначений (когда выбор номинации определяется политической позицией говорящего [13. С. 67]), фантомность, фидеистичность.

Рассмотрим на конкретных примерах различные способы и средства вербализации эвфемистической стратегии в дискурсе современной политики и связанные с ними механизмы манипуляции.

Лексико-семантические эвфемизмы. Одну из самых многочисленных групп лексико-семантических эвфемизмов составляют слова с широкой семантикой, позволяющие избежать конкретизации значения и скрывающие невыгодную для политиков информацию. Так, для обозначения военных действий часто используются слова: *operate* вместо *carry out airstrikes*, *contact* вместо *a military engagement*, *do* вместо *battle*, а для наименования военных объектов или орудий – слово *thing*. Такие слова-определители с широкой или «диффузной» семантикой, как *some*, *something*, часто используются политиками в качестве эвфемистических субституций нежелательного денотата.

Другим продуктивным способом образования эвфемизмов является использование мейозиса, позволяющего сгладить, преуменьшить негативные стороны денотата. Такого рода «политические» эвфемизмы И.Р. Гальперин называл дезориентирующими, вводящими в заблуждение, формирующими искажённую реальность [3. С. 175]. Например, *deliver – to drop (an explosive) on an enemy*; *detain – to imprison for political purposes*; *disengage – to retreat (when defeated)*; *regroup – fail to advance*; *question – a persistent problem to which there appears to be no answer*; *planning – restriction of development*; *document retention – the destruction of potentially damaging evidence*; *greimail – a threat to tell state secrets if prosecuted*.

Очевидно, что степень замалчивания, преуменьшения, а как следствие, и дезориентации в каждом конкретном случае разная: от незначительной – в случаях, когда нужно соблюсти политкорректность или дипломатичность (*partners, friends, colleagues – political opponents*; *undocumented immigrants – illegal immigrants*; *path to citizenship – amnesty for illegal immigrants*; *extreme vetting – Muslim ban*), до высокой – в случаях жёсткой пропаганды, подмены исторических фактов и ценностных ориентиров, смены

режима, захвата территорий, развязывания войн и пр. (*educate – suppress independent thought; incident – a war; restore order – to invade and conquer (a country); settle – to conquer and appropriate; migration – forcible deportation as slave labour or for killing; alter the demographics – to practice genocide; enhanced interrogation – torture of prisoners; civilian impacting – the inadvertent killing or wounding of non-combatants; temporary local difficulty – severe permanent problem*).

Если «преуменьшающие» эвфемизмы могут привести к дезинформации, то формулировки, основанные на поляризации значений, – к более серьёзным последствиям – подмене реальности, формированию ошибочного общественного мнения и контролю над массовым сознанием и поведением. Примером таких эвфемизмов могут служить ставшие привычными в политической коммуникации выражения: *year of progress – a period of irreversible decline; job creators – wealthy or elite business executives and investment bankers; modernization – an expensive change; peace – a preparation for violence; peace-keeping action – an invasion of another’s territory; peace-keeping force – units invading another’s territory; guardian – an occupying conqueror; pre-emptive measures – unprovoked and without warning (used of warfare or violence [14. P. 306]); people’s government – a totalitarian tyranny; people’s democracy – an autocracy; extraordinary – outside the law; self-defense – an unannounced military attack*.

Так, Совет Безопасности ООН использует термин *peacekeeping* для обозначения одной из своих главных миссий по поддержанию международного мира и безопасности: *The UN does this by working to prevent conflict; helping parties in conflict make peace; peacekeeping; and creating the conditions to allow peace to hold and flourish* [15]. Однако Совет Безопасности также обладает правом принимать принудительные меры для поддержания или восстановления мира; в «миротворческую деятельность» входит и ведение военных действий: *Under Chapter VII of the Charter, the Security Council can take enforcement measures to maintain or restore international peace and security. Such measures range from economic sanctions to international military action* [16].

Анализируя формулировки, подразумевающие военные действия, на официальном сайте НАТО, можно без труда заметить, что все они призваны вызывать исключительно положительную реакцию у реципиентов: *crisis response, peace-support operations,*

peace enforcement: Crisis response operations cover all military operations conducted by NATO in a non-Article 5 situation. A “crisis response” or “peace-support operation” are generic terms that may include conflict prevention, peacekeeping, peacemaking, peace building, peace enforcement and humanitarian operations [17].

К политическим эвфемизмам, играющим большую роль в продвижении ценностей того или иного государства и формировании его положительного имиджа в глазах мировой общественности, можно отнести формулировку *rules based order*, используемую западными политиками для обозначения миропорядка, который, по их мнению, является самым верным и который нужно сохранять и поддерживать. Так, помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии Уэсс Митчелл во время своего выступления в Европейском институте Карнеги осуждал страны, чьи действия грозят «порядку, основанному на правилах»: *Today we sit on systemic imbalances in global trade that make a mockery of the rules-based economic order. After letting China into the WTO, that country has conducted large-scale theft of intellectual property, dumped its products on a grand scale and refused reciprocity in trade and investment. The EU, too, presents an unfair playing field to US companies* [18].

Интересно, что российские политики не раз указывали на то, что термин имеет крайне негативную коннотацию, так как скрывает стремление Запада устанавливать правила в одностороннем порядке, с учетом интересов отдельной группы стран. Это выражение комментировал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, отвечая на вопросы СМИ «на полях» 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2018 года. Лавров противопоставляет «порядок, основанный на правилах» международному праву: «Наши западные друзья не хотят упоминать международное право, а говорят о “порядке, основанном на правилах” (*rules based order*). Одним из правил, столпов такого порядка была долларовая система, которая гарантировалась США» [19].

Тот же самый эффект подмены понятий достигается эвфемизмом *advancing freedom and democracy*. Данная стратегия уже многие годы является неотъемлемой частью внешней политики США. В официальном докладе о «Содействии свободе и демократии» (*ADVANCE Democracy Act of 2007*) читаем: *The Advancing Freedom and Democracy Report describes efforts by the U.S. Government to*

support democracy and human rights in nondemocratic countries and countries undergoing democratic transitions worldwide [20]. Однако многие страны воспринимают подобные намерения как очередное проявление политики двойных стандартов, считая *advancing freedom and democracy* эвфемизмом, заменяющим гораздо менее привлекательный термин *interference in other countries' policies*.

Другим примером создания несуществующей реальности для формирования положительного имиджа государства в глазах мировой общественности, получившим огромную ответную реакцию журналистов, стал эвфемизм *tender-age shelter: Among the detention centers along the U.S. southern border with Mexico, the youngest immigrant children separated from their parents are being held in at least three "tender age" shelters in South Texas* (Kendall Karson // ABC News, June 20, 2018). В буквальном выражении данный термин предполагает социальную заботу о людях, а на самом деле маскирует безнравственные действия официальной политики США по принудительному изъятию детей из семей мексиканских эмигрантов, задержанных на границе Мексики с США. Создание таких центров стало следствием политики нулевой терпимости в отношении иммигрантов, принятой администрацией США в апреле 2018 года. Де-факто данный эвфемизм означает *the separation of migrants' children from their families and their subsequent incarceration at the US-Mexico border*, по выражению журналиста газеты *The Guardian* Стивена Пула, *a new way to describe the kidnapping of children* (Steven Poole // *The Guardian*, June 20, 2018), а по определению *Urban Dictionary* – *a concentration camp for children* [21].

Иногда попытка политиков приукрасить действительность доходит до абсурда и «лингвистическая эквилибристика» противоречит законам логики. Так, эвфемизм *alternative facts*, используемый американским правительством вместо слова *lie*, вызвал бурную реакцию у американцев, став на какое-то время самым популярным хэштегом в социальных сетях. Словарь *Merriam-Webster* участвовал в дискуссии, обратив внимание на то, что факт – это «информация, представляющая объективную реальность» [22]. (Заметим, что фразу *alternative facts* впервые использовала советник США при президенте Келлиэнн Конуэй, отвечая на вопросы ведущего программы NBC *Meet The Press* Чака Тодда о ложном заявлении пресс-секретаря Белого дома Шона Спайсера о количестве

присутствующих на инаугурации Дональда Трампа (*reported by Eric Bradner // CNN, January 23, 2017*).

Эвфемизмы, образованные на основе мейозиса, как лексического, так и грамматического (примеры последнего будут рассмотрены ниже), обладают ярко выраженным манипулятивным потенциалом, так как у реципиента складывается впечатление, что проблемная ситуация упомянута, а следовательно, в сообщении нет обмана и манипуляции, однако в действительности отрицательная оценка называемого явления (действия, события) сильно смягчена. Подобный эффект, например, очевиден в случае, когда политики используют термин *malnutrition* (образованный с помощью приставки *mal-* со значением «плохой, неправильный, неподходящий») вместо прямого определения – *hunger*, говоря о тяжёлой продовольственной ситуации в странах третьего мира.

Метафоризация является еще одним способом создания политических эвфемизмов. Использование слова в переносном значении часто позволяет смягчить или предотвратить негативные реакции: *freeze – an attempt to contain public expenditure by reducing wages or recruitment; bamboo curtain – the censorship in China to limit knowledge of and contacts with foreigners; brushfire war – a conflict in which a major power is not directly involved; cross the floor – to change political allegiance; friendly fire – being bombed or shelled by your own side*.

Когда в сентябре 2018 года сирийские ПВО сбили российский разведывательный самолет Ил-20 над Средиземным морем, Россия обвинила в произошедшем Израиль: согласно сообщениям Минобороны РФ сирийские войска пытались сбить израильский самолет, который наносил авиаудары по побережью Сирии, но попали в самолет российских ВВС. Так как Россия и Сирия являются союзниками, российская сторона использовала термин *friendly fire* для обозначения данного инцидента и сглаживания конфликта: *Syrian forces accidentally shot down a Russian military plane after an Israeli airstrike on Syrian territory, Kremlin officials said Tuesday, the worst case of friendly fire for Russia in the Syrian war (David M. Halbfinger and Andrew Higgins // The New York Times, September 18, 2018)*.

Многие из метафорических эвфемизмов превращаются в клише с прозрачным значением, вызывают вполне адекватную (неодобрительную, негативную) реакцию аудитории, теряют свою

эвфемистическую функцию, взамен приобретая, часто благодаря политической журналистике, негативную оценочную коннотацию: *clean – to kill; clean house – to remove incriminating evidence; dirty bomb – atomic bomb that will go on killing people longer and more unpleasantly than a clean one; lame duck – the holder of an office to which he has not been re-elected; leak – to release information furtively; leakage – disclosed information; pork – American Federal or State funds diverted to local political purposes; prime the pump – deliberately to cause inflation by excessive government spending; twin-tracking – sinecures reciprocally given to each other by sympathetic politicians in neighbouring administrations*. Прагматическая функция таких эвфемизмов меняется очень быстро: из средства, маскирующего негативные стороны денотата, они превращаются в инструмент иронии и критической оценки.

Еще один семантический механизм, используемый при образовании политических эвфемизмов, – метонимизация, например, *blue-on-blue – shelling or bombing your own troops (the derivation is from the colour marked on military chinagraph maps to indicate your own territory [14. P. 100]); strike (attack) Assad’s capabilities, deal with Assad’s chemical issues – to strike (attack) Syrian soldiers; control over borders – controlling immigration*.

Говоря об американских военных в Сирии, президент Обама в свое время использовал метонимический эвфемизм *boots on the ground* вместо прямого денотата *US troops in Iraq and Syria*. Журналисты резко реагировали на данное выражение: *And the president is right. According to this very narrow and confusing definition, we don’t have boots on the ground in Syria. Never mind that members of the American military are in fact walking around in Syria, presumably in boots, and never mind that the US air force is in the midst of conducting an intense bombing campaign in Syria (Scott Beauchamp // The Guardian, November 13, 2015)*.

Менее продуктивным способом образования политических эвфемизмов является аллюзия, например, *America first – isolationism (comes from the name of an organization campaigning for neutrality in the Second World War [14. P. 80]); find Cook County – to engage in electoral fraud (Cook County’s votes were produced miraculously by the Democratic machine in Illinois to secure Kennedy’s win over Nixon in 1960 [14. P. 179]); Austrian problem – an unwanted and often irreversible*

condition (the allusion is to the way Hitler resolved problem with Austria by having Austria's chancellor murdered and then by invading the country [14. P. 309]); "1984" territory (when referred to Trump administration's practices (A.J. Urbelis // CNN, January 31, 2017)).

Во время предвыборной кампании 2016 года Дональд Трамп говорил о том, что на посту президента прежде всего будет учитывать интересы Америки и американцев: *My foreign policy will always put the interests of the American people and American security above all else. It has to be first. Has to be. That will be the foundation of every single decision that I will make. America First will be the major and overriding theme of my administration (transcript of Donald J. Trump's foreign policy remarks, as transcribed by the Federal News Service // The New York Times, April 27, 2016).* Правительства других стран расценивают данную формулировку как эвфемизм, скрывающий стремление Америки продвигать и насаждать свои ценности во всём мире.

Еще одним лингвистическим механизмом, позволяющим смягчить негативное воздействие, является изменение формы исходной номинации, чаще всего посредством инициального сокращения (аббревиации). Примером такого вуалирования смысла формой стала используемая для обозначения детей нелегальных иммигрантов аббревиатура *DREAMers* (по названию законопроекта *DREAM Act*, предусматривающего процедуру постепенной легализации в США детей нелегалов, впервые представленного в Сенат в 2001 году: *Development, Relief, and Education for Alien Minors Act*).

К средствам эвфемистической зашифровки также относят использование малопонятных терминов, которые затрудняют понимание того, что хочет сказать политик. В одном из интервью журналисту *BBC* Эвану Девису известный своим «политическим многословием» (*political waffle*) Борис Джонсон сказал: *If you want to be heard you have to speak plainly!* (*B. Johnson to BBC Newsnight, October 1, 2014*), намекая на то, что многие политики преследуют совсем иную цель и поэтому предлагаемые ими малопонятные формулировки нуждаются в предварительной расшифровке, прежде чем их истинный смысл станет доступным массовому адресату. Такие выражения, как *post-truth (lying; relating to a situation in which people are more likely to accept an argument based on their emotions and beliefs, rather than one based on facts [23])*, *post-geography trading world (post-*

Brexit Britain that may lose trade partners instead of obtaining new ones), fake news (propaganda), listening to concerns (ignoring the consequences of a policy, in order to benefit from exploiting public misapprehension) выгодны и нужны политикам для того, чтобы манипулировать массовым сознанием. Рассмотрим следующий фрагмент:

The UK has a “golden opportunity” to forge a new role in a “post-geography trading world” (Liam Fox // Open Government Licence, September 29, 2016). Из уст британского министра международной торговли (в кабинете Терезы Мэй) Лиам Фокса формулировка *a post-geography trading world* звучит гораздо неопределённое, чем понятное и реалистичное *a post-Brexit Britain’s economic reality when trade in all its forms will decrease*. В данном случае манипулятивный эффект достигается ещё и за счёт смещения акцента с позиции ремы, представленной размытой эвфемистической субституцией, в инициальную часть, содержащую яркое метафорическое клише с положительной коннотацией *has a golden opportunity*.

Подобный манипулятивный эффект может быть реализован в названиях законов, актов, программ. Так, скандально известная в США программа «мини-легализации» детей нелегальных иммигрантов, позволяющая им получить возобновляемый двухлетний период отсрочки от депортации и право на работу и учёбу, была запущена Б. Обамой как тактический ход для повышения доверия среди латинос в ходе предвыборной президентской кампании 2012 года и по сути являлась незаконной и дискриминационной для многих иммигрантов, уже проживающих в США. Эвфемистичное название программы *Deferred Action for Childhood Arrivals* («Отложенные меры в отношении детей-иммигрантов») давал нелегальным иммигрантам надежду на светлое и законное будущее в США, а де-факто вводил в заблуждение сотни тысяч из них.

Выступая в защиту отправки в Ирак очередной группы американского спецназа под названием *a specialized expeditionary targeting force*, Б. Обама пополнил коллекцию эвфемизмов, обозначающих *US military interventions*, еще одной многословной формулировкой. Отметим, что в подобных случаях размытости смысла способствует сама форма: чем длиннее номинация, тем неопределённое и безобиднее её содержание.

Некоторые слова, употребляемые политическими деятелями в разных ситуациях, стали ассоциироваться с лживостью, политикой

двойных стандартов, тактикой уклончивых ответов и невежеством. В западной политической лингвистике существует особый термин *weasel-words*, означающий «умышленно неясно выраженные мысли, двусмысленную речь» [24]. Известный в Британии политический журналист газеты *The Independent* Патрик Кокберн к таким вводящим в заблуждение словам и клише относит *robust investigation (implying that effective measures promised by the officials are most unlikely); remnants; sustainable developments; anecdotal evidence (used by official bodies covering up their failure to avert a disaster about which they had been repeatedly forewarned); conversation with people (suggesting that the real decisions had already been taken)* (Patrick Cockburn // *The Independent*, October 14, 2012). Подобные клише используются политиками для оправдания своей халатности, лживости, циничности в общении с народом. Вот как журналист комментирует фразу *remnants of al-Qa'ida: It was useful in trying to explain away how enemies that the US army claimed to have eliminated were still very much in business, blowing up American troops and generally creating mayhem* (Patrick Cockburn // *The Independent*, October 14, 2012).

Грамматические эвфемизмы. Среди грамматических способов, реализующих стратегию эвфемизации, наиболее частотным является использование отрицательной конструкции с частицей *not* (грамматического мейозиса) вместо утвердительной, содержащей прямую оценку события. Например, несмотря на то, что Трамп давно и резко критикует иммиграционную политику Германии, иногда, говоря на данную тему, он всё-таки обращается к эвфемизмам:

Question: In your campaign you said Angela Merkel's policy on Syrian refugees was insane. Do you still think so?

Trump: I think it's not good (Michael Knigge // *Deutsche Welle*, March 3, 2017).

Формулировка *not so friendly*, использованная Трампом в связи с крайне жесткой торговой политикой США по отношению к некоторым международным партнёрам, в частности России и Китаю, тоже смягчает негативную оценку: *Well, the United States has been taken advantage of by other countries, both friendly and not so friendly, for many, many decades* [25].

Перенесение отрицания в модусную часть предложения – ещё один удобный способ смягчить оценку, которая в позиции ремы может быть воспринята как проявление категоричности или

недипломатичности: *I don't think Bill O'Reilly did anything wrong* (D. Trump on Bill O'Reilly // *The New York Times*, April 5, 2017); *I don't think anybody wants to be impeached* (D. Trump to Global news, May 23, 2019); или как обещание, которое придётся выполнять: *I don't think we'll ever have to close the border on Mexico* (D. Trump backpedaled on his threat to shut down the southern border if Mexico didn't stop massive amounts of drugs coming into the US // *CNN*, April 4, 2019); или заявление, за которое нужно нести ответственность: *I don't think we're having a recession* (D. Trump on recession fears // *CNBC Business News*, August 18, 2019).

Ранее мы уже упоминали понятие «политическое многословие» в отношении семантически усложнённых формулировок, маскирующих негативные стороны денотата. Другим примером этой же тактики, позволяющей избежать прямой негативной оценки, может стать синтаксическое расширение высказывания, введение в его структуру дополнительных элементов. Вот как отреагировал на решение Б. Джонсона приостановить работу британского парламента бывший лидер Консервативной партии Великобритании, министр иностранных дел в кабинете Д. Кэмерона Уильям Хейг: ... *a long suspension of Parliament as a political tactic is not ... something that I can defend* (Charlotte Carter // *Evening Standard*, September 3, 2019). Усложнение синтаксической структуры высказывания способствует его косвенности и / или увеличению референциальной неопределённости, снижает информативность дискурса. Подобная коммуникативная тактика выражается в искусной подмене плана содержания формой выражения, ещё раз доказывая, что суть стратегии эвфемизации в том, чтобы «преобразовать смысл в форму» [7. С. 3].

Характерна данная тактика и для коммуникативной ситуации дипломатического общения, где эвфемистические речевые акты – это косвенные речевые акты, истинный смысл которых без труда декодируется партнёрами общения. Так, формулировка *We have paid attention to [something]* обычно подразумевает уже принимаемые (или планируемые в будущем) ответные меры. Во время брифинга официального представителя МИД России в Москве 23 мая 2019 года, отвечая на вопрос журналистов о реакции России на строительство американцами радара на севере Норвегии, М.В. Захарова начала ответ

дипломатично: *We have paid attention to these reports*, что по сути означало: ... *we will retaliate to provide for our own security* [26].

Реализовывать стратегию эвфемизации в политическом дискурсе также могут а) пассивные конструкции, позволяющие адресанту, сместив акцент на действие или результат, избежать упоминания исполнителя или заказчика этого действия; б) безличные предложения; в) вводные компоненты (*to put it mildly, euphemistically termed / referred to as, etc.*).

Таким образом, эвфемистическая субституция успешно реализует различные намерения политиков, в каждом конкретном случае выполняя определённую функцию (или комплекс функций) в рамках выбранной политиками стратегии эвфемизации.

В политическом дискурсе сосуществует два типа эвфемизмов – общеязыковые лексические единицы (обычно зафиксированные словарём) и дискурсивные (речевые), которые могут быть идентифицированы в качестве таковых и успешно декодированы лишь в рамках определённой коммуникативно-речевой ситуации (дискурсивного события).

Политическая эвфемия реализуется на разных языковых уровнях и может быть представлена структурно разными единицами: словами, словосочетаниями, предложениями.

Реализовать эвфемистическую функцию в политическом дискурсе может любое языковое средство, использование которого предполагает вуалирование негативных фактов, а также манипулирование общественным сознанием с целью изменить представления адресата о том или ином событии.

Эвфемизация политического дискурса ведёт к изменению и деформации системы оценки реальности массовым коммуникантом.

Эвфемия как дискурсивный феномен является неотъемлемой составляющей политического дискурса любого политика, характеризуя в большей или меньшей степени коммуникативно-речевой портрет каждого из них. Выбор конкретного способа эвфемизации, а также частотность употребления эвфемистических субституций зависит от индивидуальных дискурсивных особенностей коммуниканта, коммуникативно-прагматических характеристик дискурсивного события, политической позиции говорящего.

Политический медиадискурс, являясь опосредованной формой политического дискурса, может как способствовать, так и

препятствовать эффективной реализации политиком (либо коллективным политическим актором) стратегии эвфемизации. В первом случае он может продлить «политическую жизнь» эвфемизма, укрепив в массовом сознании искажённый образ политической реальности; во втором случае – сократить срок его существования в статусе эвфемизма, разоблачая манипуляцию и обнажая истинный смысл происходящего.

Библиографический список

1. Савельев А.И. Политическая коммуникация: определение исследовательского поля // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2012. № 2 (74). Ч. 2. С. 136–140.
2. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32–43.
3. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Изд-во «Высшая школа», 1977. 336 с.
4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. 685 с.
5. Якушкина К.В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 24 с.
6. Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 195 с.
7. Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 24 с.
8. Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (023). С. 5–11.
9. Миронина А.Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2012. 24 с.
10. Сафина Р.А. Политическая эвфемия в функционально-прагматическом и дискурсивном аспектах // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 2 (36). С. 51–56.

11. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 24 с.

12. Абрамичева Е.Н., Ключева М.Д. Эвфемизмы в современном политическом дискурсе: о чем *не* говорят политики // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы научно-практической конференции (Севастополь, 20–21 сентября 2019 года). Севастополь: ФГАОУ ВО «СевГУ», 2019. С. 6–16.

13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 432 с.

14. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. Oxford University Press, 2008. 410 p.

15. What We Do // Электронный ресурс Интернет: <https://www.un.org/en/sections/what-we-do/>.

16. Actions with Respect to Threats to the Peace, Breaches of the Peace, and Acts of Aggression // Электронный ресурс Интернет: <https://www.un.org/securitycouncil/content/repertoire/actions>.

17. Crisis Management // Электронный ресурс Интернет: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49192.htm.

18. President Donald J. Trump is Confronting China's Unfair Trade Policies // Электронный ресурс Интернет: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-confronting-chinas-unfair-trade-policies/>.

19. Ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «на полях» 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Электронный ресурс Интернет: <https://russiaun.ru/ru/news/pressconf280918>.

20. Advancing Freedom and Democracy // Электронный ресурс Интернет: <https://www.state.gov/advancing-freedom-and-democracy/>.

21. Tender age shelter // Urban Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=tender%20age%20shelter>.

22. Conway: “Alternative Facts” // Электронный ресурс Интернет: <https://www.merriam-webster.com/news-trend-watch/conway-alternative-facts-20170122>.

23. Post-truth // Cambridge Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/post-truth>.

24. Weasel-words // Электронный ресурс Интернет: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=weasel%20words>.

25. Remarks by President Trump and Prime Minister Löfven of Sweden in Joint Press Conference // Электронный ресурс Интернет:

<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-prime-minister-lofven-sweden-joint-press-conference/>.

26. Briefing by Foreign Ministry Spokesperson Maria Zakharova, Moscow, May 23, 2019 // Электронный ресурс Интернет: https://www.mid.ru/en/briefingi/-/asset_publisher/MCZ7HQUMdqBY/content/id/3658436.

Сведения об авторах

Абрамичева Елена Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория и практика перевода»
Института общественных наук
и международных отношений СевГУ
e-mail: helenn2018@gmail.com

Клюева Мария Дмитриевна
учитель английского языка
средней общеобразовательной школы № 3
с углубленным изучением английского языка
им. Александра Невского
e-mail: mkluieva@mail.ru

УДК 811.161.1'272(470.6)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

З.А. Заврумов

Пятигорский государственный университет, Пятигорск

Статья посвящена анализу современного состояния языковой ситуации на Северном Кавказе. Изложены основные тенденции языковой политики в республиках Северного Кавказа, предпринята попытка проанализировать, как результаты этой политики сказались на функционировании русского языка. Рассматривается роль русского языка в условиях билингвальной языковой ситуации. Представлены решения, связанные с языковой ситуацией в контексте национальной политики в республиках Северо-Кавказского региона.

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, национальные языки, билингвизм, языковая идентичность, языковой нигилизм.

Language Situation in the North Caucasus in View of Implementing Language Policies **Zaur Zavrumov**

The article analyses the current state of language situation in the North Caucasus and evaluates the main trends of language policy in the republics of the region. It briefly describes the history of language situation and language policy in the North Caucasus from 1920 until the present day and examines the effect of language policy in the bilingual situation of the North Caucasus and the way it has affected the use and role of the Russian language. The author concludes by presenting a number of solutions to the current language situation in the North Caucasus in the context of national policy in the republics of the region.

Key words: language policy, language situation, national languages, bilingualism, linguistic identity, language nihilism.

Прежде чем конкретизировать языковую ситуацию на Северном Кавказе, необходимо отметить, что многочисленные определения этого явления не однозначны и при всем многообразии не способны отразить его многогранную сущность.

Нам представляется удачным определение Д.А. Петренко и Е.Е. Щелковой: «Языковая ситуация представляет собой взаимодействие различных языковых форм и языков в процессе обслуживания ими всех сфер жизнедеятельности народа на определенном этапе его социально-экономического развития» [1].

Лингвистический энциклопедический словарь определяет языковую ситуацию как «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном

взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенного региона» [2].

Советское государство, начиная с 1920-х гг., последовательно осуществляло политику стимулирования развития национальных языков. При этом велась титаническая работа по созданию письменности для бесписьменных языков, разработке их алфавитов, стимулированию развития литературы на национальных языках, упорядочению литературных языков, созданию нормативных грамматик и словарей, введению курсов преподавания национальных языков в средних и высших учебных заведениях. Эта политика была успешной прежде всего потому, что к ее реализации были привлечены солидные научные силы. Достаточно вспомнить фамилии таких специалистов как Н.Ф. Яковлев, Л.И. Жирков, А.А. Бондарев, А.Н. Генко, Ш.А. Михайлов, Н.Я. Марр. Труды академика Н.Я. Марра оказались наиболее значимыми в аспекте развития языков Северного Кавказа.

Не всегда языковая политика на этом этапе была успешной. Не все национальные языки имели одинаковую поддержку на государственном и региональном уровне, но в целом курс первых десятилетий существования страны после 1917 г. был нацелен на наиболее полное удовлетворение потребности в идентификации, в том числе и языковой, всех народов, ее населяющих.

После завершения Великой Отечественной войны языковая политика в стране характеризовалась усилением русификации всех сфер жизни в целях обеспечения наилучших возможностей взаимопонимания народов, населяющих её. Это привело к более или менее стабильному развитию крупных языков и постепенному угасанию малых, хотя этот тренд в языковой политике именно на Северном Кавказе реализовывался медленнее, прежде всего, из-за того, что большая часть северокавказских народов исповедует ислам. Это обстоятельство замедлило процесс вытеснения языков этих народов русским языком.

С началом перестроечных процессов в стране идеологический вакуум стал заполняться разнообразными национальными идеями, нередко с националистическими оттенками, среди которых потребность в идентичности, в том числе и языковой, была приоритетной [3].

С 1990 г. стали приниматься законы о языках в республиках в составе России, а в 1991 г. появился закон «О языках народов РСФСР», в котором давалась достаточно объективная характеристика языковой ситуации в стране.

Этот закон продолжает действовать и сегодня. Упомянутый закон и статья 68 Конституции Российской Федерации [4] являются основной нормативной базой, с учетом которой во многих национальных автономиях были приняты законы о национальных языках, а также различные программы их поддержки.

Д.Н. Иванова отмечает, что «на развитие языковой ситуации на Северном Кавказе всегда оказывало влияние соотношение коренного населения и некоренного, в подавляющем случае – русскоязычного» [5]. С учетом плотности русского населения она выделяет несколько видов языковых ситуаций, характерных для различных районов Северного Кавказа:

- Русскоязычные территории, на которых существуют титульно-русский асимметричный билингвизм с доминирующей ролью русского языка. Это характерно, например, для Адыгеи и Республики Северная Осетия-Алания (65 % и 30 % русских соответственно).

В Адыгее делались попытки ввести в школах обязательное обучение адыгейскому языку. Но русскоязычное население, составляющее этническое большинство, активно воспротивилось этому. Невозможность работать на руководящих должностях (из-за незнания титульного языка) представляется для русскоязычных граждан меньшим злом, чем перспектива учить не востребовавшийся в иных сферах адыгейский язык.

- Территории с симметричным титульно-русским билингвизмом. Такая языковая ситуация сложилась в Карачаево-Черкессии (русских около 40 %) и Кабардино-Балкарии (русских около 30 %). Население этих районов владеет титульным языком наряду с русским.

- Районы с титульно-русским асимметричным билингвизмом с преобладанием этнического компонента. Этот тип языковой ситуации характерен для Дагестана (русские составляют около 8 % населения).

- Территории с экстремальным типом билингвизма, который характерен для Чечни и Ингушетии.

Сегодня, когда наше государство переживает период определенной стабильности, языковая ситуация не столь проста и однозначна даже на уровне такого небольшого региона, как Северный Кавказ, где носителей языка можно условно разделить на одноязычных, двуязычных и многоязычных, что создает определенную напряженность.

Идеальной представляется ситуация, описанная американским социологом Р. Фасольдом, который, анализируя различные многоязычные общества, определил ее как положение, при котором каждая языковая группа сохраняет свою идентичность на местном уровне, но при этом все ощущают себя частью нации как целого [6].

К сожалению, эта модель не вполне применима к языковой ситуации на Северном Кавказе, где по-прежнему сохраняется достаточно сильная напряженность в языковом вопросе, поскольку он напрямую связан с проблемой этностатуса народов, населяющих этот многонациональный регион. В качестве примера приведем языковую ситуацию в Республике Дагестан (РД), где титульные народы имеют гарантированные им Конституцией РД права на развитие языка, литературы, культуры, а нетитульные малочисленные народы, которые сумели сохранить свой язык, давно ставят вопрос об официальном признании их языков равными языкам титульных народов.

Между тем труднорешаемой проблемой является несоответствие реального уровня развития многих национальных языков статусу государственных или официальных.

Отсутствие должной функциональности не позволяет полноценно вести административное делопроизводство на многих национальных языках. Зачастую создается парадоксальная ситуация, когда изучение национального языка в образовательной организации является обязательным. Знание языка желательно при приеме на государственную и муниципальную службу, но в реальности он не используется, и деловое администрирование осуществляется на русском языке. Даже наличие постоянного объема функций языка в условиях билингвизма приводит в конечном итоге к сужению этих функций и, как следствие, функциональный, а соответственно и структурный дефицит компенсируется вторым языком.

Еще одна проблема – смещение ценностной ориентации на более престижный язык в условиях билингвизма, что приводит к

переходу на второй язык и трактуется многими специалистами как проявление «языкового нигилизма» у значительной части молодежи Северо-Кавказского региона, которая не стремится изучать свой родной язык из-за его «социальной непристижности». При том, что именно хорошее владение русским языком, а не своим родным, открывает наибольшие возможности для адаптации в обществе, получения хорошего образования, выстраивания хорошей карьерной траектории. Уже не говоря о том, что важность владения русским языком обуславливается не только необходимостью знать государственный язык Российской Федерации, являющийся как языком межнационального общения всех народов и национальностей России, так и языком науки, культуры, образования, государства и права.

В наибольшей степени росту «языкового нигилизма» и в конечном итоге утрате знания национальных языков способствует урбанизация населения республик Северного Кавказа, следствием которой является усилившийся приток сельской молодежи в города, что в первую очередь связано с учебой в средних и высших учебных заведениях, а также с отсутствием достаточного количества рабочих мест в селах. Но и в самих селах распространен лишь бытовой язык, а не литературный. Можно говорить о глубоком кризисе литературного языка в Северо-Кавказских республиках. Без литературной формы любой язык обречен на деградацию. Большинство молодых людей не читают, не слушают радио на родных языках. В городах отмечается незнание или плохое знание родного языка и удовлетворительное знание русского, а в селах – знание родного языка на уровне бытового и в целом неудовлетворительное знание русского.

К сожалению, ситуация с северокавказскими языками не имеет тенденции к улучшению.

«После исследования северокавказских языков эксперты ЮНЕСКО признали вымирающими адыгейский язык, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский и еще ряд языков, носители которых проживают на Кавказе» [7].

Филологам хорошо известно, что забывание этнического языка никогда не было результатом добровольного, личностного выбора, – это всегда жестко детерминированная необходимость, которая обычно наличествовала в колониальном пространстве империй с авторитарным стилем правления. Забвение и русского, и любого

другого языка – это национальная трагедия, болезненно переживаемая любым народом. Большинство народа она переживается, скорее, на подсознательном уровне, но более отчетливо осознается пассионариями и национальными лидерами, особенно остро чувствующими личную и общественную ответственность за сохранение своих языков и уникальных языковых культур.

Следует учесть еще один аспект в анализе языковой ситуации на Северном Кавказе. Он касается процессов трансформации русского языка, в той его форме, которая функционирует в этом регионе. В результате распада Советского Союза нарушения демографического, этно-конфессионального и социально-экономического равновесия, которое стало результатом процессов дезинтеграции, роста внутренних и межгосударственных конфликтов того времени, произошло массовое переселение жителей региона.

По данным Росстата, отток русского населения из Карачаево-Черкессии составил около 20 тысяч человек (20,7 % от общего числа русских, проживающих в республике), из Кабардино-Балкарии – свыше 22 тысяч человек (около 3 % от общего числа русских), из республики Северная Осетия-Алания – 12,5 тысяч человек (около 8 % от общего числа проживающих там русских), хотя реальные цифры показателей миграции намного выше, как считают многие эксперты [8].

Основными особенностями этого процесса, по мнению, Т.Б. Загравской, являются следующие:

- возврат когда-то вытесненных из активного лексического фонда языковых единиц терминов религии, церкви, мистики, эзотерики и т. п. (например: *джихад, хадж, шариат, джамаат*);
- стилистическая модификация идеологически окрашенной лексики (например: *собственник, оппозиция, предприниматель*);
- заметная либерализация речи и стилистических норм, вульгаризация бытовой сферы общения и одновременное повышение общеязыкового и функционально-стилистического статуса нелитературных слоев русской лексики (просторечия, жаргона), ранее находившихся на языковой периферии (например: *дряхнуть, драпануть, тикать, майдан*);
- активное заимствование с помощью транскрипции (транслитерации) и калькирования иноязычных слов, перешедших в сферу политики, экономики, финансов, образования, СМИ и

коммуникации, индустрии развлечений и пр., и зачастую вытеснение с помощью них лексических единиц, утвердившихся в языке (например: *спонсор, ваучер, менеджер, саммит, сканировать, пакетная сделка, грант, принт*);

- словотворчество на базе внутренних ресурсов языка (например: *мурыжить, пофигизм, кукситься, скачивать информацию, разогнать процессор*);

- рост полисемичности единиц русского языка, появление новых значений, понятий, смысловых оттенков (например: *база, блок, план, представление, программа, реакция, серия, центр*). При этом план выражения остается неизменным, а план содержания видоизменяется или расширяется [9].

Многие эксперты отмечают, что русская языковая норма размывается. Вместе с ней снижается лингвистическая компетенция жителей региона, постепенно приближаясь к уровню просторечно-разговорного варианта языка. Часть лексики русского языка переходит в пассивный запас, будучи вытеснена заимствованиями, а другая уходит из активного употребления, так как не имеет у билингвов пропорционального подкрепления на других уровнях, прежде всего, в аспекте применения знаний и умений (особенно в сельской местности).

В то же время русский язык на территории Северного Кавказа продолжает функционировать в делопроизводстве, законодательстве, образовании.

По оценкам социологов, на Северном Кавказе по-прежнему наблюдается языковая ситуация, при которой функциональность и значимость родного национального языка билингвов зачастую меньше, чем роль русского языка в их языковом сознании и речевой практике. Продолжает сохраняться роль русского языка как языка межнационального общения, как рабочего языка органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных учреждений республик. Он по-прежнему незаменим как язык трудовой и образовательной миграции.

Сегодня требуется трезво оценить как положительный эффект, так и отрицательные последствия внедрения законов, регламентирующих употребление и статус национальных языков. Незрелость нормативной базы государственной языковой политики, отсутствие научной экспертной оценки принимаемых

законодательных актов создают ситуацию нестабильности в языковой политике и в стране в целом, а также в отдельно взятых национальных территориальных образованиях, где языковая политика не отличается высокой степенью эффективности и сталкивается с целым набором проблем, – от угрозы полного исчезновения национальных языков в результате ассимиляции до дискриминации русского и русскоязычного населения в результате обязательного изучения национальных языков в образовательных организациях.

Библиографический список

1. Петренко Д.А., Щелкова Е.Е. Современная языковая ситуация в Германии с точки зрения социальной, региональной и возрастной дифференциации // Ученые записки Таврического национального университета им. В.А. Вернадского. 1999. Т. 12 (51). № 1. С. 156–165.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская Энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Kirkwood H.G. 'The National Question' and Soviet Language Policy // Soviet Studies. 1991. Vol. 43. № 1. P. 61–81.
4. Конституция Российской Федерации. Раздел первый. Глава 3. Федеративное устройство. Статья 68. Москва, 1993.
5. Иванова Д.Н. Языковая ситуация на Северном Кавказе: история и перспективы развития // Научная мысль Кавказа. 2010. № 2. С. 48–53.
6. Fasold R.W. The Sociolinguistics of Society. New York: Blackwell, 1984. 201 p.
7. Облогина О., Уварова Е. В ритме вымирания. Сколько языков может потерять Северный Кавказ // Электронный ресурс Интернет: <https://stav.aif.ru/society/history/1452393>.
8. Патракова В.Ф. Русские на Северном Кавказе: исторический экскурс // Электронный ресурс Интернет: http://ippk.edu.mbosr.ru/elibrary/elibrary/nro/v2/vol%202_main.htm.
9. Заграевская Т.Б. Современная языковая ситуация на Северном Кавказе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 190–195.

Сведения об авторе

Заврумов Заур Асланович
доктор филологических наук,
проректор по научной работе
и развитию интеллектуального потенциала,
профессор кафедры теоретической лингвистики
и практики межкультурного общения
Пятигорского государственного университета
E-mail: nauka@pgu.ru

УДК 811.111'374:681

**О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СЛОВАРЕ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЯЗЫКА РОБОТОТЕХНИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

К.В. Колесова

*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород*

В статье анализируется словарь английского специализированного языка робототехники на материале современного пособия по промышленной робототехнике. Рассматриваются наиболее продуктивные структурные типы специализированных словосочетаний. Наиболее типичными для анализируемого языка представляются двухкомпонентные словосочетания с главным элементом именем существительным и атрибутивным элементом – прилагательным, адъективированным существительным, причастием настоящего или прошедшего времени.

Ключевые слова: специализированный словарь, робототехника, английский язык, структурные модели, словосочетания.

Specialized English for Robotics: Professional Vocabulary

Kira Kolesova

The article deals with the subtype of professional English used in the field of robotics, analyzing a modern textbook on industrial robotics, focusing primarily on the most productive ways of constructing specialized word combinations and presenting the results of an experimental anthropolinguistic analysis of specialized structural models.

Key words: specialized vocabulary, robotics, specialized language, structural models, specialized word combinations.

Исследование посвящено анализу словаря английского специализированного языка робототехники на материале современного пособия по промышленной робототехнике *Handbook of Industrial Robotics* [1].

Слово *robotics* – «роботика», или «робототехника», – было впервые использовано в печати Айзеком Азимовым в научно-фантастическом рассказе «Лжец», опубликованном в 1941 году [2]. В основу слова «робототехника» легло слово «робот», придуманное в 1920 году чешским писателем Карелом Чапек и его братом Йозефом для научно-фантастической пьесы «Р.У.Р» («Россумские универсальные роботы») [3].

В классическом понимании робототехника – это прикладная наука, занимающаяся разработкой автоматизированных технических

систем и являющаяся важнейшей технической основой интенсификации производства [4]. Робототехника опирается на такие дисциплины, как электроника, механика, кибернетика, телемеханика, мехатроника, информатика, а также радиотехника и электроника. Соответственно, и язык робототехники тесно связан со специальными языками перечисленных наук.

Под специальным языком, согласно словарю лингвистических терминов Т.В. Жеребило, понимаются языковые подсистемы, используемые специалистами в области науки и техники для коммуникации, связанной с профессиональной деятельностью в официальных и неофициальных ситуациях общения. Конституирующими элементами специального языка являются термины и профессиональные жаргонизмы. Основным признаком специализированной лексики является тематическая специфичность употребления: она используется для обозначения понятий специальных областей знаний [5].

Специализированная лексика тесно связана с развитием научного познания. В целом для развития специализированной лексики характерны следующие тенденции: взаимодействие отдельных наук, дисциплин с последующим явлением интерференции специализированных единиц; взаимодействие национальной и заимствованной лексики, связанное с расширением международного обмена информацией; рост объема специализированной лексики и усложнение ее характера; формирование на основе свободных устойчивых для конкретной сферы знания словосочетаний; сокращение словосочетаний, утрата ими отдельных компонентов [6].

Для образования специализированной лексики используются следующие средства: семантические, морфологические, синтаксические и морфолого-синтаксические.

Наиболее продуктивным средством пополнения специализированного языка робототехники представляется синтаксический способ образования специализированных словосочетаний. Распространены номинативные словосочетания с атрибутивной связью между отдельными компонентами, в частности, двухкомпонентное номинативное словосочетание с атрибутом в препозиции и именем существительным в качестве ядра. Ядерный компонент в них указывает на специализированную сферу знания. Атрибутивный компонент способствует раскрытию функции,

свойства, материала объекта, формы ядерного компонента: *monorail transporter, optimal control, prismatic motion, space robot, torque control*.

Кроме того, представлены словосочетания с именем существительным в препозиции (*cloud robotics, controller system, feedback sensor, force sensor*). Структурная схема анализируемого типа словосочетания выстраивается по формуле *NN* или *NsN* (*subsumption architecture, performance criteria, machina speculatrix, baxter robot, end effector, risk mitigation, input device, tool chargers, gantry robot, home position, motion axis, pinch points, play mode, playback operation, position level, position variables, risk mitigation, pulse coordinates, quality assurance, risk assessment, robot integrator, robot simulation, teach lock, tool coordinates, tool frame, touch sensor, work envelope, computer vision, contact sensor, robot's hand*) [1].

Атрибутивные специализированные словосочетания с прилагательным в препозиции реализуются по модели *AN* (*rotational motion, electronic device, behavioral controller, external sensor, hierarchical control, intelligent robot, manual manipulator, medical robotics*). Также используются словосочетания, основанные на модели *VingN* – *clamping force, teaching window, flocking behavior, enabling device, safeguarding device* [1]. В их состав входит адъективное причастие с качественным признаком вместо утраченного временного.

В специализированных словосочетаниях, основанных на модели *VedN* (*interpolated motion, servo-controlled robot, articulated manipulator*), причастие прошедшего времени теряет временной характер, трансформируя его в качество. Нами было выявлено незначительное количество словосочетаний типа *NsN* (*robot's hand*), где атрибутивный компонент сохраняет формальный признак одушевленности.

Предложные сочетания строятся по структурным схемам *NofN*, *NNofN* (*law of robotics, design process of robots*). В соответствии с тенденцией к сокращению словосочетаний некоторые предложные модели трансформируются в беспредложные.

Трехкомпонентные специализированные словосочетания обычно базируются на исходных двухкомпонентных, которые определяются более тесными структурно-семантическими отношениями. Такие словосочетания могут рассматриваться как

самостоятельные специализированные единства, например, *teach pendant programming – pendant programming, versatile assembly language – assembly language, path measuring system – measuring system* [1].

Трехкомпонентные английские специализированные словосочетания распределяются по следующим моделям: *NNN – safety logic circuit, business progress automation, shock detection function, spline motion type, work home position, vacuum cup hand, tool center point, facility design language, fault tree analysis, safety integrity level, force-torque sensor; AAN – direct numerical control; ANN – shy light seeker, atomic force microscope, kinematic influence coefficients, rotary vector drive, robot programming language, fuzzy rule base, aggressive light phoebe, aggressive light seeker continuous path control; AAN – programmable logical controller; ANofN – technological scheme of production; NofAN – application of quantum electronics; NinNN – eye-in-hand system; NofNN – end-of-life value, end-of-axis control; NandNVing – speed and separation monitoring; NVingN – softlimit setting function; NVedN – safety monitored stop; VedNN – closed loop control, integrated development environment; NNforN – robot calibration for vision; NandNN – support and containment device* [1].

Четырехкомпонентные словосочетания включают такие модели, как *NNNN – failure modes and effects analysis; ANNN – fuzzy basis function control network, direct drive torque motor, remote center compliance device; ANofNN – gross volume of work envelope; ANAN – high level procedural language; ANNG – high level robot programming; AAAN – interactive manual automatic control; ANNG – multi-spectral color and depth sensing; NNNVing – robot range limit monitoring; VedANN – coordinated straight line control* [1].

В пятикомпонентных словосочетаниях отмечены следующие модели: *ANNAN – selective compliance assembly robotic arm (SCARA); ANNNN – common object request broker architecture; AANPN – very large scale integrated circuit; AAGNN – fuzzy adaptive learning control network; AANandGN – intelligent collision avoidance and warning system; ANPANN – adaptive network based fuzzy inference system; NPGANN – computer integrated manufacturing open systems architecture (CIMOSA); ANANAN – proportional plus integral plus derivative control* [1].

В целом современный специализированный язык робототехники прошел долгий путь формирования и становления, что отражается в

многообразии моделей, образующих специализированные терминологии. На основании проведенного анализа можно утверждать, что структура словаря специализированного языка робототехники в основном определяется двухкомпонентными словосочетаниями, среди которых наиболее употребительными являются схемы *NN*, *AN*, *VingN*, *VedN*. Продуктивными также являются модели *NofN*, *NforN*. Таким образом, типичными для анализируемого языка являются двухкомпонентные словосочетания с главным элементом именем существительным и атрибутивным элементом – прилагательным, адъективированным существительным, причастием настоящего или прошедшего времени.

Будучи консервативным по своей структуре построения, словарь английского языка робототехники придерживается тенденции к сохранению ограниченного количества составляющих словосочетание компонентов для удобства их использования.

Библиографический список

1. Handbook of Industrial Robotics / Ed. S.Y. Nof. N.Y.: John Wiley and Sons, 1999. 1378 p.
2. Asimov I. I, Robot. Short Stories. Oxford University Press, 2007. 112 p.
3. Capek K. R.U.R. (Rossum's Universal Robots). Samuel French, Inc., 1923. 94 p.
4. Robotics Expo // Электронный ресурс Интернет: <https://robot-ex.ru/ru/article/proniknovenie-robotov>.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигримм, 2010. 480 с.
6. Лаврова А.Н. Архитектура специализированного словаря английского языка мировой экономики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 2. Т. 1. С. 120–127.

Сведения об авторе

Колесова Кира Васильевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»,
руководитель центра языковой подготовки
НГТУ им. Р.Е. Алексеева
E-mail: kolesovakirav@gmail.com

УДК 811.111'371

О ТИПОЛОГИИ ЗООНИМИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

К.В. Колесова

*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород*

В данной статье рассматривается типология зоонимической коннотации, основанием для нее признается понятийная наполненность зоосемических знаков. Предлагаемая типология позволяет с определенной точностью установить пределы понятийного пространства зоонимов во вторичном их функционировании.

Ключевые слова: зоонимы, зоосемизмы, семантическая двуплановость, лексема, лексический состав, терминологизация, коннотация.

A Typology of Zoonym Connotations

Kira Kolesova

The article examines connotations of English zoonyms and use of zoonyms for figurative and emotional representation of speech objects in casual or occasional usage. The typology proposed by the author is based on the conceptual content of specific zoonyms and allows for setting limits to the conceptual space of zoonyms in their secondary function.

Key words: zoonym, zoosemism, semantic duplex, lexeme, lexical composition, terminology, connotation.

Объектом настоящего исследования является зоонимическая коннотация, или «использование зоонимов для образного, эмоционального представления объектов речи узуального или окказионального характера на основе сведений, соотносимых с эмпирическими, культурно-историческими, мировоззренческими знаниями людей определенного социума» [1. С. 140]. Зоонимической коннотации посвящены работы М. Блэка, Д. Буvero, Ф.И. Буслаева, С.Г. Ватлецова, Н.К. Дмитриева, Н.Ф. Зайченко, Н.В. Николаева, Ю.Н. Исаева, Т.В. Линко, А.А. Киприяновой, Н.А. Клушина, Б. Кэмпбелла, Д.М. Мардановой и других. Несмотря на интерес, проявляемый лингвистами к зоонимам, на наш взгляд, данный пласт лексики все еще не подвергался широкой и комплексной интерпретации и систематизации. Известные исследования в основном посвящены только к изучению зоонимической коннотации в историческом, стилистическом или сравнительном аспектах. Цель настоящей статьи состоит в попытке автора предложить типологию

зоонимической коннотации. Новизна исследования в том, чтобы сначала выделить сигнификативный компонент из семантики зоонимов, а затем систематизировать данный пласт лексики. Основанием для такой классификации признается понятийная наполненность зоосемических знаков.

Вторичная номинация, когда зоонимический знак употребляется для обозначения объектов, отличных от зоологического мира, неизбежно порождает семантическую двупланность: с одной стороны, животное, с другой, объект, которое этим животным именуют. При зоонимической номинации включаются понятийные компоненты семиотики зоологической характеристики. Следовательно, зоонимическая коннотация уточняет основание для именованного объекта речи тем или иным зоонимом: вложить *свое, личное* эмоциональное отношение к объекту называния, или механически, не всегда мотивированно воспроизвести *чужую* оценку.

В процессе нашего исследования мы обнаружили, что во вторичной номинации не все зоонимы как языковые знаки реализуют в полной мере сигнификативные компоненты в своей структуре. Ниже мы предлагаем типологию, основанную на факте полной и частичной (затушеванной) реализации сигнификативных значений у зоонимов, когда последние выступают во вторичной для них функции.

1. Зоонимы, имеющие коннотацию.

1.1. Зооморфизм – приписывание объекту речи внутренних или внешних характеристик животного (зоонимическая метафора, сравнение и квазитождество) [1. С. 141]. В искусстве танца, пения, живописи, архитектуры человек копировал животный и растительный мир. И в даре речи – «одном из самых удивительных и самых человеческих способностей» (В. Морозов) – человек творчески переосмысливает гено- и фенотипы своих «братьев по крови» (*brothers in blood*) (Р. Киплинг). Это слова и выражения, устойчивые (фразеологизмы) или неустойчивые (окказионализмы), за которыми всегда стоит образ, «отражение конкретного чувственного представления, имеющего источником окружающий нас мир деятельности, преломленный через творческое сознание автора» (А.Ф. Федоров). Так, в примере, приведенном ниже, человек уподобляется животному как в переносном, так и в буквальном значении: “*You’re the hoss,*” says *Black Scout*. “*Get down on your hands*

and knees. How can I ride to the stockade without a hoss” [2. С. 202]; “I was rode,” says Bill, “the ninety miles to the stockade, not barring an inch. Then, when the settlers was rescued, I was given oats” [2. С. 204].

Здесь для образного представления объекта номинации субъект предписывает последнему симулировать действия животного (коня) и таким образом уподобиться ему. Субъективность речевой коннотации зооморфизмов проявляется в возможности переменной референции, создающей экспрессивную окраску, когда компонент значения языковой единицы выступает во вторичной для нее функции наименования на основе сведений, соотносимых с эмпирическим и мировоззренческим знанием, эмоциональным или ценностным отношением говорящего обозначаемому (референту), социальным или ценностным отношением коммуникантов, которая дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, мотивированной переосмыслением сигнификата, передающей субъективизм (модальность, со-значение) референту к актуализованной речи.

С эмпирической точки зрения особый интерес вызывают случаи, когда зооморфной номинации подвергаются другие животные. Например, в предложении *“Binkie-dog, he’s a lazy hog, isn’t he?” said the Nilghai. “You’re a most amazing cuckoo in many directions” [3. С. 15]* пса по кличке Бинки сначала называют *hog* («боров», «свинья»), приписывая характеристики свиньи, борова как «лень». Далее «боров» становится «кукушкой» (*cuckoo*) с соответствующими характеристиками «глупца», «разини».

Язык – семантическая система, «естественно возникшая и закономерно развивающаяся», обладающая свойством социальной предназначенности, «основная общественно значимая, опосредованная мышлением, форма отражения окружающей человека действительности и самого себя» [4. С. 157]. Посредством языковых единиц человек формирует знания о природе вещей, хранит их, передает информацию, т. е. языковые единицы служат для номинации элементов действительности, инструментом мыслительного процесса и средством коммуникации.

Рассмотрим научно-техническую коммуникативную подсферу. Зооморфные наименования здесь в силу узко обозначаемого понятия специальной области знания и действительности являются

терминами, в основе создания которых лежит метафора, ассоциирующая две различные категории и свойства объектов или классов объектов, когда происходит замещение одного значения другим, характеризующееся семантической двуплановостью и появлением нового значения слова.

В парадигматическом плане зооморфные термины обладают наибольшей образностью: «барашек» 1) гайка; 2) винт; 3) завиток провода, троса; 4) гребень волны. В функциональном, синтагматическом плане образность зооморфных терминов снижается: *барашек потерялся* и стремится к нулю: *барашек сломался, металлический барашек*. В парадигматическом плане зоонимические термины обладают наибольшей образностью, например, компьютерный термин «мышь» (анг. *mouse*) – устройство, внешне схожее с представителями грызунов. Однако в функциональном, синтагматическом плане образность зоонимических терминов снижается: *мышь потерялась* и стремится к нулю: *мышь сломалась, беспроводная мышь* [5. С. 117–119]. Последние модели компьютерных мышей все меньше напоминают своих «прообразов».

1.2. Паразооморфизм – интерпретация неестественных характеристик животных, т. е. вымышленных, основанных на поверьях и обычаях, религиозных или суеверных представлениях. Например, в предложении *Ground-hog right* [6. С. 13] говорящий упоминает свойство сурка предсказывать погоду, когда данное животное якобы просыпается второго февраля (*Ground-hog Day*) от зимней спячки и, если он видит свою тень, т. е. если день солнечный, он возвращается в свою нору еще на шесть недель зимней погоды, которую он таким образом предсказывает.

1.3. Псевдозооморфизм, или зоосемическая антономазия, метафоризация крылатых слов и выражений, референты которых указывают на известных персонажей-животных из определенного библейского, фольклорного, литературного, публицистического или научного источника, когда к природным внешним или внутренним характеристикам добавляются какие-либо индивидуальные, свойственные только ему, особенности персонажа [1. С. 143]. Для эмоционально-оценочной характеристики люди широко пользуются наименованиями животных из художественных произведений, например, *as mad as a March hare* («спятивший, как Мартовский заяц»). Мартовский заяц – герой сказки «Приключения Алисы в

стране чудес» Л. Кэрролла. Псевдозооморфизм, как и зооморфизм, создает семантическую двуплановость. Однако псевдозооморфизм и интегрирует внешние и внутренние характеристики не биологического существа, а *персонажа* художественного произведения: *Sally is getting as mad as a March hare* [7. С. 14].

2. Зоонимы коннотативно нейтральные.

В данную категорию зоонимов следует отнести прежде всего имена собственные. Поскольку сигнификат фиксирует не только постоянный комплекс признаков референта, но и переменный, получается, что зооним, входящий в состав собственных имен, не реализует свое сигнификативное значение. Например, фамилия *Mr. Robinson* (англ. *robin* – рус. «малиновка») функционирует зооним, немотивированный переименованием зоологических характеристик птицы. Возможно, в первоначальном своем применении они обладали такой характеристикой наподобие имен-прозвищ индейцев из романов Ф. Купера, скажем, «Соколиный глаз» (*Hawk Eye*). В данном случае это пример, когда языковой знак обладает в своей структуре зоологическим сигнификатом, т. е. таким набором качеств животных, который угадывается в какой-либо характеристике человека. Эта характеристика и выражается зоонимом.

2.1. Зоосемизмы, или зоосемические фразеологизмы. Это такие зоологические выражения, где зоонимы употребляются для представления образности ситуации без интерпретации зоологических характеристик. Подобные выражения лишь интерпретируют воздействие человека на животных, например, идиоматические выражения *don't look a gift horse in a mouth* («дареному коню в зубы не смотрят»), *don't change horse in midstream* («коней на переправе не меняют»).

Герой романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» Итен на протяжении всего произведения наделяет свою жену уменьшительно-ласкательными прозвищами, которые он заимствует из мира животных: *lady-bug*, *pollywog*, *rabbit footling mine*, *little mouse of a mouseness*, *hollyquail*, *Nileserpent*, т. е. выражениями ласки и нежности [6. С. 13]. Однако едва ли все они мотивированы зоологическими характеристиками представителей зоомира.

2.2. Зоонимическая метонимия – ситуативное использование зоонимов, эллиптическое сокращение текста, ограниченное условиями употребления, не создающее нового контекстуального

значения. При метонимии перенос зоонима не подразумевает перенос характеристик животного [1. С. 144]. Так, слово *buck* в значении «доллар» указывает на шкуру убитого оленя *buck skin*, которая служила средством обмена на товары, а не на животного *buck*. Таким образом, словосочетание *buck skin* было сокращено до слова *buck*. То же в полной мере относится и к *зооморфным терминам* [5. С. 52].

2.3. Зоонимическая метафора. При зоонимической метафоризации происходит расширение сочетаемости слов, то есть движение от конкретных к абстрактным лексикам, сопровождающееся оценочными коннотациями. Обратный процесс перехода признакового значения в категорию конкретной лексики не типичен для метафоры, но типичен для терминологизации, особенно зооморфного характера, т. к. термины обладают системностью, дефиницией, тенденцией к моносемичности в пределах терминологии данной области знания или деятельности, отсутствием экспрессии, стилистической нейтральностью. Эти свойства термина реализуются только внутри терминологического поля, за пределами которого термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики, т. е. детерминологизируется.

Например, слово «паразит» (греч. *parasites* – «нахлебник», «блюдолиз») в английский язык пришло из греческого языка как биологический термин – организм, живущий на поверхности или внутри другого организма, «хозяина», или питающийся за счет последнего, – затем стало употребляться в переносном, фигуральном значении в обиходно-бытовой коммуникативной подсфере как «живущий за счет чужого труда, тунеядец, дармоед». Термин «пресмыкающийся» (англ. *reptile*) – это раболепный, подлый человек, подхалим, пресмыкающийся, продажный; «беспозвоночный» (англ. *invertebrate*) – бесхарактерный человек. Отсюда следует, что терминологические и нетерминологические лексемы взаимопроникаемы.

2.4. Названия животных, функционирующие в междометиях, т. е. в выражениях эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность. Например, в шутовском прощании *See you later, alligator!* – *After a while, crocodile!*, *Bully-Bully!*, *Holycow!* – как выражение восторга, или *Nuts!* *Rats!* – как выражение досады, негодования. Приведем пример функционирования таких зоонимов:

She raised her arms over head and her fingers moused in her hair. "Why?", she asked. "Cats' why to make kittens' britches" [6. С. 13].

2.5. Зооморфные слова-гибриды, полученные при «скрещивании» лексем *dove* с зооморфным значением «миролюбивый политик» и *hawk* – «политик, разрешающий конфликты военным путем». В результате получается гибридное сокращение *hawk* со значением «человек, не одобряющий войну, но отказывающийся активно бороться за мир». Приведем пример функционирования такой лексемы:

Toward that end, the House Republican Conference last week issued a 37 – page indictment of London's conduct of the war / In it the Republicans did their agile best to sail with the doves and swoop with the hawks. The result was a dawkw... However, the Republicans dawks could not convincingly square their criticism of US war policy with their insistence that they still support the war (Time, September 30, 1966) [8. С. 93].

Итак, предлагаемая в данной работе типология зоонимической коннотации, как нам кажется, позволяет точно устанавливать пределы понятийного пространства зоонимов в их вторичном наименовании. Она призвана помочь значительно лучше понимать повседневную, специальную и художественную речь, как письменную, так и устную.

Библиографический список

1. Ватлецов С.Г. Систематика зоонимической коннотации (тезисы) // Проблемы утраты и возрождение традиционной и классической культуры на фоне развития цивилизации. Вклад Н.А. Добролюбова и современников в видение этой темы. Сборник материалов научной конференции. Н. Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2007. С. 140–145.

2. Генри О. Рассказы. На английском языке. М.: Прогресс, 1977. 376 с.

3. Киплинг Р. Свет погас. На английском языке. М.: Прогресс, 1975. 287 с.

4. Кибрик А.Е. Когнитивно ориентированная типология // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1998. № 3. С. 156–160.

5. Ватлецов С.Г. Систематика зооморфной лексики и ее англо-русская эквивалентность. Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2001. 277 с.

6. Steinbeck J. The Winter of Our Discontent. М.: Высшая школа, 1985. 271 с.
7. Ричард А. Спирс. Словарь американских идиом. М.: Рус. яз., 1991. 464 с.
8. Трофимова З.С. Словарь новых слов и значений в английском языке. М.: Павлин, 1983. 304 с.

Сведения об авторе

Колесова Кира Васильевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»,
руководитель центра языковой подготовки
НГТУ им. Р.Е. Алексеева
E-mail: kolesovakirav@gmail.com

УДК 81'37:81'42

**ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ИСТОЧНИК
АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В
ТЕКСТАХ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ**

Н.Г. Круглова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

В данной статье представлены результаты анализа школьных сочинений, содержащих аксиологические концепты, присутствующие в пословицах и поговорках. Приведённые примеры демонстрируют типичные особенности употребления школьниками пословиц и поговорок. Тексты школьных сочинений отражают варианты интерпретации аксиологических концептов «честь», «совесть», «трудолюбие», «бескорыстие» и «справедливость» в сознании школьника. При осознанном употреблении паремиологического материала тексты сочинений способны обогатиться смыслом, отразить истинное понимание значения аксиологических концептов учащимися. Выявлены некоторые проблемы использования школьниками паремиологического материала, констатация которых позволяет сосредоточиться на конкретных задачах обучения.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, паремиологический материал, аксиологические концепты, дискурс школьного сочинения-рассуждения, лексико-семантическая структура паремиологических единиц.

**Proverbs as a Source of Axiological Concepts and Their Reflection
in Texts of School Essays**

Natalia Kruglova

The article analyzes secondary school essays that contain axiological concepts present in popular proverbs and sayings, and studies the usage of these proverbs and sayings in typical students' written speech. The texts of the essays reflect students' interpretation of such axiological concepts as honor, conscience, hard work, unselfishness, and justice, and, since proverbs and sayings function as preparatory materials for writing essays and serve as helpful tools for describing these concepts, the conscious use of paremiological units allows students to develop their ideas more fully and describe their understanding of various axiological concepts more accurately and effectively. The article also points out a number of difficulties related to students' use of paremiological material and outlines specific ways of addressing these difficulties in the classroom.

Key words: proverbs, paremiological material, axiological concepts, secondary school opinion essay discourse, lexical-semantic structure of paremiological units.

Нравственно-ценностный компонент русской языковой картины мира в значительной степени отражен в паремиологическом материале – единицах пословичного фонда: пословицах, поговорках,

фразеологических единицах. Работа с паремиологическим материалом в процессе обучения русскому языку способствует формированию аспектов понятия о нравственно-ценностном компоненте русской языковой картины мира в сознании учащихся и обогащению речи, приданию ей яркости, выразительности, разнообразия.

Цель данной статьи – проанализировать использование паремиологических единиц при выражении аксиологических концептов в текстах школьных сочинений. В качестве инструмента данного анализа предлагается рассмотрение лексико-семантической структуры паремиологических единиц, выражающих аксиологические концепты, представленные в школьных сочинениях-рассуждениях.

Актуальность данного исследования связана с идеей сохранения универсальных, основополагающих духовных ценностей нравственной культуры и интересом современной лингвистической науки к изучению смысловой организации текстов, с определением роли дискурса школьного сочинения-рассуждения в коммуникативных процессах современного российского общества, с анализом новых явлений в этом традиционном дискурсе.

Рассмотрим особенности паремиологических единиц как объекта нашего исследования.

В.П. Аникиным в книге «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» подчеркивается, что в пословицах и поговорках отражён многовековой социально-исторический опыт народа во всех областях человеческого существования [1. С. 14–15]. В «Словаре русского языка» пословица определяется как «краткое народное изречение с назидательным смыслом; народный афоризм» [2. С. 684]. А.М. Горький справедливо отмечал, что в пословицах «сжат трудовой опыт бесчисленных поколений» [3. С. 339]. Характерными особенностями жанра пословиц являются: наличие художественного образа; смысловая двуплановость; краткость и афористичность; широта тематики; многообразие языковых средств с двучленной синтаксической формой: параллелизмы, тавтология (синонимы), противопоставления (антитеза) («дорого, да мило, дешево, да гнило»); разнообразные по форме сравнения; выражения обобщения и заключения («счастье, что волк: обманет да в лес уйдет»); отражение взаимосвязи

противоположных явлений («каково начало, таков и конец»); утверждение важнейших духовных качеств человека, достойных уважения, мастерства и трудолюбия и других положительных черт личности; аксиологическое (ценностное) содержание пословиц как квинтэссенции народного опыта – наличие ценности и её отсутствие (антиценности).

В «Толковом словаре русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений» под редакцией С.И. Ожегова понятие «поговорка» рассматривается как «краткое устойчивое изречение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [4. С. 520].

Таким образом, благодаря своей поэтичности и близости к народной лирике, разговорной речи пословицы и поговорки являются ее украшением. Им присущи актуальность, перспективность существования в последующие эпохи. Они являются источником аксиологических концептов, так как содержат итоги осмысления и оценки народом различных явлений действительности.

Аксиологические особенности русской языковой картины мира школьников, в том числе механизм употребления пословиц и поговорок как источника аксиологических концептов в текстах сочинений, недостаточно изучены. Следует отметить, что предварительная подготовка школьников к созданию анализируемых текстов частично осуществлялась в рамках факультативного курса «Использование пословиц, поговорок, фразеологизмов, лексикографических материалов и художественных текстов при создании сочинения-рассуждения ОГЭ и ЕГЭ». При извлечении концептов из текстов школьных сочинений [5], которое осуществлялось путем поиска в данных текстах концептов, слов и словосочетаний одной тематической группы (честь = достоинство, благородство, репутация, почет, уважение), антонимов (бесчестье, неуважение), отдаленно связанных концептов (честь = совесть, отвага), обращалось внимание и на использование паремиологических единиц, содержащих соответствующие концепты. Анализ данных единиц, встречающихся в текстах сочинений-рассуждений учащихся, предварительно оформлялся в виде таблицы «Анализ единиц нравственно-ценностного компонента языковой картины мира, отраженных в текстах сочинений-рассуждений», структура которой содержала следующие графы:

- 1) наименование концепта;
- 2) паремиологические единицы;
- 3) фразеологизмы;
- 4) афоризмы с участием данного слова;
- 5) ссылка на прецедентные тексты.

Данные, представленные в таблице, позволяют анализировать содержание концептов с учетом представленности их в сочинениях – какие признаки концепта считаются авторами текстов важными, как выстраивается иерархия этих признаков, какие стороны концепта не принимаются во внимание. Важно отметить, что пишущие школьники редко используют пословичный фонд в своих текстах, либо применяют одну и ту же поговорку (поговорку). Аксиологические концепты в текстах школьных сочинений-рассуждений обладают своими языковыми и речевыми особенностями. Тексты школьных сочинений отражают варианты интерпретации аксиологических концептов «честь», «совесть», «трудолюбие», «бескорыстие» и «справедливость» в сознании школьника.

Содержание программы указанного факультативного курса включает работу над определениями понятий «пословица» и «поговорка», тематическую классификацию пословичного материала с учетом рекомендованных в пособиях по подготовке к ЕГЭ и ОГЭ тем для рассмотрения нравственных категорий в диалектике (долг, ответственность – безответственность, совесть – отсутствие ее, бескорыстие – корыстолюбие, правда – ложь, трудолюбие – лень), определение значения пословиц и поговорок, примеры их функционирования в языке.

Рассмотрим примеры функционирования паремиологических единиц в школьных сочинениях. Эти единицы обнаруживаются в ряде фрагментов сочинений, представленных ниже (авторский стиль сочинений сохранён; в скобках после фрагментов даны инициалы их авторов). Необходимо отметить, что использование пословиц и поговорок в сочинениях далеко от образцового, отражает весьма низкий уровень осознанности значения пословиц и поговорок, поверхностное понимание народной мудрости, заключенной в паремиологических единицах. Но констатация этих проблем позволяет сосредоточиться на конкретных задачах обучения.

Паремиологические единицы, содержащие концепты «честь», «совесть», «трудолюбие», «справедливость», «бескорыстие»,

отражённые во второй и третьей графе таблицы, представлены в следующих фрагментах сочинений.

Фрагмент 1

Во-первых, люди забыли о чести и гонятся только за своей материальной выгодой.

Во-вторых, в своем произведении «Капитанская дочка» Пушкин завещал: «береги честь смолоду».

Я считаю, что главная проблема людей в том, что они забыли про честь лишь из-за того, что считают ее чем-то нереальным и невозможным. У людей слова «честь» и «выгода» стоят в одном ряду... люди не задумываются о чести и «стыде» и прочих «ненужностях». И стремление нашей страны стать одной из самых богатых стран мира, но почему-то до сих пор остается бедной, говорит о том, как важна душа человека, быть честным и совестливым. Самое главное в жизни – не предать честь и быть честным со всеми людьми и не гнаться за выгодой, если это переступает через честь. К этому нужно приучать с самых маленьких лет и соблюдать всю жизнь (А. А.).

Содержание пословицы «береги честь смолоду» логически слабо связано с рассуждением, которое содержится в сочинении А.А. (только в конце отрывка сказано о «приучении» быть честным «с маленьких лет»). Автор данного сочинения использует пословицу, не вникая в её смысл.

Фрагмент 2

В тексте говорится об актуальной во все времена проблеме чести. Автор утверждает, что важно и нужно быть честным и совестным человеком. И с его позицией нельзя не согласиться. Ведь правильно, человек с чистой совестью и честью более уважаемый людьми. И если с детства человек воспитан справедливым и честным, то он и в дальнейшей жизни будет порядочным и хорошим гражданином.

И правильно в тексте приведен пример из «Капитанской дочки», что честь надо беречь смолоду. Таким героем является Гринева, заступившийся за М. Миронову от посягательств подлеца Швабрина. Он отстоял честь девушки и установил справедливость. Пути решения этой проблемы могут быть разными. Если люди не будут преступать через совесть и будут себя вести честно и

справедливо, может, тогда наша страна станет богатой хорошими людьми.

Итак, вывод к этому тексту такой: честным и справедливым человеком быть хорошо во все времена. Так у нас появится благородство, достоинство, невозможность лгать, подличать, иметь чистую совесть (Щ. Н.).

В данном фрагменте сочинения, содержащего комментарий к публицистическому произведению, также используется содержание указанной поговорки, причём более логично, чем в тексте А. А. Погодина «береги честь смолоду» связывается с поведением героя пушкинского произведения, которого можно рассматривать как хрестоматийный образец человека, обладающего честью.

Концепт «трудолюбие» и паремнологические единицы, связанные с ним, представлены в следующих фрагментах сочинений.

Фрагмент 3

Трудолюбие – любовь к труду, стремление много трудиться, работать, усердие; это качество очень хорошее, труд продлевает жизнь, существование, это заработок, очень хорошее качество, без труда не выживешь; труд заслуживает уважения, потому что «без труда не выловишь и рыбку из пруда» (М. П.).

Во фрагменте сочинения М. П. сделана попытка включить поговорку в логику рассуждения, но эта попытка оказалась неудачной, так как уважение к труду не вытекает из содержания поговорки (поговорка не об этом).

Фрагмент 4

В учебниках говорится о трудолюбии, что это любовь к труду, который делаешь своими руками. «Без труда хлеб не родится никогда». «Без умения и сила ни при чем». «Будешь стараться – все может удасться». «В труде рождается герой». Трудолюбивые люди всегда заслуживают большого спроса и уважения и доверия к людям, и это хорошее качество человека (Д. П.).

На первый взгляд во фрагменте сочинения Д. П. поговорки о труде просто перечислены без включения их в рассуждение (очевидно, только для того, чтобы выполнить задание – использовать поговорки о труде). Однако не исключено, что они для автора текста могут означать следующее: «в труде рождается герой» – здесь труд приравнивается автором к героизму; «будешь стараться, все может удасться» – автор осознает значимость старания и упорства на пути к

достижению поставленной цели; «без умения и сила ни при чем» – в трудовом процессе автор отводит ведущую роль умению (мастерству), а не физической силе; «без труда хлеб не родится никогда» – автор считает, что трудолюбие – главное условие достижения определенного результата (обеспечить пропитание).

Фрагмент 5

А если принять во внимание мнение писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина, создателя сказки «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», то убеждаешься, что трудолюбие спасает мир, также можно добавить, что добро побеждает зло. Ведь два генерала были нерасторопные, неповоротливые, за свою жизнь ничего не научились делать. А мужик, напротив, уже в годах, простая душа, всю жизнь работал и кормил себя сам. Как говорится «лень мужичка не кормит» (Б. Ю.).

Во фрагменте сочинения Б. Ю. нарушена логика рассуждений (неоправданно включено высказывание о добре, необоснованно расширен тезис, который доказывается с помощью литературного примера). Однако использование пословицы «лень мужичка не кормит» представляется в целом удачным, потому что в тексте речь идёт о мужике и потому что содержание пословицы связано с сюжетом упоминаемого произведения. Лень оценивается отрицательно и не приносит пользы.

Пословица «без труда не выловишь и рыбку из пруда» – самая часто встречающаяся в сочинениях учащихся пословица. Она понимается так: труд – главное условие любого начинания, что ничего невозможно достичь без усилий.

Фрагмент 6

Трудолюбие – это положительное качество в человеке. Человек трудолюбивый доведет любое дело до конца... Без труда не выловишь и рыбку из пруда... Любишь кататься – люби и саночки возить. Я оцениваю трудолюбие с большим уважением. Трудолюбивых людей ценят, уважают. Они этого, безусловно, заслуживают (Б. Р.).

Фрагмент 7

Трудолюбие – это одно из хороших качеств человека. Люди, благодаря трудолюбию, добиваются поставленной цели, ведут активный образ жизни, создают семью, работают, трудятся... Без труда не выловишь и рыбку из пруда... Сделал дело – гуляй смело.

Это хорошее начало, оно очень ценится. Трудолюбивых людей уважают, ценят... Они заслуживают большого уважения (П. В.).

В пословице «сделал дело – гуляй смело» речь идёт о необходимости доводить начатое дело до завершения.

«Любишь кататься – люби и саночки возить». Здесь автор подразумевает, что даже любимое дело требует усилий, самостоятельности, присутствующей в процессе труда.

Фрагмент 8

Это качество у меня есть, но бывает, что я когда-то нагрешу, и меня будет мучить совесть. Когда люди крадут, у них нету мыслей, что это грех, и неправильно так поступать, что они за поступок расплатятся (А. И.).

«Будет грызть совесть» – фразеологизм, отсылающий к известным фразеологическим словосочетаниям «угрызения совести» и «будет мучить совесть» (муки совести, предполагающие переживаемые человеком чувство стыда, раскаяния, самоосуждение).

Фрагмент 9

Существует большое количество пословиц и поговорок о совести: «совесть – глаз Божий», «совесть без зубов, а грызёт», «совесть в карман не положишь» (К. А.).

Во фрагменте 9 используются две поговорки и одна пословица без объяснения, но они очень содержательны и значимы для понимания позиции автора текста: он уверен во взаимосвязи совести с божественным провидением, с муками (угрызениями) совести, глубоким внутренним самоанализом, в неподкупности этого чувства. Пословица «добрая совесть – глаз Божий» – это качество – лучший советчик, человек чувствует одобрение или осуждение, присутствие божественного начала как наблюдателя в ситуации выбора между добрым и злым, плохим и хорошим, правильным и неправильным.

Фрагмент 10

На тему справедливости есть известная пословица: «как аукнется, так и откликнется». Справедливость – удел сильных людей, они заслуживают уважения, но, к сожалению, не всегда его получают, ведь сколько людей, столько и мнений (Б. А.).

В данном отрывке текста используются пословицы, не связанные с концептом: «что посеешь, то и пожнёшь», «как аукнется, так и откликнется». Автор приводит пословицу, связанную с идеей возможного возмездия, бумеранга. Фразеологизм «сколько людей,

столько и мнений» в этом тексте не связан с концептом, но он отсылает к мысли о разной трактовке концепта «справедливость».

Фрагмент 11

Не смотря на знаменитую поговорку «не делай добра, не будет зла», я все же думаю, что, когда мы совершаем что-то плохое, нами движут корыстные цели (Д. Г.).

Во фрагменте 11 автор признаёт факт известности («знаменитости») поговорки «не делай добра, не будет зла», хотя она используется неуместно (в тексте о бескорыстии), выражает опасение, что добрый поступок не будет оценён по достоинству, напротив, подвергнется осуждению.

На основе анализа фактического материала можно сделать следующие выводы: учащиеся нечасто используют паремиологический материал, в котором представлены изучаемые концепты. Приведённые примеры характеризуют типичные особенности употребления школьниками пословиц при написании сочинений-рассуждений.

Проблемы использования паремиологического материала школьниками в том, что учащиеся не всегда могут верно включить этот материал в цепь рассуждений, так как не осознают всей глубины содержания, которое вложено народным сознанием в любую пословицу. В основном учащиеся используют пословицы потому, что таково задание, а не по внутренней потребности выражения своих мыслей и чувств.

Поэтому перед педагогами возникает задача донести до учащихся содержание пословиц во всей его глубине, научить созданию текстов сочинений, в которые пословицы и поговорки вплетались бы органично, а не формально – с целью выполнения задания.

Пословицы и поговорки как подготовительные материалы для написания сочинения являются инструментами описания аксиологических концептов, наряду с другими инструментом описания: словом учителя, толкованиями из словарей и прецедентными текстами, реконструирующими и описывающими содержание концептов, позволяющими выявить аксиологические особенности нравственно-ценностного компонента русской языковой картины мира школьника. Естественно, пословицы и поговорки как

инструменты описания имеют свою специфику, которая должна быть учтена при достижении дидактических целей.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
2. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
3. Горький А.М. О литературе. М.: Советский писатель, 1955. 904 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
5. Круглова Н.Г. Лексико-семантическая структура аксиологических концептов в школьных сочинениях // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.science-education.ru/131-23360>.

Сведения об авторе

Круглова Наталья Генриховна
соискатель при кафедре
современного русского языка
и общего языкознания
филологического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Школа № 60»
E-mail: cruglowanatalya@yandex.ru

УДК 81'25:791

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД»

Е.Д. Малёнова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «аудиовизуальный перевод», предлагаемые отечественными и зарубежными переводоведами. Автор также приводит собственный вариант определения понятия «аудиовизуальный перевод», сформулированный на основании совокупности теоретического осмысления явления и практического опыта выполнения данного вида перевода.

Ключевые слова: перевод, аудиовизуальный перевод, перевод кинофильмов, киноперевод.

Defining Audiovisual Translation

Evgeniya Malenova

The purpose of the research is to compare different approaches to defining the concept of audiovisual translation used by Russian and foreign translation scholars. The author suggests her own definition of audiovisual translation based both on theoretical underpinnings for this concept, and practice of audiovisual translation.

Key words: translation, audiovisual translation, translation of films, film translation.

За последние 10–15 лет аудиовизуальные тексты стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Развитие сети Интернет, запуск потоковых сервисов *VoD (Video on Demand)*, позволяющих зрителям получать доступ к аудиовизуальным произведениям в любое время суток с любого устройства, появление трансмедийных вселенных, – всё это обуславливает необходимость изучения феномена аудиовизуального текста. К тому же, учитывая тот факт, что более 70 % аудиовизуального контента, демонстрируемого в России, импортируется [1. Р. 526], особое внимание необходимо обратить на изучение аудиовизуального перевода.

Несмотря на то, что мировые традиции перевода кинофильмов начали закладываться с начала XX века, первое исследование аудиовизуального перевода в Европе датируется 1976 годом [2]. Это объясняется тем, что интерес лингвистов к проблемам перевода аудиовизуальных текстов тесно связан с развитием кино и телевидения.

До появления национальных телевещательных корпораций и массового распространения телевидения в 1960–1970-х годах прошлого века корпус переведённых аудиовизуальных текстов, то есть кинофильмов, демонстрируемых на киноэкранах, был ничтожен. Затем массовое распространение телевидения, появление видеомагнитофонов и спутниковых телеканалов обусловили активный рост производства и импорта аудиовизуального контента. Согласно прогнозам специалистов, ожидалось, что только в период с 1989 по 2000 год количество спутниковых каналов в Европе увеличится в 3,5 раза, а объём часов телевидения в год – в два раза [3. Р. 138]. Ещё одним фактором, привлёкшим интерес исследователей к проблемам аудиовизуального перевода, стало проведение первой конференции, посвящённой проблемам дубляжа и субтитрования, организованной Европейским вещательным союзом (EBU) в 1987 году в Стокгольме [4. Р. 2].

Таким образом, специалисты в области сопоставительной лингвистики и переводоведения начали также активно обращать внимание на данный вид перевода только в конце XX–начале XXI века, да и сам термин «аудиовизуальный перевод» появился в арсенале науки о переводе лишь в начале 2000-х годов. Он объединил под собой термины «ограниченный перевод» (*constrained translation*) [5], «кино- и телеперевод» (*film- and T.V.-translation*) [6], «(мульти)медийный перевод» (*(multi)media translation*) [7], «перевод кинодиалогов» [8], «кино / видео перевод» [9] и т. п., став своеобразным «зонтичным термином» [10. Р. VIII], вобравшим в себя «все виды перевода – или мультисемиотического переноса – применяемые в процессе производства или постпроизводства (*postproduction*) в любой медиа и в любом формате» [10. Р. VIII].

Классики советского и российского переводоведения не уделяли пристального внимания проблемам аудиовизуального перевода. Так, перевод кинофильмов лишь вскользь упоминается в работе А.В. Фёдорова, когда автор перечисляет различные виды перевода [11. С. 13]. А.Д. Швейцер ссылается на данный вид перевода в контексте соблюдения норм эквивалентности при переводе названий художественных произведений [12. С. 97]. Впервые об аудиовизуальном переводе как о новом виде перевода говорит В.Н. Комиссаров, цитируя А. Людсканова [13. С. 120]. Похожую мысль можно найти и у С.В. Тюленева, который признаёт появление

новых видов перевода, включая перевод теле- и радиопередач, дублирование кинофильмов, которым довольно трудно найти место в существующей классификации видов перевода [14. С. 34].

В отечественном переводоведении аудиовизуальный перевод начал постепенно занимать свою нишу в конце первого десятилетия XXI века. Первой докторской диссертацией, посвящённой исследованию перевода кинофильмов, стала работа В.Е. Горшковой [8]. За ней последовали кандидатские диссертации Р.А. Матасова [9], М.С. Снетковой [15], А.В. Корячкиной [16], А.В. Козуляева [17]. На научных конференциях, посвящённых проблемам теории, практики и обучения переводу, появляются доклады о различных аспектах аудиовизуального перевода. В 2019 году на крупнейшей в России отраслевой переводческой конференции *Translation Forum Russia* аудиовизуальному переводу был посвящён отдельный поток [18]. В академической научной среде также обращают внимание на необходимость изучения аудиовизуального перевода, который, благодаря своей специфике, необходимо рассматривать «и как вид межсемиотического перевода, и как метод оказания особого коммуникативного воздействия на целевую аудиторию» [19. С. 300].

Такой запоздалый интерес к данному виду перевода также, вероятно, объясняется тем, что довольно долго аудиовизуальный перевод не мог найти своего места в классификации видов перевода. Так, например, Н.К. Гарбовский относит его, а именно перевод субтитров, к устно-письменному виду перевода [20. С. 353]. А.П. Чужакин и П.Р. Палажченко рассматривают кино / видео перевод как вид устного перевода, который «отличается большей возможностью для творчества, приближаясь в этом смысле к письменному переводу» [21. С. 47]. «Письменность» этого вида перевода авторы видят в необходимости сохранить авторскую идею, стиль и художественную ценность оригинала, «передать аромат эпохи и индивидуальность» [Там же], что сближает аудиовизуальный перевод с художественным переводом. С другой стороны, Р.А. Матасов изучает кино / видео перевод в контексте письменного перевода, который «состоит в литературной межъязыковой обработке содержания оригинальных монтажных листов с последующей ритмической укладкой переводного текста и его озвучивания или введения в видеоряд в форме субтитров» [9. С. 7]. Довольно распространённым является мнение, что аудиовизуальный перевод

представляет собой разновидность художественного (литературного перевода) [22. Р. 10].

В данном случае уместно процитировать слова Х.Д. Синтаса, который утверждает, что виды аудиовизуального перевода (дубляж, субтитрование, закадровый перевод и т. п.) «не являются вариантами художественного или поэтического перевода; это виды перевода, в рамках которых осуществляется работа с текстом высшего порядка – аудиовизуальным текстом, – который представляет собой противоположность как письменному, так и устному текстам» [4. Р. 6]. Именно данное свойство аудиовизуального текста и позволяет рассматривать аудиовизуальный перевод в тесной связи и тем не менее обособленно от остальных видов перевода. Более того, согласно Ф. Чауме, современный аудиовизуальный перевод и вовсе перешагивает границы собственно перевода в его традиционном понимании и становится креативной практикой, в ходе которой создаётся «перевод, ориентированный на конкретную целевую культуру, который не ограничивается передачей исключительно вербального кода, а позволяет изменить весь аудиовизуальный продукт, сохраняя основные черты оригинала, которыми распространители контента не готовы пожертвовать, дабы аудиовизуальный продукт оставался узнаваемым в принимающей культуре» [23. Р. 81].

Несмотря на то, что аудиовизуальный перевод постепенно выделяется в отдельное направление переводческой деятельности и представляет собой самостоятельный объект изучения, вопрос об определении понятия «аудиовизуальный перевод» остаётся нерешённым. Традиционно аудиовизуальный перевод определялся как «перевод записанного аудиовизуального материала» [22. Р. 2] или процесс «переноса вербального компонента, содержащегося в аудиовизуальных произведениях и продуктах, с одного языка на другой» [24. Р. 38]. Такое понимание аудиовизуального перевода слишком упрощено и, на наш взгляд, противоречит самой сути данного явления, заключающегося в работе не только с вербальным, но и с иными семиотическими кодами, передающимися по четырём каналам: вербальному аудиальному, невербальному аудиальному, вербальному визуальному и невербальному визуальному. И. Гамбье, подчёркивая полимодальный характер аудиовизуального текста, говорит о наличии 14 семиотических кодов, которые необходимо

принимать во внимание в процессе перевода аудиовизуального произведения [25. Р. 48].

Именно поэтому в большинстве определений аудиовизуального перевода, сформулированных представителями западноевропейской переводческой школы, основное внимание уделяется именно мультимодальности (поликодовости) аудиовизуального текста, влияющей на процесс и результат перевода. В российских работах, посвященных аудиовизуальному переводу, довольно часто цитируют (не всегда, к сожалению, со ссылкой на источник) определение аудиовизуального перевода, предложенное Л.П. Гонзалезом: аудиовизуальный перевод – это «перевод мультимодальных и мультимедийных текстов на другой язык и их перенос в другую культуру» [26. Р. 13]. Ценность данного определения состоит в том, что автор подчёркивает основное свойство аудиовизуального текста: его мультимодальность, которая и отличает аудиовизуальный перевод от традиционных устного и письменного переводов, где наличие иных семиотических кодов, кроме вербальных, не всегда критически влияет на процесс и результат переводческой деятельности.

И. Гамбье даёт аудиовизуальному переводу похожее определение, обращая внимание и на комплексный характер услуг, оказываемых при выполнении данного вида перевода. Действительно, непосредственный перевод диалогов, звучащих, к примеру, в телесериале, – всего лишь один из элементов технологической цепочки, которая включает в себя укладку текста перевода, его редактуру, озвучивание и обработку звука в студии. Поэтому И. Гамбье подчёркивает, что аудиовизуальный перевод всегда представляет собой «командную работу» [25. Р. 58]. То, что переводчик вынужден быть промежуточным звеном технологической цепочки, порождает «размывание» границ между оригиналом и переводом: сами тексты аудиовизуальных произведений (сценарии, диалоговые листы, черновые скрипты) в процессе обработки претерпевают постоянные изменения, что вынуждает переводчика неоднократно обращаться к одному и тому же проекту.

Комплексность процесса перевода и локализации (финальной лингвистической и технической подготовки аудиовизуального продукта к релизу в условиях новой принимающей культуры) заставляет исследователей обратиться к интегративному подходу к определению понятия «аудиовизуальный перевод». Так, Ф. Чауме

рассматривает аудиовизуальный перевод с двух позиций: как процесс трансформации одного аудиовизуального текста в другой аудиовизуальный текст посредством применения определённых стратегий, учитывая особенности структуры текста; и как результат: аудиовизуальный продукт, который необходимо рассматривать «с лингвистико-дискурсивной, кинематографической, идеологической, культурной и прочих точек зрения» [27. Р. 5].

Комплексный характер аудиовизуального перевода подчёркивают Х. Диаз Синтас, А. Матамала и Дж. Невес, утверждая, что при изучении аудиовизуального перевода необходимо отказаться от понимания данного феномена как переноса вербальной составляющей аудиовизуального текста средствами языка перевода. Важно сконцентрировать внимание на его полифункциональной, многоплановой полиморфной структуре, на комплексном характере данного вида перевода, который объясняется как контекстом аудиовизуального произведения, так и особенностями его восприятия целевой аудиторией [28. Р. 13].

Многоплановость аудиовизуального перевода объясняется не только мультимодальностью аудиовизуального текста, но и разнообразием видов перевода. Традиционно основными видами аудиовизуального перевода считаются субтитрование, закадровое озвучивание и дубляж. Тем не менее с течением времени стали появляться и другие направления данного вида перевода, связанные не только с межъязыковым, но и, в терминологии Р. Якобсона [29], с внутриязыковым и межсемиотическим способами интерпретации вербальных знаков. Например, сейчас очень активно развивается аудиодескрипция (*audio description*), представляющая собой «описание значимых визуальных элементов произведений искусства или медиа-продукции, что позволяет лицам с нарушением зрения воспринимать их форму и содержание» [30. С. 493]. Аналогичным продуктом аудиовизуального перевода для лиц с ограничениями слуха являются субтитры для глухих и слабослышащих (*subtitling for the deaf and hard-of-hearing (SDH)*), а создание таких субтитров, не включающее в себя процесс перевода в привычном его понимании, считается одним из видов аудиовизуального перевода [31. Р. 265]. Также к видам аудиовизуального перевода специалисты относят создание субтитров в режиме реального времени (*live subtitling*),

сурдоперевод аудиовизуальных произведений, создание надтитров для оперных спектаклей и театральных постановок и т. п.

В связи с постоянным появлением новых видов аудиовизуального перевода исследователи все чаще говорят о необходимости внедрения нового «зонтичного» термина – «медиадоступность» (*media accessibility*), – который рассматривается как гипероним к термину «аудиовизуальный перевод» [32], так как любой вид аудиовизуального перевода позволяет как обычным зрителям, не знающим иностранного языка, так и зрителям с особыми потребностями получить беспрепятственный доступ к интересующему их аудиовизуальному контенту и обеспечить его понимание и комфортный просмотр.

Таким образом, из года в год определение аудиовизуального перевода претерпевает изменения параллельно с усложнением процесса перевода и локализации аудиовизуальных произведений. Комплексный характер действий аудиовизуального переводчика, включающий не только непосредственно перевод, но и укладку субтитров, подготовку текста для дальнейшего озвучивания в студии, синхронизацию текста перевода и видеоряда, укладку текста «в губы» для полного дубляжа, создание аудиодескрипции и субтитров для глухих и слабослышащих зрителей, – всё это заставляет исследователей-переводоведов пересматривать своё отношение к понятию «аудиовизуальный перевод». Более того, фокус внимания исследователей постепенно переводится с изучения межъязыковых закономерностей лингвистического переноса при аудиовизуальном переводе на особенности восприятия переведённого текста различными категориями зрителей, оценку качества перевода аудиовизуальных произведений, дидактический потенциал аудиовизуального перевода и т. п., что позволяет уточнить и само определение данного лингвистического явления.

Безусловное соблюдение технических требований, связанных со спецификой каждого конкретного вида аудиовизуального перевода, необходимость соотносить различные семиотические коды друг с другом, примат творческого компонента данной деятельности более не позволяют рассматривать этот вид перевода исключительно как перенос вербального компонента видеоряда из одного языка в другой. Сегодня это сложная, эклектичная, мультидисциплинарная практика по пересозданию аудиовизуального продукта для новой аудитории, с

учётом её предпочтений, культурных ценностей, социальных установок, особенностей восприятия, а также разнообразных технических ограничений, накладываемых на переводчика в каждом конкретном случае. Такая, с одной стороны, многоаспектность данного вида перевода, а с другой стороны, его синкретичность позволяют говорить об аудиовизуальном переводе как о процессе декодирования и передачи вербального и невербального компонентов полисемиотического единства аудиовизуального произведения посредством различных языковых средств, в результате чего создаётся новый вербальный компонент этого единства, пригодный к дальнейшей обработке (субтитрированию, озвучиванию, локализации и т. п.) с учётом общего контекста произведения, особенностей принимающей культуры, особенностей восприятия контента его реципиентами и функциональных ограничений, накладываемых каждым отдельным видом перевода.

В заключение отметим необходимость продолжать работу по уточнению определения понятия «аудиовизуальный перевод», так как появление новых способов презентации аудиовизуального контента, применение элементов виртуальной и дополненной реальности в аудиовизуальных произведениях, развитие технических средств, применяемых для локализации аудиовизуальных произведений, необходимость обеспечения медиадоступности будут и далее видоизменять данный вид перевода. В результате к переводчикам будут предъявляться всё новые требования, что может стать благодатной почвой для дальнейшего развития исследований в области аудиовизуального перевода.

Библиографический список

1. Malenova E.D. Subtitling Practice: From Translation to Transcreation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. № 4 (10). P. 526–536.
2. Fodor I. Film Dubbing – Phonetic, Semiotic, Esthetic and Psychological Aspects. Buske, 1976. 110 p.
3. Luyken G-M. Language Conversion in the Audiovisual Media: A Growth Area with New Technical Applications and Professional Qualifications // Translating and the Computer 10. Proceedings of a Conference. November 10–11, 1988. London: Aslib, 1990. P. 136–147.

4. Cintas H.D. Audiovisual Translation: An Overview of its Potential // *New Trends in Audiovisual Translation*. Bristol: Multilingual Matters, 2009. P. 1–20.
5. Mayoral, R., Kelly D., Gallardo N. Concept of Constrained Translation. Non-linguistic Perspectives of Translation // *Meta*. XXXIII. 1998. P. 334–367.
6. Delabastita D. Translation and Mass-communication: Film- and T.V.-translation as Evidence of Cultural Dynamics // *Babel*, 1998. P. 193–218.
7. Gambier Y., Gottlieb H. Multimedia, Multilingua: Multiple Challenges // *(Multi)media Translation: Concepts, Practices, and Research*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2001. P. VIII–XX.
8. Горшкова В.Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006. 32 с.
9. Матасов Р.А. Перевод кино / видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 211 с.
10. Orero P. Audiovisual Translation: A New Dynamic Umbrella // *Topics in Audiovisual Translation*. Amsterdam–Philadelphia: Benjamin Publishing Library, 2004. P. VI–XII.
11. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Издательский дом «Филология три», 2002. 414 с.
12. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
13. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
14. Тюленев С.В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 336 с.
15. Снеткова М.С. Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов: на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля «Виридиана» и П. Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 232 с.
16. Корячкина А.В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 27 с.
17. Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2019. 27 с.
18. Итоги Translation Forum Russia 2019 // Электронный ресурс Интернет: <http://tconference.ru/itogi-translation-forum-russia-2019-2/>.

19. Сдобников В.В. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика (Russian Journal of Linguistics). 2019. Т. 23. № 2. С. 295–327.
20. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
21. Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода или вечный поиск взаимопонимания. М.: Валент, 1999. 192 с.
22. Karamitroglou F. Towards a Methodology for the Investigation of Norms in Audiovisual Translation: The Choice Between Subtitling and Revoicing in Greece. Amsterdam–Atlanta: Rodopi, 2000. 300 p.
23. Chaume F. Audiovisual Translation Trends. Growing Diversity, Choice, and Enhanced Localization // Media Across Borders: Localizing TV, Film and Video Games. London: Routledge, 2016. P. 68–84.
24. Matkivska N. Audiovisual Translation: Conception, Types, Characters' Speech and Translation Strategies Applied // Studies about Languages. 2014. № 25. P. 38–44.
25. Gambier Y. The Position of Audiovisual Translation Studies // The Routledge Handbook of Translation Studies. L.: Routledge, 2013. P. 45–59.
26. Gonzalez L.P. Audiovisual Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2011. P. 13–20.
27. Chaume F. Models of Research in Audiovisual Translation // Babel. 2002. Vol. 48: 1. P. 1–13.
28. Cintas H.D., Matamala A., Neves J. Media for All: New Developments // New Insights into Audiovisual Translation and Media Accessibility. Amsterdam: Rodopi, 2010. P. 11–22.
29. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
30. Александрова Е.В. Перевод аудиодескрипции как альтернатива создания нового описания // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 493–495.
31. Neves J. Audiovisual Translation: Subtitling for the Deaf and Hard-of-Hearing: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment for the Degree of PhD. Roehampton University, 2005. 357 p.
32. Szarkowska A., Wasylczyk P. Five Things You Wanted to Know about Audiovisual Translation Research, but Were Afraid to Ask // Journal of Audiovisual Translation. 2018. № 1(1). С. 8–25.

Сведения об авторе

Малёнова Евгения Дмитриевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английской филологии
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
E-mail: malenova@mail.ru

УДК 811.112.2'37:811.112.2'38

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ПОМЕТОЙ *IRONISCH*

Н.Н. Прокопьева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена анализу лексических единиц немецкого языка, содержащих помету *ironisch*. Цель исследования – выявление механизма формирования иронической коннотации во вторичных значениях многозначных слов, в основе которого лежит гиперболизация определенных качеств и свойств обозначаемых денотатов в процессе метафоризации. Источником появления иронического оттенка значения являются ассоциативные связи и фоновые знания об объектах действительности.

Ключевые слова: ирония, иронический, коннотация, стилистическое средство, метафора, вторичная номинация, гиперболизация.

Semantic Features of Lexical Units with the Emotional-Expressive Mark *Ironisch* Nadezhda Prokopyeva

The article analyzes German words that are marked in dictionaries as *ironisch*, seeking to identify the mechanism of forming the ironic connotation in secondary meanings of polysemantic words, which is based on the hyperbolization of certain qualities and properties of designated denotations in the process of metaphorization. The source of the appearance of ironic connotations lies in associative connections and background knowledge about the objects of reality.

Key words: irony, ironic, connotation, stylistic means, metaphor, secondary nomination, hyperbolization.

Лексический состав языка представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов, находящуюся в непрерывном развитии, одним из проявлений которого является процесс семантической деривации, в частности, появление у существующих лексических единиц новых значений вследствие переноса наименований с одного денотата на другой. Развитие новых значений у лексем зачастую сопровождается появлением в их семантической структуре коннотаций, не присущих основному номинативному значению соответствующего слова, но являющихся важной составляющей их вторичных (переносных) значений. Наличие коннотативного компонента значения слова, включающего в себя его разнообразные прагматически значимые характеристики, обуславливает

возможность стилистической дифференциации лексикона; одну из таких стилистически окрашенных лексических групп составляют слова, словарная дефиниция которых сопровождается пометой *ironisch* («иронически»).

Цель данной статьи – выявление механизмов формирования смыслового оттенка иронии во вторичных значениях многозначных слов немецкого языка. Актуальность данного исследования обусловлена большой коммуникативной значимостью иронии как одного из проявлений комического в языке; при этом ирония, как правило, рассматривается в лингвистических трудах как стилистический прием, реализуемый с помощью языковых единиц различных уровней с опорой на контекст. Источники и способы формирования иронического смысла у отдельно взятого слова или у его отдельных значений остаются не до конца изученными. В статье предпринимается попытка определить основные приемы, используемые в ходе семантического преобразования слова, применение которых приводит к появлению иронической коннотации в процессе семантической деривации. Новизна исследования заключается в том, что впервые смысловой оттенок «ирония» рассматривается как компонент абсолютного стилистического значения лексических единиц, то есть вне контекста, в парадигматике.

Феномен иронии издавна является объектом внимания представителей различных наук: философов, психологов, литературоведов, лингвистов и др., которые рассматривают ее и как эстетическую категорию, и как форму освоения действительности, и как стилистический (риторический) прием. Внимание к иронии языковедов обусловлено, вероятно, как ее ролью в коммуникативном процессе, так и широкой распространенностью данного явления в речи. По мнению Л.Р. Зиндера, «ничего нельзя сказать, что не содержало бы оттенка ласки, гнева, иронии и так далее или что звучало бы нейтрально» [1. С. 156].

Как один из видов эмоционально-экспрессивной окраски речи ирония характеризуется определенной степенью субъективности, поскольку является результатом стремления говорящего выразить субъективное отношение к объективной действительности. Субъективный характер иронии как одного из проявлений более широкой категории комического отмечают многие исследователи. Ж.Е. Фомичева, исследуя иронию как категорию художественного

текста, подчеркивает, что «специфика иронии как вида комического ... обусловлена ее субъективной природой» [2. С. 7]. Н.В. Ширяева к факторам порождения комического относит наблюдателя, который «осознает противоречие между объективной и субъективной видимостями» [3. С. 10].

Следует отметить, что в лингвистике существует двойное понимание термина «ирония». В «Литературном энциклопедическом словаре» приводятся два определения данного понятия: 1) ирония – стилистическое средство, выражающее насмешку или лукавство. Иносказание, при котором в контексте речи высказывание приобретает противоположный смысл; 2) ирония – вид комического (наряду с юмором и сатирой), идейно эмоциональная оценка, прообразом которой служит ирония стилистическая [4. С. 251]. Ж.Е. Фомичева отмечает, что зачастую исследователи недостаточно четко различают эти два вида иронии; по ее мнению, иронию следует рассматривать, с одной стороны, как стилистический прием, с другой стороны, как форму эмоционально-ценностного восприятия действительности, связанного «с рефлектирующей способностью личности осмыслять явления действительности и выражать свое отношение к ним» [2. С. 7]. Несмотря на очевидную необходимость разграничения иронии как способа выражения комического и как особого типа отношения к действительности, представляется возможным подчеркнуть их несомненную взаимосвязанность и взаимообусловленность: ирония представляет собой изобразительное средство, намеренно используемое говорящим в процессе коммуникации для достижения определенного эффекта, в основе данного стилистического приема лежит определенный тип отношения к действительности, реализуемый с помощью языковых средств, диапазон которых достаточно широк: от отдельных языковых единиц и структур до целых художественных произведений, отражающих специфику мировосприятия их авторов.

Говоря о сущности иронии как одной из форм комического, лингвисты обращают внимание на ее ситуативный характер. По мнению Ж.Е. Фомичевой, «формальное своеобразие иронии определяет возникновение контраста, противоречия между прямым, буквальным смыслом высказываемого и контекстом, в который помещается высказывание. Ирония является контекстуально-обусловленным явлением» [2. С. 7]. При этом существование в

словарях лексем, содержащих помету «ироническое», на первый взгляд противоречит данному утверждению, поскольку такие слова характеризуются наличием иронической коннотации, сопровождающей значение слова и вне контекста. Однако контекстуальный характер иронического смысла таких лексем не вызывает сомнения, если понимать контекст более широко, учитывая, в частности, что и «отдельно взятое слово можно рассматривать также как микроконтекст для составляющих его основ и морфем и как минимальный контекст для реализации комического смысла» [5. С. 76].

Развивая эту мысль, можно утверждать, что в многозначных словах в качестве такого минимального контекста для переносных значений выступают первичные значения данных лексем; вследствие сопоставления с ними переносные значения могут обогащаться дополнительными коннотациями, в том числе и ироническими. Лексемы, отмеченные пометой *ironisch*, как и их отдельные ЛСВ, фиксируют отношение носителей языка к обозначаемому словом фрагменту действительности, что подтверждается соответствующей маркировкой в словаре; в процессе говорения они используются как средство выражения говорящим своего эмоционально-оценочного отношения к предмету речи.

В этой связи возникает вопрос о способах формирования иронического оттенка значения отдельно взятых лексем. На наш взгляд, при ответе на него следует учитывать, к каким именно значениям относится рассматриваемая помета. Исследование порядка 200 лексических единиц немецкого языка, маркированных в различных немецких словарях пометой *ironisch*, показало, что она может относиться как ко всему слову целиком, так и к его отдельным семемам. Примечательно, что группа исследуемых лексических единиц была разделена по данному критерию примерно поровну: 49 % из них составляют слова, в которых данная помета сопровождает первое (основное) значение слова, а 51 % – лексемы, в которых помета *ironisch* относится ко второму, третьему или последующим значениям, при этом основное номинативное значение таких слов остается стилистически нейтральным. Такое разделение исследуемых ЛЕ представляется необходимым, поскольку очевидно, что причины появления иронической окраски у слов, входящих в эти две группы, различаются, поэтому исследовать способы

формирования коннотации иронии у них нужно отдельно. Так, ранее нами было установлено, что ироническая коннотация у слов, входящих в первую группу, может быть обусловлена их иноязычным происхождением либо быть следствием осуществления словообразовательных процессов с нарушением норм словообразования (подробнее об этом см. в нашей статье [6]).

Что касается второй группы лексем, у которых, как уже говорилось, помета *ironisch* относится ко второму, третьему или последующим значениям, то здесь, очевидно, появление иронического оттенка связано с процессом семантической деривации, приводящей к развитию семантической структуры слова. Известно, что в результате метафорического или метонимического переноса наименования слово приобретает новые значения, которые зачастую помимо денотативного ядра содержат коннотативный макрокомпонент, включающий различные эмоционально-экспрессивные семы, отражающие особенности восприятия и осмысления говорящим определенных явлений окружающей его действительности. Анализ отобранного лексического материала показал, что в подавляющем большинстве случаев появление вторичного, иронически окрашенного значения является следствием метафорического переноса наименования, например: *die Creme* – 4. (*bildungssprachlich, häufig ironisch*) *gesellschaftliche Oberschicht*; *das Duo* – 2. (*oft ironisch*) *zwei Personen, die häufig gemeinsam in Erscheinung treten oder gemeinsam eine [strafbare] Handlung durchführen, zusammenarbeiten*. Крайне редко иронический оттенок приобретает значение, появившееся в результате метонимического переноса: *die Klugheit* – 2. <Pl.> (*meist ironisch*) [*angeblich*] *kluge Bemerkungen, weise Sprüche*.

Однако независимо от того, какой именно вид переноса наименования – метафорический или метонимический – привел к возникновению нового, иронически окрашенного значения слова, гораздо большего внимания заслуживает вопрос о том, какие особенности семантики данных лексем сделали возможным появление коннотативной семы «ирония» в их переносном значении. Можно предположить, что в процессе вторичной номинации актуализируются определенные семантические признаки, происходят некие семантические трансформации, способствующие формированию иронического смысла производных значений.

Одна из причин появления иронического оттенка в переносных значениях исследуемых слов кроется, на наш взгляд, в противоречивом характере иронии, о чем уже было сказано выше. Многие исследователи, изучавшие природу комического, отмечали, что именно противоречие между ожиданием и действительностью, формой и содержанием, представлением о предмете и его реальным воплощением является онтологической основой категории комического: «Причиной возникновения языкового комизма чаще всего является диссонанс, явное несоответствие между ожидаемым (планируемым) и реальным (фактическим) результатом» [5. С. 66]. Наиболее ярким проявлением такого диссонанса является полная противоположность прямого и переносного значений лексической единицы, следствием которой становится появление иронической коннотации во вторичном значении, ср.: nett – 1. freundlich und liebenswert, im Wesen angenehm ... 3. (*umgangssprachlich ironisch*) unangenehm; wenig erfreulich; die Bescherung – 2. (*umgangssprachlich ironisch*) unangenehme Überraschung.

Однако более многочисленными являются случаи, когда между основным и производным значениями слова не наблюдается такого явного диссонанса, семантическая связь между ними очевидно не нарушена, тем не менее в структуре вторичных значений таких слов появляется сема иронии, которая не только проявляется в речи в единичных случаях речевого творчества, но и фиксируется в словарях с помощью пометы *ironisch*, что свидетельствует о закреплении этой семы как узувального компонента соответствующего значения.

Рассмотрим такой пример: der Engel – 1. (*Religion*) [als Bote Gottes wirkendes] meist mit Flügeln gedachtes, überirdisches Wesen; 2. a) als Helfer oder Retter wirkender Mensch; b) (*umgangssprachlich, oft ironisch*) harmloser, unschuldiger Mensch. В результате семантического развития данного слова на основе его первичного значения («внеземное существо с крыльями, Божий посланник») сформировались два переносных ЛСВ: а) человек, выступающий в роли помощника или спасителя; б) невинный, безобидный человек. Очевидно, что такой перенос и, как следствие, появление новых значений обусловлены ассоциативными связями между значениями данного слова: представлением об ангелах как о хранителях человека и при этом безгрешных существах, не способных принести вред. Характерно, что ироническая коннотация присуща только второму

лексико-семантическому варианту. Ее возникновение можно объяснить, вероятно, тем, что при назывании невинного человека словом *der Engel* происходит своего рода гиперболизация: невинность и безобидность, послужившие мотивом номинации, возводятся в абсолют, идеализируются, что воспринимается человеческим сознанием как отклонение от нормы и, возможно, вызывает внутреннее сопротивление или отрицание как невозможного. Ирония в данном случае становится следствием критического отношения человека к действительности, выражением недоверия к возможности существования идеала как высшей степени проявления того или иного качества, уверенности в его недостижимости.

На это обращал внимание, в частности, Б. Дземидок, рассуждая о природе комического и отмечая, что «комическим следует считать любое явление, которое отклоняется от нормы и потому кажется нам нецелесообразным и нелепым» [7. С. 33]. Факт гиперболизации определенных качеств, характеристик в процессе метафорического переноса, отражающей критическое и, как следствие, ироническое отношение говорящего к соответствующим денотатам, подтверждается множеством других аналогичных примеров: *der Apostel* – 2. (*bildungssprachlich, oft ironisch*) [**allzu**] **eifriger** Befürworter, Vertreter einer [neuen] Lehre o. Ä.; *der Erguss* – 2. (*gehoben, oft ironisch*) [**wortreicher**] **Ausbruch** von Gefühlen, Stimmungen o. Ä.; *fortsegeln* – 2. (*ironisch*) in **angemessener Eile, würdevoll** und die Aufmerksamkeit auf sich ziehend einen Ort verlassen и др. Как показывают данные примеры, преувеличению подвергаются как качественные, так и количественные характеристики называемых денотатов; в обоих случаях говорящий критически оценивает объективно существующие или лишь предполагаемые признаки обозначаемых предметов и явлений и через гиперболизацию выражает свое отрицательное отношение к ним, что и приводит к появлению иронического оттенка в соответствующих значениях данных лексем.

В связи с этим обращает на себя внимание еще один любопытный факт: анализ денотативного значения исследуемых лексем показал, что в большинстве случаев это слова, которые по идее должны вызывать позитивное отношение говорящих, поскольку их первичные значения соотносятся с явлениями, воспринимаемыми обществом положительно: *der Held, das Segen, das Musterexemplar,*

hübsch, gnädig и т. п. Однако их переносные значения либо характеризуются прямо противоположной – отрицательной – оценочностью (ср., например: *der Handkuss* – 2. (*ironisch*) *Ohrfeige*; *das Bonbon* – 2. (*ironisch*) *Mine, Artilleriegeschoss*); либо приносят сему отрицательной оценки в значения изначально нейтральных слов (*bemalen* – 2. (*umgangssprachlich, meist ironisch, abwertend*) *sich in übertriebener Weise schminken*; *der Häuptling* – 2. (*ironisch abwertend*) *Anführer (einer Bande), leitende Persönlichkeit*).

Другими словами, объектом вторичной номинации в таких случаях становятся предметы и явления, воспринимаемые обществом как нечто негативное, вызывающее отрицательную оценку со стороны носителей языка; однако для их обозначения говорящий избирает такие языковые средства, которые априори не обладают пейоративностью и лишь приобретают ее в результате метафорического либо метонимического переноса наименования, в силу чего у них и появляется ироническая окраска. Одним из механизмов такого обесценивания является, как уже упоминалось выше, гиперболизация определенных качеств и свойств обозначаемых предметов и явлений, представление их в гипертрофированном виде, что вызывает насмешку и придает иронический оттенок соответствующим значениям слов.

Существенную роль в этом процессе могут сыграть ассоциативные связи, представления, фоновые знания о предмете, существующие в значении соответствующих лексических единиц в виде потенциальных сем. Так, слово *die Clan*, основное значение которого – «шотландский племенной союз» (*schottischer Sippen- oder Stammesverband*), приобрело вторичное значение – «группа, объединенная общими интересами или родственными связями» (*oft ironisch*) *durch gemeinsame Interessen oder verwandtschaftliche Beziehungen verbundene Gruppe*). Можно предположить, что такое развитие семантической структуры данной лексемы связано с определенными ассоциациями, которое она вызывает у носителей языка, а именно – с мафиозными кланами, к которым у языкового сообщества сформировалось преимущественно негативное отношение, что ведет к импликации пейоративных сем в переносном значении и к появлению иронической коннотации при употреблении данной лексемы в отношении вполне безобидных групп людей.

Очевидно, это связано с еще одной важной особенностью комического, на которую обращают внимание исследователи – его соотнесенностью с ценностными установками общества. Н.В. Ширяева отмечает, что то, над чем смеется человек, основано «на иллюзорном восприятии и его разрушении и тяготеет к отрицательности, снижению своего социального статуса, ценности» [3. С. 10]. А Ж.Е. Фомичева указывает на роль иронии в эстетике как философско-эстетической категории, «раскрывающей ценностный смысл предметов и явлений в действительности и искусстве посредством остроэмоциональной критики – осмеяния» [2. С. 6].

Таким образом, в результате анализа семантики лексических единиц немецкого языка, маркированных в словарях пометой *ironisch*, было установлено, что формирование иронического оттенка значения может быть как следствием словообразовательного процесса, так и результатом вторичной номинации. Механизмом формирования иронического смысла при переносе наименования может быть гиперболизация определенных качеств и свойств обозначаемых денотатов в процессе метафоризации, а источником появления иронической коннотации являются ассоциативные связи, фоновые знания и представления об объектах действительности.

Библиографический список

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
2. Фомичева Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 17 с.
3. Ширяева Н.В. Лингвокогнитивная репрезентация категории комического в немецком языке (на материале типа текста «анекдот»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Коженикова и П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 750 с.
5. Плисов Е.В. Контексты реализации комического в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1999. 252 с.
6. Прокопьева Н.Н. Формирование иронической коннотации в немецком слове // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: Материалы II Международной

научно-практической конференции 4–5 октября 2018 г. Н. Новгород. 2018. С. 181–184.

7. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.

Сведения об авторе

Прокопьева Надежда Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: pro-nadja@yandex.ru

УДК 811.111'36:811.111'37

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКОГО ПРОГРЕССИВА В КАТЕГОРИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Т.И. Семенова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Статья представляет результаты исследования концептуализации эмоциональных состояний конструкциями типа *John is being angry*. Анализируется лингвокогнитивный механизм реализации концептуальных характеристик агентивности в высказываниях со стативными предикатами в форме прогрессива. Выявляется и обосновывается интерпретирующий потенциал категориального значения прогрессива, высвечивается его роль в концептуализации ситуаций эмоциональных состояний. Аргументируется интерпретирующий потенциал прогрессива стативных глаголов как сопряжение в семантике перцептивных и интерпретационных аспектов.

Ключевые слова: категоризация, интерпретирующий прогрессив, интерпретация, стативный предикат, акциональный предикат, наблюдаемая активность.

The Interpretative Function of the English Progressive in Conceptualizing Emotional States

Tatiana Semenova

The paper focuses on the interpretative function of the English progressive or, more specifically, of combinations between the progressive and state-denoting predicates, normally referred to as state situations like '*John is being angry*.' The article argues that the progressive serves to distinguish between temporary and non-temporary conditions and shows that the result of combining a normally state-denoting predicate with the progressive gives the predicate an agentive meaning. The paper claims that by using the interpretative progressive the speaker indicates his interpretation of somebody's behavior. What is expressed as '*being angry*' is the fact that the anger is externalized and observable.

Key words: categorization, interpretative progressive, interpretation, state-denoting predicate, event-denoting predicate, observable behavior.

Современный подход к изучению языкового представления таких несубстанциональных сущностей, как эмоции, выводит в исследовательский фокус выявление и осмысление категориальной структуры эмоций, моделирование эмоциональных концептов, языковую репрезентацию этнокультурной специфики эмоций [1; 2; 3]. Общеизвестным является представление о том, что ненаблюдаемый внутренний мир человека (ментальные и эмоциональные действия и состояния) моделируется, конструируется в языке по образу и подобию мира физического. Понятие конструирования в когнитивной

перспективе означает способ осмысления, интерпретации, структурирования мира языковыми знаками в зависимости от того, какой ракурс видения ситуации профилируется языковой формой. Способность человека конструировать внеязыковую действительность альтернативными способами (*alternative construal of the world*) лежит в основе когнитивной деятельности в целом [4; 5; 6]. Понятие конструирования в современной лингвистике позволяет понять зависимость значения всех языковых форм от когниции, то есть от того, какое видение ситуации структурирует та или иная форма [6]. В коммуникативной деятельности говорящему свойственно выбирать лексические, грамматические языковые средства, которые обеспечивают фокусирование на тех свойствах, которые наиболее значимы для говорящего и слушающего в коммуникативной ситуации. Именно поэтому формирование новых значений языковых единиц рассматривается как выражение различных способов когнитивного построения мира. Способы мировидения, то есть способы оформления мысли, в значительной степени отражаются на уровне грамматической концептуализации и категоризации [5; 6]. Грамматика «отрабатывает конвенциональные формы описания положения дел или ситуаций» [4. С. 486]. Выбор говорящим языковой объективации ментальных структур средствами грамматики находит отражение и в вариативном конструировании ситуаций эмоционального состояния.

Известно, что английский язык располагает грамматическими конструкциями, как например, *He is being angry / irritated / aggressive / nervous / upset / negative*, которые кодируют признак выявленности эмоционального состояния. Однако коммуникативные и когнитивные потенции, заложенные в категориальном значении английского прогрессива, требуют дополнительного научного осмысления. Открытыми остаются вопросы о том, какие признаки денотативной ситуации категоризируются длительной аспектуальной формой стативного глагола, какие когнитивные структуры стоят за данной грамматической формой, какому видению ситуации и какому ее конструированию данная форма соответствует.

Антропоцентрический подход к значению языковой формы как средству фиксации когнитивного опыта взаимодействия человека с миром позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в употреблении длительных форм стативного глагола заложена определенная

упорядоченность, обусловленная закономерностями восприятия, осмысления и языковой категоризации эмоциональных состояний. В связи с вышесказанным целью статьи является выявление языковых и когнитивных механизмов формирования смысла в ходе языкового конструирования ситуации эмоционального состояния в англоязычной картине мира конструкциями с аспектуальным значением прогрессива. Основой исследования является методология когнитивной лингвистики, в рамках которой значение понимается как когнитивный феномен, формируемый в процессе познания человеком объективной действительности, обеспечивающий концептуализацию нового опыта. Заявленная в работе методология реализуется посредством методов концептуального анализа, категориального анализа, прототипического подхода к языковому значению.

Исследования эмоциональных картин мира свидетельствуют о том, что языковая концептуализация и категоризация эмоций осуществляется в соответствии с разным их видением носителями той или иной лингвокультуры [3; 7]. Отражение в грамматических категориях специфики мировоззрения, культурных ценностей и менталитета определяет этнокультурный потенциал грамматики [8]. А. Вежбицкая высвечивает «грамматику эмоций» как способ профилирования, фокусирования или, наоборот, дефокусирования культурно значимых аспектов эмоций (контролируемость / неконтролируемость; активность / пассивность) [3. Р. 302–304]. В исследованиях языкового представления эмоций в русском языке выделяется концептуально-тематическая область «активные эмоции», вербализуемая глаголами со значением эмоциональных состояний «сердиться», «нервничать», «радоваться», «гневаться», «бояться», «смущаться», концептуальным признаком которых является внешнее проявление эмоции [2; 3]. Динамическое восприятие эмоций в русской языковой картине мира обуславливает интерпретацию эмоциональных состояний как деятельности, в которой человек активно принимает участие (*engaged in*), а не как состояния, которое он просто претерпевает, испытывает (*undergoes*) [3. Р. 25]. В англоязычной картине мира, как отмечает А. Вежбицкая, отражается культурный сценарий, согласно которому нормальное состояние человека – это состояние спокойствия (*a state of composure*), а переживание эмоции являет собой выход из этого нормального состояния (*a departure from a normal state*) [3. Р. 17]. Нормы

эмоционального поведения предписывают воздерживаться от проявления эмоций, с тем чтобы не обременять окружающих своими эмоциональными переживаниями. Эмоциональный скрипт актуализирует регулятивную функцию контроля эмоционального поведения следующим образом: «Когда я испытываю какую-либо эмоцию, я не всегда хочу, чтобы другие знали, какие эмоции я переживаю» [3. P. 266].

Языковым воплощением англосаксонского культурного сценария является категоризация эмоциональных состояний преимущественно синтаксическими моделями с прилагательными или псевдопричастиями, ср: *Mary was sad / pleased / happy / angry*. Подобные синтаксические структуры актуализируют неконтролируемые (*involuntary*) эмоциональные состояния, которые происходят с людьми (*happening to the experiencer*), в то время как глаголы эмоций подразумевают более активную роль субъекта [3. P. 303]. Однако из ограниченности глагольных номинаций (*disgust, grieve, rejoice, rage*), вербализующих внешние проявления эмоций в англоязычной картине мира, не следует, что носители этой лингвокультуры не оказываются в ситуациях, когда окружающие их люди по выражению лица, голосу, телодвижениям понимают, какие переживания, эмоции испытывает человек, оказавшийся в фокусе их восприятия. Анализ языковых данных показывает, что внешние проявления эмоций маркируются длительной формой глагола *to be* в сочетании с номинациями эмоциональных состояний *angry, sad, aggressive, nervous, hysterical, inquisitive, curious*, ср: *Why are you being so negative? We are here to help you dad* [9. P. 286]; *Were you being sad again, Mummy?* [10].

В исследованиях английских аспектуально-временных форм отмечается, что формы продолженного вида возможны только у акциональных глаголов, категориальное значение которых актуализирует концептуальные характеристики активности и волитивности [11; 12]. Ограниченность функционирования стативных глаголов, вербализующих ментальные, эмоциональные состояния в форме прогрессива, обусловлена в определенной степени тем, что концептуальный признак «длительность состояния» уже входит в семантику стативных глаголов в силу того, что состояниям присуща ограниченная, хотя и неопределенно, протяженность во времени [13]. С когнитивных позиций содержанием грамматической формы

английского прогрессива является прагматический признак «наблюдаемость действия» [6; 14; 15], который предидируется, прежде всего, глаголам, обозначающим «видимые референты» – физические действия, доступные перцептивному распознаванию, типа *run, walk, swim, read, drink* [15]. Концептуальная характеристика наблюдаемости не присуща глаголам, референты которых недоступны прямому наблюдению, как, например *break the rules, hide the truth, abuse, interfere with, cheat, warn*. Второй из вышеназванных типов глаголов коррелирует с выделенными в русском языке интерпретативами, «референты которых можно представить как состоящие из двух частей – какого-то конкретного действия или состояния, которое можно понять как знак или сигнал какого-то другого действия или состояния» [2. С. 155]. Семантически близки интерпретативам и глаголы эмоциональных состояний, которые актуализируют концептуальные характеристики манифестации эмоции («беспокоиться», «злиться», «кликать», «смущаться») [2].

Языковое кодирование эмоциональных состояний конструкциями типа *She is being angry* неоднократно привлекало внимание исследователей. Так, З. Ковечеш разницу между формами *John is silly / John is being silly* объясняет признаком временной ограниченности (*bounded / unbounded distinction*), то есть индефинитная форма предполагает конструирование ситуации как неограниченной во времени, в то время как длительная форма представляет состояние как имеющее референцию к моменту речи (*relative to the now speech event*) [16. Р. 240]. Исследование аспектуальных признаков «психологических глаголов» свидетельствует о том, что денотативная ситуация, означенная длительной формой стативного глагола, имплицитно «какую-либо активность субъекта» [12. Р. 76]. Н.Н. Болдырев объясняет формирование категориального значения активности у отдельных стативных глаголов их функциональной перекатегоризацией [17. С. 353–354]. Переосмысление стативных глаголов как глаголов деятельности Дж. Лайонз описывает в терминах «вторичной категоризации» [18. С. 334]. Дж. Лакофф объясняет продолженную форму именных форм типа *John is being a fool* обозначением некоторого действия, контролируемого субъектом [19. Р. 560].

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что вариативность грамматических форм языкового конструирования

эмоционального состояния позволяет высветить аспекты референтной ситуации, которые соответствуют коммуникативной интенции говорящего. Иначе говоря, различие грамматических форм сигнализирует о различном видении ситуации эмоционального состояния. Аспектуальную форму прогрессива можно проинтерпретировать как фиксацию релевантного для наблюдателя признака активности субъекта эмоционального состояния. Н.Н. Болдырев связывает формирование акционального смысла у неакциональных глаголов в результате их перекатегоризации с актуализацией концептуальных характеристик активности и волитивности, и формы прогрессива выступают основным грамматическим средством реализации характеристики активности [17. С. 354–355]. Но если эмоции онтологически не наблюдаемы, то возникает вопрос о том, какие признаки активности концептуализируются конструкциями с прогрессивом? Другими словами, какие когнитивные основания лежат в основе вторичной категоризации предикатов в конструкциях типа *John is being angry* как акциональных предикатов?

Важным для проблематики нашего исследования является введенное М. Льюнгом метапонятие «интерпретирующий прогрессив» (*interpretative progressive*), суть которого заключается в том, что в значении прогрессива стативных глаголов синкретично совмещаются значение наблюдаемой активности и интерпретация этой активности (*interpretation of some ongoing behavior*) [15. P. 70]. Когнитивное объяснение признака наблюдаемой активности стативных глаголов в форме длительного вида может дать семиотический подход к телесной деятельности человека, основой которого является неязыковой семиозис. Общепризнанным считается положение о том, что эмоции не наблюдаемы, и такие глагольные номинации, как «грустить», «радоваться», «нервничать», «стыдиться», «бояться», не имеют опоры на визуальные референты и, как следствие, «судить о таких процессах можно только по каким-то промежуточным продуктам (точнее – продуктам промежуточных действий и операций» [20. С. 397]. Такими промежуточными процессами оказываются явления физического плана (мимика, телодвижения, паралингвистические явления), которые способны передавать не только значения, связанные с телесными характеристиками, но и выявлять смыслы, «скрытые» в силу своих

онтологических особенностей от наблюдения. Так, например, кивок головой выступает в одних коммуникативных ситуациях репрезентирующим смысл «приветствие», в других – «согласие». Языковое конструирование ситуации эмоционального состояния отражает в своей семантике знаковую ситуацию, составляющими которой являются знаки и их значения («означающие» и «означаемые»), между которыми устанавливается отношение означивания [21]. Актуализация семиотического отношения представлена в примере ниже, в котором позицию семиотической связки между означающим (*was smiling slightly*) и означаемым (*was being amused*) занимает союз *as though*, в семантике которого заложена идея интерпретативности, ср.: *Lucienne Dublin was smiling slightly as though she was being amused* [22. С. 329]. Посредством невербального знака (улыбки) происходит «переход» от отражения непосредственно воспринимаемых признаков к интерпретации нового знания об эмоциональном состоянии (улыбалась, как будто веселилась).

С позиции невербальной семиотики внешние признаки оказываются семиотически маркированными, то есть им приписывается знаковая функция. Необходимо отметить, что внешние признаки не являются семиотически маркированными сами по себе, знаковый характер им приписывает конкретный индивид в конкретной коммуникативной ситуации, поскольку, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, «без человека нет знака» [4. С. 503]. Так, в примере ниже описывается ситуация нервозности, в которой физические действия «помешивать кофе в чашке», «щелкать по ногтю большого пальца» интерпретируются наблюдателем как знаки, несущие смысл проявления нервозности, о чем свидетельствуют интерпретативные номинации *furiously*, *stressed*, ср.: *Mum is stirring her coffee furiously, Suze is nibbling the side of her thumbnail (which she always does when she is stressed)* [9. P. 43]. В данном случае семиотическая ситуация представлена в единстве означающего и означаемого.

Относительно анализируемых нами конструкций можно утверждать, что длительная форма глагола маркирует актуальность того наблюдаемого конкретного действия, которое является предметом интерпретации, другими словами, наблюдение сопровождается осмыслением события, включением его в область логических выводов. В этом видится определенная закономерность,

которая свидетельствует о том, что когнитивный потенциал прогрессива стативных глаголов отражает «восприятие» поведенческих значений, выводимых из наблюдаемых действий (*the act whose significance is to be explained*) [23. P. 202–203]. Таким образом, стативные предикаты в аспектуальной форме *Progressive* маркированы по признаку «интерпретация наблюдаемой активности», в то время как признак «длительность» является когнитивно значимым для обозначения физических действий.

Признак «интерпретация наблюдаемой активности» лежит в основе разграничения экспериенциального значения (*experiencing*) *John is angry*, которое категоризует состояние сознания субъекта и агентивного значения (*acting / displaying*) *John is being angry*, когнитивной основой которого является интерпретация внешних признаков как манифестации эмоционального состояния [15. P. 150]. Важно отметить, что представление об определенной активности (телодвижения, мимика) входит в пресуппозитивную часть высказывания, а интерпретативная номинация этого подразумеваемого действия – в ассертивную, ср.: *I haven't even suggested anything yet she is being aggressive* [9. P. 171]; *You stopped being angry with them and held back your furious rage* [10]. Из психологии эмоций известно, что мимическое выражение гнева проявляется через характерные сокращения лобных мышц, движения бровей, изменения в области глаз [24], но вследствие диффузности и быстротечности эти микродвижения с трудом поддаются вербализации, и означающее (симптом) не эксплицируется в высказывании, оно идентифицируется через указание на означаемое (эмоциональное состояние).

Таким образом, в концептуализации эмоциональных состояний человек интерпретирует наблюдаемые действия как проявления неких внутренних закономерностей, т. е. осуществляет когнитивную операцию инференции. Инференция, как замечает Е.С. Кубрякова, есть «некое домысливание реального» [4. С. 412]. В концепции интерпретирующей функции языка Н.Н. Болдырев выделяет вторичную языковую интерпретацию (категоризацию / концептуализацию) мира, результатом которой являются «новые знания об объектах и событиях мира» [17. С. 259]. Анализ языковой категоризации эмоциональных состояний длительной формой стативного предиката позволяет говорить о вторичной категоризации

мимики, телодвижений, голосовых модуляций как невербальных знаков переживаемых субъектом эмоций. Длительная форма глагола маркирует результат вторичной категоризации наблюдаемой симптоматики. В данном случае речь идет, в терминах Н.Н. Болдырева, о грамматической интерпретации знаний о мире [17. С. 433].

Исследования в области психологии эмоций свидетельствуют о том, что нейронный субстрат эмоции составляют соматические и физиологические изменения [24], то есть внешние признаки эмоции являются ее неотъемлемой частью. Учет роли тела в концептуализации эмоций подтверждает положение когнитивной лингвистики о том, что «эмоциональные концепты являются воплощёнными, иными словами, реальное содержание концептов коррелирует с физическим опытом тела» [19. Р. 408]. С лингвистических позиций отношение смежности между эмоцией и ее проявлением обуславливает когнитивную метонимическую модель эмоции, суть которой заключается в том, что физиологический эффект эмоции замещает саму эмоцию [19. Р. 505]. Языковым следствием референциальной функции метонимии (часть – целое) являются вариативные способы концептуализации ситуации проявления эмоционального состояния. В качестве примера обратимся к невербальной концептуализации нервозности. Нервозность, как и любая другая эмоция, может быть актуализирована либо в терминах плана своей интерпретации (означаемого), ср.: *I am an expert on **being nervous** while broadcasting* [9. Р. 189], либо в терминах плана своего непосредственного проявления, ср.: *Suze shrugs as though she is not bothered, but I can see **her hands clenching and unclenching*** [9. Р. 189]. В этой семиотической ситуации наблюдаемое сжимание и разжимание кистей выступает в качестве невербального знака (означающего), которое квалифицируется / интерпретируется как состояние нервозности.

Вариативность языковой репрезентации денотата обусловлена лингвокреативным механизмом семантического переноса, концептуальной основой которого является «общесемиотический закон двойственности отображения мира» [25]. С.А. Мегентесов вводит феноменологическую и ноуменологическую стратегии репрезентации мира в языковом сознании [25. С. 69].

Феноменологический способ отображения ориентирован на фиксацию предметных, чувственно-воспринимаемых признаков денотата, его пространственно-физических аспектов, то есть эта стратегия тяготеет к знаковому изображению. Концептуализация эмоциональных состояний, как представлено выше, может структурироваться в терминах ее проявления, невербальных знаков. Ноуменологическое отображение направлено на концептуальный уровень, на отображение сути явления, то есть на уровень интерпретации, ср.: *She was being aggressive / nervous / angry / enjoying himself*. Аналогичный перенос из мира материального в мир идеальных значимостей Г.А. Золотова представляет в терминах перцептивизации и интерпретации. Перцептивный способ номинации актуализирует воспринимаемые признаки, а при интерпретационной номинации к наблюдению добавляется осмысление события, инференция, то есть восприятие значения [26. С. 424–431].

Итак, в результате исследования верифицирована выдвинутая гипотеза о том, что функционирование прогрессива стативных глаголов в английском языке обусловлено закономерностями восприятия, осмысления и языковой концептуализации действительности. Выявлены когнитивные основания прогрессива стативных глаголов как сопряжение в семантике этой грамматической формы перцептивных и интерпретационных аспектов, то есть наблюдаемой активности и интерпретации этой активности, что позволило обосновать интерпретирующий потенциал прогрессива стативных глаголов. Полученные результаты вносят вклад в исследование проблематики вариативности языкового конструирования эмоциональных состояний.

Библиографический список

1. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
2. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
3. Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge University Press, 1999. 340 p.

4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянских культур, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
5. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. 2nd edition. 395 p.
6. Lee D. Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford, N.Y.: OUP, 2004. 223 p.
7. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
8. Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего: Монография. Барнаул: АлтГПА, 2012. 203 с.
9. Kinsella S. Shopaholic to the Rescue. L.: Bantam Press, 2015. 396 p.
10. British National Corpus // Электронный ресурс Интернет: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
11. Leech G.N. Meaning and the English Verb. L.: Longman Group Ltd, 1971. 131 p.
12. Voorst J.V. The Aspectual Semantics of Psychological Verbs // Linguistics and Philosophy. 1992. Vol. 15. № 1. P. 65–91.
13. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–157.
14. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 160 с.
15. Ljung M. Reflections on the English Progressive // Gothenburg Studies in English. 1980. Vol. 46. P. 4–166.
16. Kövecses Z. Language, Mind and Culture. Oxford, 2006. 397 p.
17. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом «ЯСК», 2019. 480 с.
18. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1978. 543 с.
19. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
20. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
21. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: Монография. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.

22. Shaw I. Evening in Byzantium. СПб.: КАРО, 2007. 512 с.
23. Bolinger D. Degree Words. The Hague: Mouton, 1972. 324 p.
24. Ekman P. Unmasking the Face. A Guide to Recognizing Emotions from the Facial Clues. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1975. 212 p.
25. Мегентесов С.А. Семантический перенос в когнитивно-функциональной парадигме: Монография. Краснодар: КубГУ, 1993. 90 с.
26. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН: МГУ, 2004. 544 с.

Сведения об авторе

Семенова Татьяна Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английской филологии
Иркутского государственного университета
E-mail: tisenenova54@mail.ru

УДК 811.161.1'37

ВЫРАЖЕНИЕ КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ ПАДЕЖНЫМИ ФОРМАМИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

А.В. Трегубчак

*Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище
им. генерала армии В.Ф. Маргелова, Рязань*

В статье рассматриваются возможности выражения компаративной семантики падежными формами имени существительного. Приводится анализ компаративного потенциала пяти падежей имени существительного в их предложных и беспредложных формах. Делается вывод о том, что падежные формы имени существительного активно участвуют в выражении компаративной семантики различного характера. В качестве материала анализа берутся примеры из произведений русской классической литературы XIX–XX веков.

Ключевые слова: компаративность, компаративная семантика, сравнение, имя существительное, падеж.

Expressing Comparative Semantics through Cases of Nouns

Alina Tregubchak

The article explores the possibility of expressing comparative semantics through grammatical cases of Russian nouns. It analyzes the comparative potential of five noun cases in their prepositional and unlimited forms, using Russian literary texts of the 19th and 20th centuries, and concludes that case forms of nouns are actively involved in expressing comparative semantics in statements of various types as well as in combinations with other nouns or verbs. This allows us to conclude that using grammatical cases of Russian nouns for comparison purposes is a regular and widespread practice.

Key words: comparative, comparative semantics, comparison, noun, case.

Компаративность является одной из фундаментальных и универсальных языковых категорий. Она обладает качественно-количественной семантикой, представляет собой категориальное явление, охватывает «различные типы и случаи сравнения, выступает как следствие оценки внеязыковой сущности со стороны субъекта речи» [1. С. 3]. Категория компаративности базируется на сравнении и охватывает комплекс разноуровневых языковых средств, служащих для выражения компаративной семантики.

Семантика данной категории складывается из значений сходства, различия и тождества, «причем доминантой является значение передачи сходства предметов вследствие того, что понятие

сравнения изначально подразумевает выяснение именно общности двух явлений» [2. С. 179].

Русский язык располагает большими возможностями для выражения компаративной семантики. Она может выражаться единицами различных уровней языка, наиболее активными из которых являются морфологические и синтаксические средства. Проблеме изучения морфологических средств выражения сравнения посвящено большое количество работ (см., например: А.В. Бондарко, Л.А. Беловольская, Ю.Л. Воротников, Н.А. Еськова, И.К. Калинина, Д.Н. Калашник, А.В. Качура, А.Н. Кирейцева, С.М. Колесникова, Ю.П. Князев, М.И. Морозова, А.П. Сазонов, А.Л. Шарандин), в которых преимущественное внимание уделяется изучению форм степеней сравнения имен прилагательных и наречий. Исследование синтаксического уровня выражения компаративной семантики представлено, прежде всего, анализом сравнительных оборотов и сложноподчиненных предложений с придаточным сравнительным (см., например: П.А. Лекант, Е.М. Поркшеян, М.И. Черемисина, Е.Т. Черкасова, Н.А. Широкова).

Целью данной работы является анализ возможностей выражения компаративной семантики одним из средств морфологического уровня системы языка – формой имени существительного.

Компаративную семантику имя существительное способно выражать в двух случаях: вступая в синтаксические отношения с другими словами в рамках сравнительного оборота или предложения или выступая в определенной падежной форме. Каждый из падежей имеет свой набор морфологических значений, которые «конкретизируют функции членов предложения на основе их противопоставления друг другу и зависят от лексического значения существительного, выступающего в данной падежной форме, части речи и лексического значения слов, с которыми сочетаются существительные в данной падежной форме, а также от значений предлогов» [3. С. 61].

Исследователями неоднократно отмечалось, что наиболее полно и регулярно имя существительное способно выражать компаративную семантику, выступая в форме творительного падежа, менее выражено это значение у других косвенных падежей: родительного, дательного и винительного. Наименее востребован в данной функции именительный падеж. Анализ значений форм падежей имени

существительного указан в последовательности, зависящей от степени их продуктивности в выражении компаративной семантики.

Творительный падеж

Наиболее ярко имя существительное выражает компаративную семантику в форме творительного падежа. В этих случаях сравнительные конструкции имеют значение подобия или тождества изначально различных предметов. В конструкциях с творительным сравнения происходит функциональное уподобление предмета речи (объекта сравнения) тому, что выражено творительным падежом (эталону сравнения): *В пламени серебряные полоски покоробились, вздулись **пузырями**, стали смуглыми, потом скорчились* (М.А. Булгаков) – то есть полоски вздулись, как пузыри, стали на них похожи. Предпосылкой к формированию подобной сравнительной конструкции является наличие у объекта сравнения ярко выраженных характеристик, имплицитно представляющих основание для сравнения: *Стучало сердце **молотом*** (Н.А. Некрасов) – то есть сердце стучало сильно и ровно, как стучит молот кузнеца.

Творительный сравнительный падеж употребляется преимущественно при глаголах. При этом сравнительная конструкция приобретает значение «пребывать в состоянии» или «производить впечатление». Приглагольное употребление творительного сравнительного падежа имени существительного возможно преимущественно:

– при глаголах движения: *Толпа густым **потоком** повалила к выходу* (В. Вересаев);

– при глаголах состояния: *Но он стоял перед барометром **мокрой курицей*** (Е. Замятин);

– при глаголах восприятия (слухового или зрительного): *Птичьими **глазками** глядели с ее ветвей блестящие от сока ягоды...* (В.П. Астафьев) [4. С. 10].

Сравнительное значение глагольной конструкции с творительным падежом имени существительного может усиливаться и дополняться собственной компаративной семантикой глаголов *казаться, притворяться, прикидываться, вообразить*: *Зачем **притворяешься ты то ветром, то камнем, то птицей?*** (А. Ахматова).

На базе творительного сравнительного образуется творительный предикативный падеж, способный также передавать сравнительную семантику. Отличие его от творительного сравнительного состоит в том, что в конструкции с ним имя существительное выступает в функции именной части составного именного сказуемого, сохраняя компаративное значение: – *И ммме... мебель! – выпалил он, словно разорвавшийся снаряд, и из бледного стал просто свеклой какой-то...* (А. Белый).

Творительный сравнения может выступать не только при личном глаголе (сказуемом), но и при других глагольных формах – деепричастии и причастии, сохраняя функцию обстоятельства: *Дуняша ... значительно посмотрела на него, пробегая мимо перепелочкой* (И.С. Тургенев), – управляющий глагол стоит в форме деепричастия; *Он ... медленно поднял вверх кисть руки, сложенную лодочкой* (А.П. Чехов) – творительный сравнительный управляется причастием.

Возможно и присубстантивное употребление творительного падежа со сравнительным значением: *Нос кляпом, глаза ввалились, брови как смоль* (А.К. Радищев). Такой творительный сравнительный выступает, как правило, в роли сказуемого, синонимичного предикативной конструкции. Подобное употребление наблюдается обычно в конструкциях разговорного стиля: *...борода окладистая – гвоздем, лицо чистое – все в шишках* (А.П. Чехов).

Приименный творительный в современном русском языке может использоваться и в роли несогласованного определения: *Он увидел какого-то красивого и плотного брюнета в шляпе котелком и в крагах* (А.П. Чехов).

В предложении имя существительное в творительном падеже может быть одиночным: *Иногда, чтобы потешить своих слушателей, он заставлял свою скрипку в лад мотиву скулить щенком, хрюкать свиньей...* (А.И. Куприн); иметь при себе зависимые слова: *На площади стальные лужи, и сумерки кружат, веют темной птицей* (Б. Зайцев); или распространяться: *Петербург представляется далеким оазисом на окраине огромной снежной пустыни, которая обступила меня со всех сторон на тысячи верст* (И.А. Бунин).

Характерной особенностью конструкций с творительным сравнительным падежом имени существительного является и

адвербиализация существительного, то есть приобретение им свойств и функций, характерных для наречия: обозначение признака действия, примыкание к глаголу, функционирование в роли обстоятельства: *Он видел, как Фомин, в бурке, черным вихрем вырвался из-за церкви* (М.А. Шолохов).

В современном русском языке наблюдаются случаи соединения признаков двух конструкций, по-разному выражающих компаративную семантику (творительного сравнительного и союзной конструкции), в рамках одной структуры: творительного падежа имени существительного со сравнительными союзами *как, словно, точно* и др. Такие случаи являются контаминацией двух приемов, обусловленной целью усилить выражение сравнения и приравнять конструкцию с творительным падежом к более обычному и широко распространенному обороту с союзом: *Понемногу зрачки ее расширились, красивые губы растянулись, задрожали будто беззвучным плачем* (А.Н. Толстой).

Ряд исследователей высказывают мнение о том, что конструкции с творительным сравнения в современном русском языке вытесняются синонимичными сравнительными оборотами с союзами (см., например, [5. С. 190]). Творительный сравнения ограничен своей сферой употребления, среди глагольных слов он выступает в большинстве случаев при глаголах непереходных и преимущественно при их определенных лексических разновидностях (глаголах движения, состояния и др.). В силу этих причин творительный сравнительный имени существительного уступает по употребительности синонимической союзной конструкции, не имеющей этих ограничений.

Тем не менее употребительность падежного способа выражения компаративной семантики в русском языке сохраняется, что объясняется наличием своеобразных семантических оттенков: падежное значение более метафорично, так как рисует способ действия, показывая перевоплощение субъекта в данный образ: *Вдруг из-за станции движется что-то; глухо-чернеющей лентой тянутся рабочие* (Б.К. Зайцев). Союзная конструкция аналитична, союз в ней всегда указывает на разнородность сравниваемых явлений, лишь сближаемых в акте сравнения: *Красная красавица, громадная, как гиппопотам, Пава, повернувшись задом, заслоняла от входивших теленка и обнюхивала его* (Л.Н. Толстой).

Сравнительная семантика конструкций с творительным падежом может осложняться обстоятельственно-определятельным значением, характеризующим предмет с точки зрения его вида, образа или способа действия: *Только уж не спорь, Аксинья, не спорь, – а келейницей Фленушка не глядит* (П.И. Мельников-Печерский).

Родительный падеж

Родительный падеж имени существительного имеет достаточно разветвленную систему значений, выражающихся предложными и беспредложными формами, среди которых можно выделить группу, имеющую сравнительную семантику.

Родительный падеж без предлога используется для описания внешнего вида, состояния или свойств лица или предмета с оттенком указания на некий предмет как на источник или материал для сравнения. Существительное в родительном падеже (эталон сравнения) семантически связано с объектом сравнения и содержит указание на носителя признака, на основании которого определяется сходство предметов. Основание сравнения может быть имплицитным: *Человек в широком нанковом пиджаке, с лицом **старшего приказчика** или **надсмотрщика**, поднял голову...* (А.С. Серафимович); или выраженным именем прилагательным, согласованным с именем существительным (объектом сравнения): *Днем – беспокойный сон **старика**. О, если бы отдохнуть!..* (А. Блок).

В составе конструкций с формами родительного падежа могут употребляться местоименные слова *тот же, та же* и т. п., которые усиливают значение сходства, подобия: *И когда я увидел твой взор, / Где печальные скрылись зарницы, / Я заметил в нём тот же укор, / Тот же ужас измученной **птицы*** (Н. Гумилёв) [6. С. 162].

Подобные конструкции зачастую имеют образное значение. При трансформации они превращаются в традиционные сравнительные обороты, вводимые союзом *как*, а имя существительное в родительном беспредложном падеже заменяется формой родительного падежа с предлогом, имеющим значение источника или основания для другого предмета: *лицо приказчика* – лицо, как у приказчика, *сон старика* – сон, как у старика.

Исследователи отмечают, что «генитивные (от генитив – родительный падеж) сравнения – наиболее спорная разновидность сравнительных конструкций, многие исследователи относят их к

метафорам... Эмоциональность, оценочность, передача субъективного восприятия описываемых фактов – обязательные компоненты генитивных сравнений» [7. С. 10].

Беспредложные конструкции с родительным падежом имеют значение уподобления, но при использовании в них глагольных словосочетаний *иметь вид, производить впечатление, играть роль* и под., они приобретают значение сходства: *Иные, зная его как вора и желая задобрить... приходили к нему с приношениями, но он отказывался от приношений, **играя роль честного человека**, которого оскорбляет взятка* (Н. Помяловский).

Предложные формы родительного падежа способны выражать следующие компаративные семантические оттенки:

– значение неуверенности, сомнения в достоверности производимого сравнения и реальности общих черт у сопоставляемых предметов, которое выражается предлогами *вроде, наподобие, под видом*: *И, помимо выказанного, «Зима, крестьянин торжествуя», **под видом стихов** были – басня, которые, под видом стихов – проза и которые я в каждой новой хрестоматии неизменно читала – последними* (М. Цветаева);

– значение относительного подобия, которое реализуется только в сочетании с предложно-падежной конструкцией *в виде*: *На столе чашки с нежными цветами снаружи и золотые внутри, особенные, **в виде фигурных колонок*** (М.А. Булгаков);

– значение предназначенности, реализующееся при предлогах *вместо, заместо* (разг.): *Ни богатства, ни красоты мне не надо, деток бы только любила, **заместо** бы родной **матери** была бы для них* (П.И. Мельников-Печерский);

– значение неопределимости сходства предметов, выражающееся именем существительным в родительном падеже с предлогом *вроде*, включенным в одну конструкцию с неопределенным местоимением: *Лицо у него было подвязано тряпкой и на голове торчало **что-то вроде** монашеской **скуфейки*** (А.П. Чехов).

Кроме этих значений, выражаемых одиночной предложной формой родительного падежа, в русском языке можно встретить конструкции, состоящие из двух форм одного имени существительного и выражающие значение исключительности. В подобных конструкциях первое существительное может иметь форму

любого падежа в зависимости от своих синтаксических функций, второе же обязательно стоит в форме родительного падежа с предлогом *из*: *А «Ежедневные оды Благодетелю»? Кто, прочитав их, не склонится набожно перед самоотверженным трудом этого Нумера из Нумеров?* (Е. Замятин).

Винительный падеж

Винительный падеж имен существительных также способен выражать некоторое количество оттенков компаративной семантики, сочетаясь с различными предлогами или выступая самостоятельно. Отличие предложных конструкций с винительным падежом от подобных форм других косвенных падежей заключается в том, что они употребляются исключительно с простыми непроизводными предлогами, не несущими в себе собственного значения сравнения, тогда как родительный и дательный падежи могут иметь при себе как непроизводные, так и производные предлоги, а также слова различных частей речи с компаративной семантикой.

Предложный винительный падеж имен существительных реализует следующие варианты компаративной семантики:

– значение уподобления, соответствия, выражаемое именем существительным с предлогом *под*: *Фронтон, окна, подъезд и ворота были покрыты мелкой резьбой в русском вкусе и раскрашены под дуб* (Д.Н. Мамин-Сибиряк);

– значение приблизительной меры в сочетании существительного с предлогом *с* или *со* словами *примерно*, *приблизительно*: *С памятником Пушкина была и отдельная игра... приставлять к его подножию мизинную, с детский мизинец, белую фарфоровую куколку...* (М. Цветаева);

– значение предмета, превращающегося в другой предмет с предлогом *в*: *Он вычеркнул написанное и начал тихо тушевать, причем получился загадочный орнамент, который постепенно разросся и свернулся в бараний рог* (В. Набоков);

– значение лица, на которое похоже другое лицо по каким-то своим свойствам с предлогом *в*: *Ну уж девка! Кипяток! Бедовая! Вся в родителя, как есть вылита: нраву моему перечить не смей* (П.И. Мельников-Печерский);

– значение меры, выражающееся сочетанием существительного с предлогом *в*: *Лежал такой большой, во весь диван, прятал голову под широкие плечи...* (Л.Н. Андреев);

– значение сходства внешнего вида с предлогом *в*: *...из себя высокий, сухой, с короткими, в скобку остриженными сединами, с небольшою седою бородкой...* (А. Белый);

– значение уподобления, осложненное значением вывода, последовавшего за рассуждением, с предлогом *за*: *Мы с матерью были эвакуированные, почти никто не знал нас в поселке, и ткачихи приняли меня за настоящего сироту* (С.К. Никитин).

Особенностью беспредложных форм винительного падежа является выражение значения полного уподобления реально воспринимаемого предмета другому, существующему в сознании говорящего. Такие конструкции, утратившие форму и признаки сравнительных структур, становятся, по существу, метафорами: *...позвольте мне представить вам московскую Венеру* (А.Н. Толстой).

Беспредложные формы винительного падежа приобретают компаративное значение при управляющих глаголах *напоминать, представлять, заменять, замещать*. Словосочетания с глаголом *напоминать* описывают процесс сравнения с объектом, существовавшим или осознававшимся говорящим в прошлом: *Домик напоминал более всего античный небольшой храм, но был устроен на крошечном острове среди озера, ранее бывшего болотом* (Ю. Тынянов). Словосочетания с глаголом *представлять* придают высказыванию сравнительное значение с определительно-обстоятельственным оттенком, близким к тому, который выражают конструкции с творительным сравнительным падежом: *Как раз для них-то мы совершенно не нужны и в лучшем случае представляем лишь приятный десерт* (В.В. Вересаев). Беспредложные формы винительного падежа имени существительного с глаголами *заменять, замещать* приобретают значение сравнения-замещения, близкое к тому, что обозначает родительный падеж с предлогом *вместо*: *Во всех этих случаях с подозрительными мужчинами Юра, хотя и смутно, но очень сильно, чувствует одно: что каким-то образом он заменяет собою отсутствующего отца* (Л. Андреев).

Дательный падеж

Дательный падеж имен существительных также способен реализовать компаративную семантику в беспредложных и предложных конструкциях. Дательный падеж без предлога может иметь значение указания «на предмет, по отношению к которому выражается соответствие, равенство, согласование другого предмета» [3. С. 64], употребляясь при глаголах *соответствовать, подражать, уподобляться*: *В течение нескольких суток... заставляли писать письма к различным предметам и явлениям природы, разыгрывать различные сценки, а также подражать разным животным, ремеслам и недугам* (В. Набоков).

В сочетаниях со словами *противоречить, быть вредным, уступать* имя существительное в дательном падеже способно выражать несоответствие одного предмета другому: *Про полки Лефортов и Бутырский иностранцы отзывались, что они не уступят шведам и французам* (А.Н. Толстой).

При именах прилагательных *равный, подобный, аналогичный* или однокоренных им наречиях существительное в дательном падеже выражает сходство, подчеркивая похожесть предмета на некий образец: *Хотя нельзя было допустить избиения женщины... в чувствах моих образовалась скверная муть, подобная оскомине* (А. Грин).

Дательный падеж может также выражать значение уподобления, согласования действия, состояния лица с действиями или состояниями другого лица, при этом с именем существительным употребляются глаголы *вторить, аккомпанировать, подпевать, отзываться*: – *Слава! – гукал Гай перелесками. Славе ответили пушки позади и на левой руке* (М. Булгаков) [8. С. 129].

Существительные в дательном падеже продуктивно образуют структуры с компаративным значением, употребляясь с наречными предлогами *соответственно, согласно* и др., из простых предлогов в этой функции можно отметить лишь предлог *по*: *Неплохо бы также, по московскому обычаю, запретить извозчикам под страхом штрафа ругаться...* (Б. Акунин).

Именительный падеж

Именительный падеж существительных принято считать неспособным выражать компаративную семантику, так как он

«обозначает предмет, независимый в своих отношениях от других предметов, действий», выступающий «в функции исходного предмета рассуждения или темы» [3. С. 61–62], но в некоторых случаях именительный падеж также может выступать средством выражения сравнительного значения. Это возможно в тех случаях, например, когда он присутствует в предложении в составе именного сказуемого с различными вспомогательными глагольными связками *быть, стать, казаться, оказаться*: *Этот Сашка был настоящим зверь, родившийся по ошибке человеком* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); или при опущенной в настоящем времени связке *быть*: *Я по отношению к вам солнце, которое согревает растение, а вы по отношению ко мне паук, пожирающий муху* (М. Волошин).

Предложения со сказуемым такого типа характеризуют или определяют «сущность субъекта путем отождествления его с другим предметом, отнесения к известному классу предметов, указания на связи с другими предметами, сопоставления с другими предметами» [3. С. 255].

Можно отметить достаточно редкую в современном русском языке конструкцию, являющуюся по сути своей варваризмом, состоящую из предлога *а-ля*, заимствованного из французского языка, данного в русской или французской графике (*á la*), и собственного имени существительного. «Именительный сравнения с союзом устанавливает прямое отношение сходства с другим существительным по тому или иному признаку (основанию)» [9. С. 666]. Такие обороты носят устаревший, книжный характер и в современном русском языке употребляются только в целях стилизации: *Он ущипнул себя за козлиную, а-ля граф Биконсфильд, бороденку и добродушно приложил руку к не очень свежей рубашке* (Б. Акунин).

Существительные в форме именительного падежа могут приобретать сравнительное значение в случае их функционирования в роли одного из членов грамматической основы предложения, например подлежащего: *А в окнах настоящая опера «Ночь под рождество»...* (М.А. Булгаков), или сказуемого: *Так, говорит, богородица – великая мать сыра земля есть...* (Ф.М. Достоевский), а также приложения, дающего предмету уточняющее или дополнительное название. Как правило, приложения со значением сравнения могут:

– раскрывать содержание определяемого слова: *Марсель Пруст – французский Достоевский, – вот человек, удовлетворяющий всем этим требованиям* (В. Маяковский);

– характеризовать внешние и внутренние особенности лица или предмета, обозначенного именем существительным: *Сергей Сергеич... это идеал мужчины* (А.Н. Островский);

– характеризовать лицо или предмет относительно его поведения или образа действия: *И ходит, ходит маятник-юнкер, зябнет...* (М.А. Булгаков).

Возможно выражение компаративной семантики именем существительным в именительном падеже, функционирующим в предложении в качестве обращения: *Ну, поди сюда, глупая лань, и поведай мне, в какой день я умру* (В. Набоков). В подобных конструкциях происходит полное уподобление объекта сравнения его эталону, что приводит к образованию этой несвойственной сравнительным конструкциям структуры. Подобные конструкции занимают промежуточное положение между сравнениями и метафорами, так как в них, как и в полноценных, традиционных метафорах, «то, чему уподобляется предмет, и свойства самого предмета представлены не в их качественной раздельности, а сразу даны в новом нерасчлененном единстве» [10. С. 104], что помогает пояснить внутреннюю природу явлений.

Как видно из приведенного анализа, падежные формы имени существительного активно участвуют в выражении компаративной семантики различного характера, употребляясь в высказываниях с разнообразными предлогами или без них, а также в различных сочетаниях с другими существительными или глаголами. Способность имени существительного выражать компаративную семантику формами всех падежей, исключая предложный, говорит о его широкой и регулярной востребованности для нужд сравнения и о большом потенциале, реализуемом в высказываниях различных типов. При этом компаративное значение имени существительного формируется из совокупности собственной семантики имени и предлога, а также роли существительного в предложении и его синтаксических отношений с другими членами предложения.

Библиографический список

1. Дмитриева Е.И. Категория компаративности в разноструктурных языках: на материале английского, русского и немецкого языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 21 с.
2. Трегубчак А.В. Понятие и основные характеристики функционально-семантического поля сравнения // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 1. С. 174–191.
3. Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике. М.: Русский язык, 2000. 355 с.
4. Луценко Н.А. О происхождении и внутриязыковых реакциях семантики сравнения // Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц. Краснодар: Изд. КГУ, 1998. С. 8–15.
5. Ходова К.И. Творительный превращения и сравнения // Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 181–192.
6. Правда Е.А. Способы выражения сравнений в языке русской поэзии: ядерные структуры // Известия ВГПУ. 2015. № 2 (267). С. 160–164.
7. Крылова М.Н. И это всё сравнение: разнообразие структурных типов // Русский язык и литература для школьников. 2013. № 4. С. 3–12.
8. Трегубчак А.В. Семантика сравнения и способы ее выражения: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 221 с.
9. Меденцева Н.П. Морфологически выраженные сравнения и их стилистические функции в идиолекте Анны Ахматовой // Молодой ученый. 2014. № 19. С. 666–668.
10. Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П. Горского. М.: Просвещение, 1991. 209 с.

Сведения об авторе

Трегубчак Алина Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Рязанского гвардейского
высшего воздушно-десантного
командного училища им. В.Ф. Маргелова
E-mail: astour@mail.ru

УДК 811.581'373.46:811.161.1'373.46

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Цзоу Цзиньна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

В статье проводится сравнение научно-технических текстов на китайском и русском языках, рассматриваются сходства научно-технических текстов на этих языках по стилистической окраске, терминологии, использованию временных форм и латинских букв. Проводится анализ основных различий в выражении грамматических значений, в позиции подлежащего и в использовании предложений пассивного строя.

Ключевые слова: сравнение, научно-технический текст, сходство, различие, терминология.

Similarities and Differences of Scientific and Technical Text in Chinese and Russian

Zou Jinna

The article compares scientific and technical texts in Chinese and Russian and provides a detailed discussion of their similarities in terms of stylistic coloring, terminology, and the use of time forms and Latin letters. The author also analyzes their main differences in the expression of grammatical meanings, in the position of the subject, and in the use of passive sentences.

Key words: comparison, scientific and technical text, similarity, difference, terminology.

С каждым годом наука и техника все глубже проникают в различные сферы человеческой жизни, и научно-технические тексты получают все более широкое распространение, поэтому научно-технические переводы приобретают все более важное значение в международной торговле и разнообразном информационном взаимодействии. «Потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на соседних и культурно доминирующих языках» [1. С. 214]. Поэтому для обеспечения высококачественного перевода научно-технических текстов необходимо описание сходств и различий соответствующих текстов в китайском и русском языках.

От художественного текста научно-технический текст отличает использование терминологии и ориентация на объективные факты. Воздействие культурных факторов сводится к минимуму и полностью исключаются эмоции и субъективное отношение автора, в центре

внимания остается сухая техническая информация. Ли Чжицяо и Ни Цзятай в книге «Русско-китайский научно-технический перевод» (1986) обращают внимание на такие особенности научно-технических текстов, как преобладающее применение профессиональной терминологии и использование специфической терминологии в различных отраслях. В книге подчеркивается, что научно-технические тексты по своему функциональному стилю относятся к особой разновидности литературного языка и характеризуются специфическими часто употребляемыми конструкциями, служащими целям объективности изложения и стремлению к обобщению, абстрактности, концептуальности и логичности, присущим научному мышлению [2]. И.С. Алексеева также отмечает, что «характерной чертой технического текста, которая сразу бросается в глаза, является обилие терминов. В самом общем виде под термином понимается слово или сочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [3. С. 167]. В любом научно-техническом переводе прежде всего находят отражение эти особенности.

Известный китайский лингвист Люй Шусян в «Кратком очерке грамматики китайского языка» отмечает, что для понимания грамматики языка необходимо применять метод сравнения, посредством которого можно увидеть общие и особенные черты изложения, присущие различным языкам [4]. Другой китайский лингвист-русист и переводчик Чжан Хуэйсэнь в «Основных положениях сравнительного изучения русского и китайского языков» (1996) пишет: «Сравнение позволяет понимать языковые особенности яснее и глубже. Сравнительные методы в языкознании имеют не только важное теоретическое значение, но также и непосредственное прикладное значение для преподавания иностранных языков, а также в теории и практике перевода с одного языка на другой» [5. С. 15]. Чжан Хуэйсэнь также отмечает, что «конечной целью исследования языка является не классификация лингвистических единиц, а изучение людьми, каким образом использовать язык, выражать свои мысли и общаться» [5. С. 17]. Поэтому имеет смысл отдельно рассматривать, как языковые особенности проявляются в функциональном стиле научно-технического текста.

В данной статье представлены результаты сравнительного исследования словарных слов, грамматики и стилистики для

выявления различий и сходств научно-технических текстов на китайском и русском языках с целью глубокого понимания данного вопроса и улучшения качества перевода научно-технических текстов.

Сходства научно-технических текстов на китайском и русском языках

1. Стилистическая окраска

Научно-технический текст на русском языке является функциональной разновидностью литературного языка, отличительной чертой которой является простота, сжатость и точность, без риторических фигур речи, метафор и других стилистических украшений. В таком тексте редко получают отражение особенности культурных традиций, предпочтение отдается четким, понятным и строгим формулировкам. «Научно-технический текст должен быть источником передачи, восприятия, утверждения и хранения технической информации, он является источником контактов в процессе исследований, направленных на решение многих научных проблем, и выступает средством передачи научного опыта, технического знания» [6. С. 41–42]. У научно-технических текстов на китайском языке также ярко выражена стилистика литературного языка, не используются диалектизмы и просторечия, изложение подчинено целям четкого и объективного описания предмета, без эмоциональной окраски и культурных метафор. Китайский лингвист Лю Мицин отмечает, что «в научно-технических текстах необходимо стремиться по минимуму использовать или вообще не использовать притяжательные прилагательные, а также слова, которые используются для выражения эмоций. Следует полностью избегать использования различных стилистических тропов и аллюзий, необходимо стремиться к научности языка и логичности изложения» [7. С. 34]. Итак, стилистическая окраска научно-технических текстов на русском и китайском языках одинакова.

Пример:

(1) 本机床适用于高速钢刀具和硬质合金刀具加工各种黑色金属, 有色金属和部分非金属材料 [8. С. 11].

Перевод: «Данный станок используется с резцами из быстрорежущей стали и с твердосплавными резцами для обработки различных черных металлов, цветных металлов и некоторых неметаллических материалов».

В микротексте (1) на русском и китайском языках наблюдается объективность описания, ярко выражен литературный характер языка.

2. Однозначная терминология

В отличие от многозначности слов в повседневной и художественной речи, термины в научно-технических текстах на русском языке однозначны. Наряду с этим для обеспечения точности формулировок научно-технических текстов для выражения тождественных понятий используется один термин, использование синонимов исключается. С.В. Гринев характеризует термин «как номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий» [9. С. 22]. В научно-технических текстах на китайском языке термины также являются однозначными и точными, для обозначения тождественных понятий используются одинаковые термины. Китайский лингвист Ду Хоувэнь отмечает, что «научные термины имеют точные значения, и каждый термин имеет только одно строго определённое значение в определённой сфере» [10. С. 88].

Пример:

(2) 横梁被液压油缸通过杠杆放大并推动斜铁, 将横梁牢固的夹紧在立身上, 按压按钮站上横梁升降按钮, 通过电磁滑阀转变进油方向, 使之放松横梁, 并有电机使其做升降移动 [8. С. 12].

Перевод: «Поперечная балка посредством рычага гидроцилиндра увеличивается и продвигает клин таким образом, что поперечная балка крепко зажимается на стойке, нажатие кнопки подъема поперечной балки на кнопочной станции меняет направление подачи масла через золотник с управлением от электромагнита, освобождая поперечную балку, и электродвигатель приводит ее в движение, поднимая или опуская».

В микротексте (2) подчёркнутые слова в китайском и русском текстах являются полными эквивалентами, термины 液压油缸 (гидроцилиндр), 横梁 (поперечная балка), 电磁滑阀 (золотник с управлением от электромагнита), 电机 (электродвигатель) являются однозначными.

3. Временная форма глагола

В научно-техническом тексте на русском языке обычно используются глаголы в формах настоящего времени, ввиду того что

значение настоящего времени лучше всего подходит для описания предмета или явления, отражения специфических закономерностей и объективности. В научно-техническом тексте на китайском языке также часто используется настоящее простое время.

Пример:

(3) 本机床主传动轴由主电机直接启动, 能耗制动。工作台底座上装有手动转阀, 用于选择工作台的转速, 在按钮站上按压变速按钮则可改变工作台的转速 [8. С. 12].

Перевод: «Данный станок приводится в действие непосредственно главным электродвигателем с динамическим торможением. На основании рабочего станда установлен ручной переключатель для переключения скорости оборотов рабочего станда, нажатие кнопки переключения скоростей на кнопочной станции изменяет скорость оборотов рабочего станда».

В микротексте (3) подчёркнутые слова в китайском и русском текстах являются полными эквивалентами. В русском и китайском вариантах используется настоящее простое время, чтобы подчеркнуть значение объективной реальности вещи.

4. Использование латинских букв для описания формы

В научно-технических текстах и на русском, и на китайском языках для описания формы деталей могут использоваться некоторые латинские буквы, такие как *V, U, T, O, J, I* и т. п.

Пример:

(4) 单面焊双面成形技术是以焊面施焊的方式在具有单面V形和U形坡口的焊件上, 获得双面成形的焊缝 (该焊缝的正、背面均具有良好的内在与外观质量) [11. С. 108].

Перевод: «Технология двусторонней формировки при односторонней сварке – это способ формирования двухстороннего шва сварки, выполненного односторонней сваркой на сваренной части с V-образным или U-образным скосом (на положительной и обратной поверхностях должны быть качественные швы как внутри, так и снаружи)».

В микротексте (4) подчёркнутые слова в китайском и русском текстах являются полными эквивалентами. В научно-технических текстах на русском и китайском языках для описания формы часто используются такие латинские буквы, как в микротексте (4) V形 (*V-*

образный) и U 形 (U-образный). Этот способ упрощает восприятие текста.

Различия научно-технических текстов на китайском и русском языках

1. Выражение грамматических категорий

В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой выделяется множество грамматических категорий в русском языке, такие как вид, залог, время, наклонение, лицо, род, число и падеж. Так, глаголы русского языка имеют два спряжения, а также единственное и множественное число и род в некоторых формах, а имена прилагательные русского языка в дополнение к роду, числу и падежу имеют сравнительную и превосходную степень [12]. В китайском лингвистическом словаре Ци Юйцунь фиксируется, что китайский язык относится к китайско-тибетской языковой семье, в нем нет морфологических изменений, в качестве основных грамматических средств выступает порядок слов и различные служебные слова – квантификаторы, модальные частицы и т. п. [13]. Лингвист Чэнь Цзе отмечает, что китайский язык относится к аналитическим языкам, грамматические значения в нем в основном выражаются порядком слов, последовательностью морфем и служебными словами. В его монографии, в частности, рассматриваются различия выражения грамматических категорий в именах существительных русского и китайского языков. Имена существительные русского языка имеют мужской род, женский род и средний род, а в китайском языке у имен существительных нет дифференциации рода. Способ выражения единственного числа и множественного числа имен существительных русского и китайского языков различается. Категория числа является обязательной для выражения и выражается морфологически: формы множественного числа образуются посредством изменения окончания [14], например: «электрод» (焊条) означает единственное число, для выражения множественного числа необходимо добавить окончание «ы» – «электроды». Категория числа не является обязательной для выражения в китайском языке и выражается в контексте синтаксически: 1) перед именем существительным добавляется слово, обозначающее множественное число, например, 很多 (очень много),

许多 (много), 这些 (эти), 那些 (те) и т. д.; 2) имя существительное, обозначающее людей, + суффикс 们, например, 我们 (мы), 工人们 (рабочие), 焊工们 (сварщики) и т. д.; 3) используются редупликации, например, 一层层 (слой за слоем), 一件件 (штука за штукой) и т. д.

Пример:

(5) 现场仪表的配线和安装, 包括保护箱、保温箱、接线箱的安装, 仪表桥架、槽板的安装, 保护管, 导压管, 气动管路的铺设, 控制盘的安装、接线、校线 [15. С. 11].

Перевод: «Электропроводка и монтаж местных приборов, включая монтаж защитных коробок, термокамер и соединительных ящиков, монтаж конструкций и желобов приборов, прокладку защитных труб, труб направления давления и пневматических труб, монтаж приборов и соединение и проверку проводов в помещении щита управления».

В микротексте (5) 现场仪表 (местных приборов), 保护箱 (защитных коробок), 接线箱 (соединительных ящиков), 仪表桥架、槽板 (направления давления конструкций и желобов приборов), 导压管 (пневматических труб), 仪表 (приборов), 控制盘 (щита управления) использование формы родительного падежа показывает связь объекта и подчиненного слова, в китайском языке посредством изменения порядка слов выражается грамматическое значение, например, 现场仪表的配线和安装 (проводка и монтаж полевых приборов), 现场仪表 (местных приборов) ставят перед 配线和安装 (проводка и монтаж).

2. Позиция подлежащего в предложении

В Лингвистическом энциклопедическом словаре отмечается, что позицию подлежащего обычно занимают существительные в форме именительного падежа и их эквиваленты. В отличие от сказуемого подлежащее может в предложении отсутствовать: при этом объект, к которому относится сообщаемое, определяется либо контекстом или ситуацией, либо выражается другим членом предложения, часто локативом. Подлежащее может иметь совместное выражение со сказуемым, где указание на скрытое подлежащее выражено личным окончанием глагола. Мы можем видеть, что позиция подлежащего в русском языке не зафиксирована. В традиционных грамматиках подлежащее или субъект действия во флективных языках часто

принимает именительный падеж и определяет морфологические изменения глагола-предиката. В китайском и в русском языках один и тот же базовый порядок слов: субъект-предикат-объект. Но в русском языке позиция подлежащего часто меняется под воздействием разных языковых факторов, а в китайском подлежащее чаще, чем в русском языке, опускается, если контекст ясен.

Пример:

(6) 地基不应该有裂纹, 必须有足够的坚固性 [8. С. 35].

Перевод: «Основание должно быть без трещин и обладать достаточной прочностью».

В микротексте (6) подчёркнутые слова в китайском и русском текстах являются полными эквивалентами. Подчёркнутые слова в русском и китайском языках являются составной частью подлежащего и ставятся в начале предложения.

Позиция подлежащего в предложении может меняться при переводе:

Пример:

(7) 力刀架滑枕是采用液压平衡, 其平衡是调整液压系统油的压力是实现的 [8. С. 45].

Перевод: «Для скользуна вертикального суппорта применяется гидравлическое уравнивание, его уравнивание осуществляется регулированием давления масла в гидравлической системе».

В микротексте (7) слово 滑枕 (скользун) является подлежащим в предложении на китайском языке, в предложении на русском языке оно меняется на обстоятельство, «гидравлическое уравнивание» в предложении на русском языке является подлежащим, но в китайском языке это выражение является дополнением, положение подлежащего и других членов предложения изменилось.

3. Предложения пассивного строя

В научно-технических текстах обычно используются предложения пассивного строя для выражения действия объекта, а не субъекта действия, главным образом, подчеркивается результат действия. При этом в предложении может совсем не называться субъект действия. Русский язык является флектирующим языком с богатым морфологическим словоизменением, и в пассивных

конструкциях русского языка страдательные глаголы имеют свои особенные грамматические формы. Чжан Хуэйсэнь пишет: «Пассивная конструкция образуется в форме страдательного залога. Употребление страдательного залога в русском языке тесно связано с видом глагола: форма залога в значительной степени определяется видом» [16. С. 42].

Китайский язык является изолирующим языком, и пассивный залог в нем, в особенности в литературном стиле речи, выражается чаще всего посредством служебных слов в позиции перед глаголом, таких как 被 (бэй), 让 (жан), 由 (ю), 为 (вэй) и т. п.

Пример:

(8) 换挡方式分为两种: 转阀操作和按钮盒旋钮操作, 用户订货说明哪种方式 [8. С. 11].

Перевод: «Переключение скоростей осуществляется двумя способами: переключателем и поворотной кнопкой на кнопочном пульте, конкретный способ определяется заказчиком».

В микротексте (8) на русском языке глаголы с *-ся* «осуществляется» и «определяется» выражают пассивное значение, в то время как в китайской версии пассивные конструкции не используются. Очевидно, что при переводе пассивный залог далеко не всегда сохраняется. Тем не менее пассив распространен в научно-технических текстах и на том, и на другом языке.

Проведенное сравнение показывает, что на фоне общих стилистических черт и одинакового подхода к терминологии наблюдаются значительные различия в выражении конкретных грамматических значений, в позиции подлежащего и в использовании пассивных конструкций. Эксплицитное описание этих и других различий позволяет добиться более глубокого теоретического понимания специфики научно-технических текстов и достичь более качественного перевода.

Библиографический список

1. Миронова Н.Н. Переключение языкового кода в ситуациях двуязычия // Перевод как средство взаимодействия культур: Материалы конференции. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 214–220.

2. 李志乔、倪家泰 俄汉科技翻译 上海外语教育出版社, 1985 年. 192 页 (Ли Чжицяо, Ни Цзятай. Русско-китайский научно-технический перевод. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков и образования, 1985. 192 с.).
3. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебн. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
4. 吕叔湘. 中国语法要略. 商务印书馆, 1982年, 463页 (Люй Шусян. Краткий очерк грамматики китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 1982. 463 с.).
5. 张会森. 俄汉语对比研究述要, 黑龙江大学学报, 1996 年第四期, 15–24 页 (Чжан Хуэйсэнь. Основные положения сравнительного изучения русского и китайского языков // Вестник Хэйлунцзянского университета. 1996. № 4. С. 15–24).
6. Клёстер А.М., Шумайлова М.С. Лексико-семантические особенности научно-технических текстов // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 3. С. 41–44.
7. 刘宓庆. 文体与翻译 [M]. 北京: 中国对外翻译出版公司, 1998年, 482页 (Лю Мицин. Литературный стиль и перевод. Пекин: Изд-во Китайская международная переводческая компания, 1998. 482 с.).
8. 立式车床说明书. 2015. 55 页 (Руководство по эксплуатации вертикального станка / Пер. Цзоу Цзиньна. 2015. 55 с.).
9. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
10. 杜厚文. 汉语科技文体的语言特点[J]. 语言教学研究. 1981, 87–101 页 (Ду Хоувэнь. Языковые особенности китайского научно-технического языка // Изучение языка и исследования. Пекин: Преподавание и исследование языка, 1981. С. 87–101).
11. Пособие для электросварщиков / Пер. Чжун Синьгуй. Пекин: издательство «Нефтепром», 2014. 191 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
13. 戚雨村. 语言学百科词典. 上海: 上海辞书出版社, 1993. 705 页 (Ци Юйцунь. Лингвистический энциклопедический словарь. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 1993. 705 с.).
14. 陈洁. 俄汉语言对比与翻译[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2005 年. 220 页 (Чэнь Цзе. Сравнение и перевод русского и китайского языков. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков и образования, 2005. 220 с.).

15. Пособие для наладчиков-монтажников / Пер. Чжун Синьгуй. Пекин: издательство «Нефтепром», 2014. 142 с.

16. 张会森. 俄语的态与被动态问题[J]. 外国语 (上海外国语学院学报). 1989年, 第3期, 42页 (Чжан Хуэйсэнь. Форма русского языка и вопросы страдательного залога // Вестник Шанхайского университета иностранных языков. 1989. № 3. 42 с.).

Сведения об авторе

Цзоу Цзиньна
аспирант кафедры теории
и методологии перевода
Высшей школы перевода
МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: zoujinna@yandex.ru

УДК 811.161.1'271

ПОЖЕЛАНИЯ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Чжан Хао

Московский педагогический государственный университет, Москва

В данной статье рассматриваются выражения пожелания в различных ситуациях речевого общения в русской народной культуре. Раскрываются их основные значения и характеризуются образные возможности фразеологических единиц, наряду с этим рассматривается отражение в них особенностей национальной культуры.

Ключевые слова: пожелание, народная культура, фразеологическая единица, речевой акт, речевой этикет, коммуникативная ситуация.

Expressing Wishes in the Russian National Culture

Zhang Hao

This article discusses the problem of using language means for expressing wishes in various situations of speech communication in the Russian national culture. The author reveals their main meanings, characterizes the figurative possibilities of phraseological units, and considers how they reflect Russian cultural peculiarities.

Key words: wish, national culture, phraseological unit, speech act, speech etiquette, communicative situation.

Речевой акт пожелания широко представлен в русской народной культуре и речевом этикете. Речевой этикет представляет собой систему правил речевого поведения и закреплённых способов выражения, употребляемых носителями языка в определенных ситуациях вежливого общения. Как отмечает Н.И. Формановская, «речевой этикет – важный элемент всякой национальной культуры» [1. С. 54]. Формулы речевого этикета являются особенностью каждого языка. Пожелание является одним из главных составных частей речевого этикета. Все этикетные выражения пожелания используются говорящим «с целью выразить симпатию по отношению к адресату и надежду на благополучие в его жизни в будущем и тем самым соответствовать нормам этикета, принятым в данном обществе» [2. С. 69].

Предметом нашего исследования в данной статье являются средства выражения пожелания, характерные для русской народной культуры. Источником материала послужили сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля [3; 4], «Живая речь. Словарь разговорных выражений» В.П. Белянина, И.А. Бутенко [5], «Фразеологизмы в

русской речи» А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко [6], «Учебный фразеологический словарь» Е.А. Быстровой, А.П. Окуновой, Н.М. Шанского [7], «Словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая [8], «Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеологических единиц» [9; 10], «Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [11], «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Фёдорова [12], «Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи» В.В. Химики [13; 14], «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимины [15], «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Использование. Культурологический комментарий» В.Н. Телии [16] и Национальный корпус русского языка [17].

Согласно мнению Г.Г. Хасимовой и Л.М. Латыповой, пожелания бывают стандартными (общими) и индивидуальными (частными), для которых характерна гибкость, вариативность языковых выражений [18. С. 362]. Стандартные пожелания реализуются в устойчивых выражениях. В процессе общения для выражения пожелания люди обычно выбирают языковые средства в зависимости от различных ситуаций. Некоторые из пожеланий, употребляющихся в подобных ситуациях, со временем превращаются в стандартные выражения, обслуживающие такие ситуации. В русском языке эти устойчивые выражения часто функционируют в качестве фразеологических единиц, в которых хранится информация о культуре нации, а также отражаются особенности русской культуры. Мы попытались провести анализ употребления устойчивых выражений, имеющих значение пожелания, в типичных коммуникативных ситуациях. Это пожелания, которые адресованы молодожёнам на свадьбе, человеку во время еды, чихнувшему человеку, лицу, идущему в баню, охотнику и рыбаку, трудящимся, человеку в случае неудачи, умершему, лицам при прощании.

1. Пожелания молодожёнам на свадьбе.

В традиционной русской культуре свадьба считается одним из самых важных событий в жизни, на свадьбе родственники и гости традиционно желают молодожёнам: *Совет да любовь!* Это выражение представляет собой «пожелание счастья молодожёнам», вступающим

в брак. Слово *совет* в данном случае имеет устаревшее значение «согласие, дружба» [11. С. 741].

В сборник «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля включено также выражение пожелания новобрачным: *Дай Бог вам совет да любовь!* [4. С. 247], во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» это пожелание уже признается устаревшим [12. С. 169]. Тем не менее оно нередко встречается в произведениях русской литературы XVIII – начала XX веков. Например: *Дай только Бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку* (Н.И. Новиков. «Живописец»); – *Берите теперь Настасью Петровну, и дай Бог вам совет да любовь, как говорят обычно* (А.Е. Зарин. «В поисках убийцы»).

В сборнике В.И. Даля представлено ещё одно выражение, связанное с пожеланием новобрачной: *Будь здорова, как корова, плодовита, как свинья* [4. С. 235]. Это «пожелание женщине (особенно невесте на свадьбе) здоровья и плодovitости» [19. С. 289]. Оно включает сравнение, в котором женщина уподобляется корове, а по плодovitости свинье. Сейчас это выражение часто вызывает смущение, даже антипатию у адресата по той причине, что в современной русской разговорной речи слово *корова* метафорически обозначает «полную, неуклюжую, неповоротливую женщину; и так говорится о грубой невоспитанной особе» [14. С. 375]; слово *свинья* в переносном значении указывает на «неряху, грязного, нечистоплотного человека; отрицательно о человеке» [13. С. 261]. Это выражение в современной речи не используется как благопожелание, но встречается в ряде текстов. Ср.: *После венчания молодые поехали в свадебное путешествие в Хилково, там их встретили крестьяне с хлебом-солью и поклонились в пояс, один старик обратился к молодой с такими словами: «Будь здорова, как корова, плодовита, как свинья, и богата, как земля». Этими словами он привел ее в великое смущение* (С.М. Голицын. «Записки уцелевшего»).

2. Пожелания человеку во время еды.

Пожелание хорошего аппетита перед едой, за едой является одной из формул речевого этикета в русской национальной культуре. В речи регулярно употребляется выражение: *Приятного аппетита!* Оно выражает вежливое пожелание хорошего аппетита тому, кто ест или начинает есть. Ср.: *Все девять сидящих смотрели только на них,*

предвкушая пищу. – Приятного аппетита, – сказал ключевые слова Кручина (М. Елизаров. «Библиотекарь»).

Выражение *чай да сахар* первоначально употреблялось как средство пожелания «тому, кто чай пьет» [4. С. 234]. Ср.: *Чай да сахар, хорошего аппетита. Эй, хозяева!* (А.А. Потехин. «Чужое добро впрок не идет»). Долгое время в России чай был слишком дорогим напитком, сахар тоже был очень дорогим, поэтому в прошлом люди использовали *чай да сахар* как застольное пожелание. Со временем чай и сахар распространились повсеместно в России, добавление немного сахара в воду при питье чая уже стало привычкой питания. В современном русском языке это выражение уже не используется в качестве застольного пожелания.

3. Пожелания чихнувшему человеку.

По правилам русского речевого этикета чихнувшему человеку, с которым даже не знакомы, принято желать: *Будь здоров (будьте здоровы)!* В ответ на пожелание обычно употребляется формула: *спасибо*.

Если чихнувший – ребенок, и чихнул первый раз, говорят: *Будь здоров!*; если ребенок чихнул еще раз, ему желают: *Расти большой!*; если ребенок третий раз чихнул, ему говорят: *Не будь лапшой!* В этих выражениях отражается представление россиян о здоровье детей. *Расти большой* означает «стать больше ростом», высокий рост считается одним из признаков физической силы. В выражении *не будь лапшой* используется метафора. Фразеологизм *не будь лапшой* имеет образное, переносное значение, которое вызвано переосмыслением компонентов *быть лапшой* с семантикой «быть вялым» [5. С. 24]. Таким образом, выражения *расти большой, не будь лапшой* выражают пожелание ребенку, кроме физического здоровья, ещё сильного характера.

После чихания, помимо вышеприведенных фиксированных выражений, раньше принято было также желать чихнувшему богатства: *Сто рублей тебе на мелкие расходы!* В этом выражении используется гипербола. Оно отмечалось в первой половине XX века, когда в основе выражения лежало сравнение с суммой среднего уровня заработной платы в то время в СССР.

4. Пожелания идущему в баню.

Являясь важным элементом русской культуры, русская баня имеет свои особенности функционирования. В отличие от других

стран в русской бане могут не только мыться и париться, но приглашать туда гостей, лечиться с помощью тепла и пара и проч. Давно для русских «самый процесс мытья в бане устроенной есть наслаждение». При выходе из бани чувствуют «обновление, и возрождение сил» [20. С. 37]. В бане русскому человеку приятно отдыхать душой и телом. В соответствии с речевым этикетом общения часто желают тому, кто идет в баню мыться, париться: *Лёгкого пару (лёгкого пара)!* Например: – *Иду в баню.* – *Ну, желаю вам лёгкого пара!* (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»).

Тому, кто возвращается из бани, говорят: *С лёгким паром!* Это выражение употребляется как «приветствие тому, кто пришёл из бани, только что помылся, попарился» [11. С. 492]. В этом выражении слово *пар* означает «сильно нагретый влажный воздух» [11. С. 492].

5. Пожелания охотнику и рыбаку.

В настоящее время фразеологизм *ни пуха, ни пера* используется в качестве средства выражения пожеланий любому лицу, включая охотника, и означает «пожелание удачи» [11. С. 634]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова даётся этимология этого выражения: «первоначально охотнику, отправляющемуся на охоту, высказанное в отрицательной форме (возникло вследствие суеверной болезни “сглазить”, если пожелать прямо удачи)» [21. С. 368]. В этом выражении используется метонимия: *пух* означает «звери», *пера* – «птицы». Для усиления отрицания в этом выражении употребляется конструкция с повторяющимся сочинительным союзом «ни... ни». Значение этого выражения прямо противоположно буквальному смыслу слов. В русском языке при пожелании охотнику или рыбаку встречаются подобные фразеологические выражения, в которых представлена конструкция «ни X, ни Y». Например, охотнику часто говорят: *Ни лапы, ни хвоста*; рыбаку перед уходом на рыбалку желают: *Ни хвоста, ни чешуи*.

Значение фразеологизма *ни лапы, ни хвоста*, означающего пожелание удачной охоты, тоже противоположно буквальному. Это выражение содержит метонимию, слова *лапа* и *хвост* подразумевают «птицы и звери». Выражение *ни хвоста, ни чешуи* также имеет прямо противоположное значение относительно буквального и употребляется как пожелание удачного промысла рыбаку. В этом выражении использована метонимия: *хвост* вместо «водных

животных с хвостом», *чешуя* вместо «рыбы». На эти выражения принято стандартно ответить: *К черту!* – чтобы не «сглазить».

Устаревшее выражение *клёв на уду (на рыбу)* означает «пожелание успеха рыболову» [12. С. 296], отвечать в этом случае полагается: *Навар на ушицу*. Это выражение часто встречается в литературных произведениях, а в современной речи оно используется очень редко. Например: *С увала посыпались комки глины – кто-то спускается к реке. – Клев на уду. Мишка, не оборачиваясь, по голосу узнал Дунярку* (Ф. Абрамов. «Братья и сестры»).

6. Пожелания в процессе работы.

В русском языке встречаются устойчивые выражения пожелания лицам, занимающимся различным трудом: доярке, молотильщикам, собирающим урожай, девушке, черпающей воду и др.

При доении коровы в народной речи желают женщине, занятой дойкой коровы: *Море под коровой*, чтобы корова при доении давала много молока. Ответ: *Река молока!* В основе этих выражений лежит гипербола. В этих выражениях слово *море* употребляется в его переносном значении – «большое количество чего-н.» [11. С. 366], слово *река* в выражении, адресованном доярке, в данном случае также употребляется в переносном значении – «поток, большое количество, масса» [11. С. 675].

В сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля содержатся некоторые народные выражения пожелания, которые в современном русском языке считаются устаревшими. В прошлом молотильщикам желали: *По сто на день, по тысяча на неделю* [4. С. 236]; *Свеженько тебе* – желали девушке, которая воду черпает [4. С. 237].

В современном русском языке употребляются выражения: *в добрый час!*; *с Богом*; *Бог в помощь* – когда желают адресату успеха, благополучия в каком-либо деле, обычно в труде. Например: *Всего Вам доброго! Бог в помощь при защите диплома и на экзаменах* («Письмо пары студентов паре студентов»).

Выражения *в добрый час*; *с Богом* часто употребляются по отношению к человеку, начинающему какое-либо дело. Например: *Г. Горький в последнее время начинает все чаще делать вылазки из среды своих излюбленных золоторотцев, и мы можем лишь сказать*

ему: «*В добрый час!*» (А.М. Скабичевский. «Новые черты в таланте г. М. Горького»).

7. Пожелания человеку в случае неудачи.

Обычно человеку в ситуации неудачи говорят: *Не падай (падать) духом; Не вешайте (вешать) нос; Держи хвост (нос) пистолетом (морковкой, будкой, трубой)!*

В русском языке фразеологизм *падать духом* означает «отчаиваться, глубоко расстраиваться, приходить в уныние» [12. С. 452], *не падать духом* означает «не отчаиваться» [11. С. 183]. Фразеологизм *вешать нос* означает «унывать, огорчаться» [16. С. 113]. В основе этого фразеологизма лежит телесная метафора, то есть «тот или иной жест отождествляется с внутренним состоянием человека» [16. С. 114]. Положение носа в образе фразеологизма метонимически обозначает положение головы. В русской культуре склонённая голова представляет собой «знак скорби, печали» [16. С. 114]. Выражения *не падай духом, не вешайте нос* употребляются как синонимы в значении «не унывай, не отчаивайтесь, не робей; будь уверенным в себе». Выступая в качестве утешения и ободрения, эти выражения также выражают пожелание второго дыхания, удачи тому, кто находится в трудном положении, ср.: *В изделие следовало вложить пожелания здоровья, долголетия, умения не падать духом и бороться до конца* (А. Маринина. «Последний рассвет»); – *Понятно. Ладно, не вешай нос, Савушка! Все будет хорошо!* (В. Доценко. «Тридцатого уничтожить!»).

Просторечное, шутливое выражение *держи хвост пистолетом* означает «стараться казаться бодрым, смелым, независимым» [12. С. 196]. В основе образа этого выражения лежит метафора. В этом выражении компонент *пистолет* актуализирует значение «прямой» по форме ствола. В русской разговорно-обиходной речи это выражение употребляется «часто как выражение подбадривания, одобрения, поддержки» [14. С. 413]. Например: *Ты тоже, парень, не трусь, держи хвост пистолетом* (В. Быков. «Волчья яма»).

8. Пожелания при прощании.

«Прощание – это финальная ситуация общения, выражения речевого этикета здесь – финальные реплики» [1. С. 100]. В русском языке чрезвычайно разнообразны устойчивые выражения пожелания,

которые высказываются при прощании. В ситуации прощания собеседники обычно желают друг другу здоровья, благополучия, добра или счастья с помощью таких выражений, как *будь здоров (будьте здоровы); всех благ; всего доброго (хорошего, лучшего); будь счастлив (будьте счастливы)*.

При прощании могут использоваться такие пожелания удачного путешествия, мирного и спокойного пути отъезжающему, как *счастливого (доброго) пути; в добрый путь; идите (поезжайте) с миром; попутного ветра, семь футов под килем*. Выражение *идите (поезжайте) с миром* означает «пожелание благополучия, спокойствия уходящему, уезжающему» [8. С. 276]. В этом выражении слово *мир* употребляется в значении «спокойствие». Выражение *попутного ветра* первоначально употреблялось как пожелание морякам счастливого плавания. Это связано с тем, что попутный ветер может увеличить скорость движения судна. В настоящее время отъезжающему говорят *попутного ветра* для выражения пожелания «счастливого пути» [8. С. 78].

Фразеологизм *не поминай лихом* в русском языке выражает «просьбу не вспоминать плохого». Устаревшее слово *лихо* здесь употребляется в качестве синонима слова *зло*. Это выражение обычно употребляется при расставании на долгое время [7. С. 145]. Например: *Мы прощаемся до следующего года. – Ну что, Журавлева, давай прощаться, не поминай лихом!* (А. Моторов. «Преступление доктора Паровозова»). При прощании отъезжающий желает тому, кто остаётся, *счастливого оставаться*.

При прощании больному человеку желают скорейшего выздоровления, что передается такими устойчивыми выражениями, как *выздоровливайте; поправляйтесь; не болейте*.

При прощании на ночь говорят: *спокойной (добррой) ночи; добрых снов; приятного (спокойного) сна*. Эти выражения в зависимости от времени их использования одновременно сочетают значения прощания и пожелания хорошей ночи, спокойного сна.

9. Пожелания умершему.

При погребении умершего или при упоминании о нем используют такие ритуальные выражения пожелания мира, вечного покоя, как *царство (царствие) небесное кому-л.; покойся с миром; мир праху кого-л.; пусть (да будет) земля пухом кому-л.* Фразеологизм *царство (царствие) небесное кому-л.* обозначает

«пожелание умершему загробной жизни в раю» [9. С. 643]. В религиозных представлениях *царство небесное* означает «местопребывание душ праведников после смерти, рай» [11. С. 871]. Выражения *покойся с миром, мир праху кого-л.* употребляются как синонимы для выражения доброго пожелания умершему. Выражение *пусть (да будет) земля будет пухом кому-л.* употребляется «как последнее пожелание умершему при его погребении или при упоминании о нем» [22. С. 715]. В этом выражении используется сравнение. Например: *Сначала Ваня погиб, жених ее, потом сама преставилась. Царствие им всем небесное, земля пухом* (Д. Донцова. «Микстура от косоглазия»).

По мере изменения общества и развития русского языка способы выражения пожелания также меняются. Например, выражение *будь здорова, как корова, плодовита, как свинья* в современной речи уже не употребляется как благопожелание. В Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой фиксируется выражение *Семь футов под килем*, которое означает на флоте пожелание благополучного плавания [11. С. 273]. Первоначально это пожелание было адресовано морякам перед плаванием, в настоящее время это выражение используют, когда желают адресату счастливого пути или удачи в деле. В нем используется числовая символика: число *семь* в русской народной культуре имеет «обобщенное значение большого множества» [6. С. 562].

В русской речи пожелания нередко используются в измененном виде как средство языковой игры. Например: *Будьте здоровы, Семен Терентьич! Двести бы тысяч вам на мелкие расходы!* (П.Ф. Нилин. «Модистка из Красноярска»). В этом примере *тысяч вам на мелкие расходы* является трансформацией выражения *сто рублей вам на мелкие расходы!*

Итак, в русском языке при выражении пожелания существует ряд средств, которые выступают как формулы речевого этикета, в этих устойчивых единицах отражаются особенности русской национальной культуры. Для усиления экспрессивности в них часто используются такие виды тропов, как сравнение, гиперболы, метафора, метонимия. Использование образных пожеланий позволяет избегать коммуникативной неудачи и способствует эффективному и гармоничному общению говорящего и адресата. При употреблении устойчивых пожеланий необходимо учитывать характер

коммуникативной ситуации, вместе с тем следует избегать устаревших слов.

Библиографический список

1. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с.
2. Трофимова Н.А. Штрихи к портретам социативных речевых актов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. № 8 (34). С. 61–74.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник В.И. Даля. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник В.И. Даля. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. 447с.
5. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
6. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Рус. слов., 1997. 863 с.
7. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М.; Назрань: АСТ, 1998. 289 с.
8. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-Пресс, 2001. 672 с.
9. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеологических единиц: в 2 т. Т. 1 / Под ред. проф. А.Н. Тихонова; Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
10. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеологических единиц: в 2 т. Т. 2 / Под ред. проф. А.Н. Тихонова; Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А Темп, 2006. 944 с.
12. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.
13. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Т. 1. СПб.: Златоуст, 2017. 528 с.

14. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Т. 2. СПб.: Златоуст, 2017. 532 с.
15. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-Пресс школа, 2018. 736 с.
16. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
17. Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru>.
18. Хасимова Г.Г., Латыпова Л.М. Этикетные речевые жанры в аспекте межкультурной коммуникации (на материале русского и башкирского языков) // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 360–363.
19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 800 с.
20. Забелин А.И. О купаньях, ваннах и банях как средствах сохранения здоровья / Соч. лекаря Забелина. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1856. 48 с.
21. Толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 2 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001. Т. 2. 688 с.
22. Большой академический словарь русского языка. Т. 6 / РАН, Ин-т лингвистических исследований. Под ред. К.С. Горбачевича. М.; СПб.: Наука, 2006. 825 с.

Сведения об авторе

Чжан Хао
аспирант кафедры русского языка МПГУ
Московского педагогического
государственного университета
E-mail: zhanghao2017@mail.ru

УДК 811.111'37:821.111(73)“18/19”

КОМБИНАТОРНАЯ СЕМАНТИКА В ПРИМЕНЕНИИ К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Е.А. Щетинкина

Челябинский государственный университет, Челябинск

Комбинаторная семантика как область языкознания способствует детальному изучению природы сочетаемости лексических единиц и стилистически значимых отклонений от нормы. Цель данной статьи – показать применимость концепции и методологии комбинаторной семантики к смысловому анализу произведений англоязычной поэзии, а также дать в качестве примера комбинаторно-семантический анализ двух стихотворений американских поэтов XIX–XX вв.

Ключевые слова: комбинаторная семантика, поэзия, лексическая единица, экспликация, импликация, высказывание, экстенционал, импликационал, денотат.

Applying Combinatorial Semantics to Poem Analysis

Ekaterina Shchetinkina

Combinatorial semantics promotes detailed study of the nature of compatibility of lexical units and stylistically significant aberrations. The purpose of this article is to show the applicability of the concept and methodology of combinatory semantics to the semantic analysis of English language poetry and, as an example, to give a combinatory and semantic analysis of two poems by American poets of the 19-20th centuries.

Key words: combinatorial semantics, poetry, lexical unit, explication, implication, predicative statement, extension, implication, denoter.

Выбор материала объясняется достаточно четким делением в указанные века поэзии по её формальным и содержательным признакам. В XIX в. поэтические произведения создаются по более или менее классическим канонам, с соблюдением правил стихотворной метрики, с относительно прозрачной семантикой образности; хрестоматийными англоязычными поэтами этого времени являются У. Блейк, Р. Браунинг, У. Вордсворт, С.Т. Колридж, Р. Саути, А. Теннисон, Т. Харди, Дж.М. Хопкинс и т. д. В XX веке в рамках модернистской парадигмы поэзия, как правило, нарочито нарушает каноны в области формы и / или содержания; поэты этой парадигмы – в том числе Э.Э. Каммингс, Х. Крейн, Э. Паунд, Д. Томас, С. Фунарофф, Т.С. Элиот и другие. В XXI веке происходит постмодернистская игра форм и смешение сюжетно-смысловых линий; в числе постмодернистской плеяды

следует назвать таких англоязычных поэтов, как П. Акرويد, А. Дейвис, С. Макдугалл, Ф. Ридли, А. Саймон, К. Энн Даффи и т. д.

В нашем исследовании на передний план выходит сочетаемость лексических единиц и вариативность этой сочетаемости. В процессе производства речи, а именно, художественной словесности, слова складываются в высказывания, создавая прозаические и поэтические произведения. При этом важнейшую роль играет связь всех языковых компонентов художественной фразы и взаимодействие их семантики (включая фоносемантику). Норма, т. е. ограничение на сочетаемость, взаимовлияет на синтагматические отношения в лексике и на каноны художественной словесности. Выбирающий нарушать каноны сочетаемости поэт порождает диафоры – необычные лексические и грамматические метафоры, сравнения, метонимии, оксюмороны, двусмысленности и парадоксы.

Каждый язык характеризуется определённой семантической, лексической, грамматической и лексико-грамматической валентностью. Область литературных форм и ее канонов; закономерности сочетания смыслов, соотношения между значениями и дифференциация сочетаемости – все эти аспекты рассматриваются комбинаторной семантикой. У истоков этого направления стоит М.В. Никитин. В концепции М.В. Никитина преобразование значений метафорически (метонимически) переосмысляемых слов и перестройка семного состава фраз получают значительную объяснительную силу. В основе комбинаторных семантических изменений лежат такие семиотические процессы, как контракция, соединение, вставка, транспозиция / перестановка, перенос значений (переименование).

Как отмечает исследователь, «нельзя исследовать значение в естественных языках, не обращаясь к тому, как люди понимают мир, что знают о нём, что делают в нём и как к нему относятся» [1. С. 190]. Начало изучения того, как люди «понимают мир и что знают о нём», приходится на знак и знаковую деятельность разных видов. При этом знак не может существовать отдельно от своего отправителя, получателя и коммуникативной интенции. Наша знаковая деятельность неразрывно связана с нашим познанием этого мира. Наряду с собственными уникальными номинациями, руководствуясь собственным восприятием и осмыслением, человек неосознанно создаёт виды знаковых связей. Также, согласно Никитину, «есть

обязательные и вероятностные связи и зависимости сущностей (явлений) в отражаемом сознании и творимом им действительном и мнимом мирах» [1. С. 54]. Сущность и основные содержательные признаки слов и обозначаемых ими предметов и явлений объединяются следующими концептуальными связями: импликационные (реальные связи сущностей объективного мира); сравнительно-классификационные; семиотические.

В качестве примеров комбинаторного анализа, а именно, анализа сочетаний лингвистических единиц, а также различных комбинаторно-семантических связей внутри таких сочетаний, мы рассмотрели два стихотворения. Комбинаторный анализ малообъемных речений выявляет семантические механизмы комбинаций смыслов формирующих их единиц (слов, словосочетаний, предложений); выстраивает иерархию этих смыслов; упрощает герменевтическую трактовку смыслов в узком и широком контексте; позволяет видеть общие черты, синергетически охватывающие все поэтическое произведение и представляющие собой конкретное воплощение замысла автора.

“pity this busy monster, manunkind” by E.E. Cummings
 («не сострадай больному бизнесмонстру», перевод В. Британишского)

pity this busy monster, manunkind,
 not. Progress is a comfortable
 disease:
 your victim (death and life safely
 beyond)
 plays with the bigness of his
 littleness –
 electrons deify one razorblade
 into a mountainrange; lenses extend
 unwish through curving wherewhen
 till
 unwish
 returns on its unself.
 A world of made
 is not a world of born – pity poor
 flesh

не сострадай больному
 бизнесмонстру,
 бесчеловечеству. Прогресс –
 болезнь
 приятная: предавшийся
 безумству
 гигантом карлик мнит себя всю
 жизнь –
 рой электронов чтит, как гор
 гряди,
 лезвие бритвы; линзы увеличат
 невласть немисли и согнут в
 дугу
 где-и-когда, вернув немисль в
 неличность.
 Мир «сделано» не есть мир

and trees, poor stars and stones, but
never
this
fine specimen of hypermagical
ultraomnipotence. We doctors know
a hopeless case if – listen: there’s a
hell
of a good universe next door;
let’s go [2]

«рождено»
жалей живую тварь, любую,
кроме
вот этой, мящей, что она над
всеми
владевает. Мы, врачи, давно
рукой махнули – слушай: за
углом
чертовски славный мир, ей-ей;
идем [3]

Стихотворение достаточно сложно для понимания и восприятия. Автор создает длинные предложения верлибром, не стремясь ограничить свою задумку и мысли строгим делением на поэтические строки и строфы, не использует рифму. Вместе с тем в стихотворении прослеживается некий ямбоподобный ритмический рисунок. В стихотворении имеется парцелляция, анжамбеман, инверсия, аллитерация, автор использует большое количество необычных окказионализмов, олицетворений, метафор, есть определенное количество эпитетов.

Экстенционалы и импликационалы лексики в данном стихотворении многозначны, они расширяют границы стихотворения, возможность многогранной интерпретации произведения, пропуска его через сознание за счёт подвижности налагаемых смыслов. Наблюдается несоответствие классическим поэтическим формам и нормам, в таких случаях, по мнению С. Карцевского, ассоциации возникают через «транспозицию семантической стороны знака» [4]. Несмотря на семантическую противоположность употребляемых единиц, логика стихотворения достаточно прозрачна, смысл понятен. Комбинаторная семантика показывает негемпликациональные связи входящих в словосочетания единиц, прямую контрарную антонимию. Основным стилистический прием, используемый в стихотворении, – семантико-смысловой контраст; на нем основаны употребленные тропы и фигуры речи (антитеза, оксюморон, парадокс, параномазия и др.).

Рассмотрим комбинаторно-семантические особенности данного стихотворения подробнее:

- *pity this busy monster... not* – фраза задает интеллектуальную и эмоциональную установку поэтического сообщения. В самом негиппликационном словосочетании наблюдается имплицитная паронимазия (*businessman monster*); обращают на себя внимание переподчинение эпитета и метафорометонимии, смысловая контракция (*busy monster* – монструозный капиталистический прогрессизм);
- *manunkind* – негиппликационная окказиональная морфологическая метафора; паронимазия *mankind+unkind*; контракция смыслов (обращение к «недоброму» человечеству);
- *Progress is a comfortable disease* – негиппликационное предикативное высказывание, актуализирующее парадокс, в котором также отмечается оксюморон (прогресс как удобная болезнь);
- *your victim (death and life safely beyond) / plays with the bigness of his littleness* – негиппликационное предикативное высказывание, актуализирующее олицетворение, оксюморон («бизнесмонстр», капиталистический прогрессист, есть жертва, играющая в величие, будучи малым, незначительным);
- *electrons deify one razorblade / into a mountainrange* – негиппликационное предикативное высказывание, актуализирующее олицетворение, антитезу, кульминацию, гиперболу (электроны (люди, окружающие) обожествляют тонкое лезвие бритвы (прогрессиста), оно кажется им мощной горной цепью);
- *lenses extend / unwish through curving wherewhen till / unwish / returns on its unself* – негиппликационное предикативное высказывание, актуализирующее развернутую метафору, рассуждение, кульминацию, морфологические метафоры (линзы окружающих искажают реальные размеры «отрицательного желания» (прогрессиста), и «оно обращается на себя», т. е. бизнесмен начинает мнить себя великим);
- *A world of made is not a world of born* – негиппликационное предикативное высказывание, актуализирующее метонимические парафразы (синекдохи), рассуждение, антитезу (мир придуманных («сделанных») личностей – это не есть мир рожденных, живых личностей);
- *pity poor flesh and trees, poor stars and stones, but never this specimen of hypermagical ultraomnipotence* – в широком контексте здесь также реализуется негиппликационное предикативное

высказывание: антитеза; экспрессивности добавляют эпитет и метонимия *hypermagical, ultraomnipotence* (т. е. жалеете созданных природой существ, но не всемогущее существо – прогрессиста);

- *We doctors know / a hopeless case if – listen: there’s a hell / of a good universe next door; let’s go* – негемпликациональное предикативное высказывание: конвергенция развернутых метафор, а также антитеза (мы, доктора (= разумные, мудрые люди), знаем, как безнадежен этот случай; за соседней дверью скрывается прекрасный настоящий мир – пойдём же туда).

Интересно также сопоставить англоязычный оригинал с переводом. Переводчик постарался использовать те же самые стилистические приемы на языке перевода для достижения максимального сходства со стихотворением на исходном языке. Наблюдается аналогичное отсутствие рифмы и совпадение по форме оригинала и перевода. Остаются парцелляция, переносы и антитеза, однако они получают несколько иной смысл. Вместо аллитерации переводчик использует анафору, расставляя нужные акценты и достигая нужной темарематической структуры высказываний. Авторские окказионализмы превращаются в переводческие, возникают аналогичные метафоры и олицетворения. Переводчик, как и автор, употребляет инверсию, использует сравнение, элементы разговорной речи. Стилистические приемы языка перевода и исходного языка несколько отличаются, однако общая атмосфера и замысел автора сохранены.

“The new sentience” by Alan Davies
(«Новое сознание», перевод автора статьи)

You should enjoy your suffering.
Realizations come in the form of
words
if not before.
Arguments weaken the facts
which in any event
never mattered, or existed.
You die as what you are.
Write bread lines. You don’t test the
limits

Насладитесь своим
страданием.
Слова приходят в форме
понимания,
если не раньше.
Аргументы ослабляют факты,
которые в любом случае
никогда не имели значения или не
существовали.
Вы умираете такими, какими вы

of what is by asking
 the impossible of it.
 Bunny haunches.
 And it should go on from there
 as if everything had happened.
 The culture made a decision.
 Mmmrnm.
 I am a mortal verb.
 I am asking you, quietly, for you.
 It's nice
 to see a face.
 Maybe something happens that
 mutes
 the speechless.
 There's no way to recall a clarity.
 Leached passions only overmake
 the heart.
 Don't go looking for it.
 The language.
 This sex could be our quiet lullaby.
 All we ever do is fulfill our fantasies
 [2].

себя знали.
 Начертите очереди за хлебом. Вы
 не проходите пределы бытия,
 требуя от него
 невозможного.
 Бедро кролика.
 И это продолжаться должно
 как будто все уже произошло.
 Культура приняла решение.
 Мммрнм.
 Я – смертный глагол.
 Я спрашиваю вас, спокойно, ради
 вас.
 Приятно
 видеть лицо.
 Возможно, что-то происходит, и
 люди немеют.
 Нет никакого способа вспомнить
 ясность.
 Выщелоченные страсти даже не
 дарят сердцу радость.
 Не ищите их.
 Язык.
 Этот род может быть нашей
 тихой
 колыбельной.
 Все, что мы когда-либо делаем,
 это исполнение наших фантазий.

Стихотворение написано свободным стихом, напоминает неструктурированный поток сознания, который складывается в достаточно целостное и логичное рассуждение за счет «рефлексии вслух» об экзистенциальных проблемах, точнее, выведения на поверхность слабо обработанной внутренней рефлексирующей речи. Слова соотносятся катафорически и анафорически с соседними строками, возникают многоплановые ассоциации, которые усложняют структуру и семантический состав стихотворения. Следует констатировать смысловые пропуски, иногда конкретные

значения создают основу для возникновения вторичных ассоциативных значений и функционируют как некие подсознательные образно-символические коды. Важно, что в случае постмодернистской поэзии большое значение имеют интертекстуальные мотивы, идеи, ясно ощутимые фрагменты «чужой речи» – здесь повышена сигнифициция (ассоциативный потенциал высказываний). Также важно, что образность в стихотворении ограничена парой фантазмагоричных образов, возбуждающих подсознательные, преимущественно чувственные, ассоциации, большинство же высказываний представляют собой логические суждения.

Рассмотрим комбинаторно-семантические особенности данного стихотворения подробнее:

- *You should enjoy your suffering* – негемпликациональное предикативное высказывание, актуализирующее оксюморон и парадокс (жизнь (экзистенция) приносит страдание, но надо научиться наслаждаться им – косвенная отсылка к буддистскому постулату);

- *Realizations come in the form of words / if not before* – предикативное высказывание области слабого импликационала, актуализирующее неочевидное суждение, к тому же выраженное в амбивалентом виде (понимание происходящего приходит во время вербализации нашего опыта, переживаний, а возможно, латентно присутствует в нас еще до вербализации – отсылка к буддистской концепции, а также к современному научному пониманию взаимодействия мышления и речи);

- *Arguments weaken the facts* – предикативное высказывание области слабого импликационала, актуализирующее неочевидное суждение (рассуждение, вербализация ослабляет непосредственные ощущения мира);

- *which in any event / never mattered, or existed* – предикативное высказывание, анафорически отсылающее к предыдущему; внешне негемпликациональное, парадоксальное, имплицитное иной, слабо-имплицитный смысл (факты без их реального ощущения, переживания не имеют значения, для человека они равнозначны тому, что они никогда бы не существовали);

- *You die as what you are* – предикативное высказывание области слабой импликации, актуализирующее неочевидное

суждение, близкое к негиппликациональному (вы умираете, ничуть не изменившись – не став мудрее, лучше, больше, чем были в начале, отсылка к буддистской концепции майи, бесплодных желаний и стремлений, круговорота сансары);

- *Write bread lines; Bunny haunches* – негиппликациональное высказывание, актуализирующее некие образы, диафоры, отсылающие к бессознательным реминисценциям (напишите очереди за хлебом, бедра кролика; постмодернистский трюк: образы введены для смещения внимания с логики на эмоции, состояния, непосредственное переживание и одновременно – для подтверждения последующего высказывания);

- *You don't test the / limits / of what is by asking / the impossible of it* – контрарное, отрицающее единый интенционал предикативное высказывание, отсылающее к известным фразеологизмам *test the limits, asking the impossible* (вы не испытываете границы реальности, прося невозможного от нее, например, выражая словами абсурдные образы выше);

- *And it should go on from there / as if everything had happened* – предикативное высказывание области слабого импликационала, актуализирующее неочевидное суждение и анафорически отсылающее к указанным выше абсурдным образам (некое произнесенное высказывание может превратить свое содержание в реальность, факт);

- *The culture made a decision* – предикативное высказывание области слабого импликационала, актуализирующее суждение (так постановила культура – отсылка к постмодернистскому постулату, что культура определяет наше видение мира);

- *I am a mortal verb* – негиппликациональное высказывание, метафора, область предиката логически противопоставляется экспликандуму, возникает олицетворение («я – смертный глагол» – отсылка к постмодернистскому тезису о доминировании слов над смыслами и над самим человеком);

- *...that mutes the speechless* – тавтологическое сочетание, удвоение имени и экспликация посредством семантически тождественных имен (усиливает признаки безмолвия и внимания слушателей к рассуждениям лирического героя);

- *There's no way to recall a clarity* – высказывание области слабого импликационала (невозможно вспомнить ясность,

понятность; отсылка к буддистской философии, к культуре созерцательности);

- *Leached passions only overmake the heart* – негиппликациональное предикативное высказывание, метафорический эпитет и олицетворение придают строке ярко выраженную эмоциональную окраску (выщелоченные, т. е. чистые, без чувства и разума, страсти перенапрягают сердце);

- *This sex could be our quiet lullaby* – негиппликациональное предикативное высказывание, метафора (чувственная любовь может стать спокойной колыбельной, не нарушающей душевного мира, местом уединения и спокойствия, где можно укрыться от действительности; искать истину);

- *All we ever do is fulfill our fantasies* – предикативное высказывание области слабого импликационала (все, что мы делаем, – это майя, бесплодные устремления и действия).

Переводчик стремится передать рассуждения оригинала практически дословно, использует авторские образы, находит ближайшие эквиваленты для фразеологизмов. Смыслы в переводе не эксплицируются, остаются в имплицитном и свернутом виде. Поэтому стихотворение может показаться сложным, малопонятным для читателя. Кроме того, автор, избирая стратегию остранения (форенизации), использует необычные форенизированные формы для привлечения внимания читателя, что делает стихотворение ещё более непредсказуемым.

Исходя из анализа двух стихотворений, можно прийти к выводу, что, действительно, комбинаторный потенциал произведения раскрывается при взаимодействии лексических значений сочетающихся слов, при этом в широком контексте происходит реализация комплексного образа. Используемые авторами языковые единицы с актуализируемыми семами можно трактовать как некие упорядоченные множества и подмножества. Представленные стихотворения в своей структуре содержат разные по значению языковые единицы с комбинаторным эффектом, а сложные формы предполагают сложное содержание: ассоциативное, многоплановое, полифоническое, часто необычное и трудное для восприятия, однако потенциально насыщенное, богатое. Происходит синтез комбинаторных и традиционных форм поэзии, а также

появление новых форм комбинаторной поэзии, обусловленных расширением принципов ограничения [5. С. 6].

Таким образом, методология комбинаторной семантики применительно к анализу англоязычных произведений раскрывает всё своеобразие структуры, семантических связей и компонентов.

Библиографический список

1. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.
2. Американская поэзия в русских переводах. XX–XXI вв. / Сост. С.Б. Джимбинов; на англ. яз. с параллельным русск. текстом. М.: Радуга, 1983. 672 с.
3. Британишский В. Не сострадай больному бизнесмонстру // Электронный ресурс Интернет: <http://www.uspoetry.ru/poem/22>.
4. Карцевский С.О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // Электронный ресурс Интернет: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html>.
5. Чудасов И.В. Эволюция форм русской комбинаторной поэзии XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 199 с.

Сведения об авторе

Щетинкина Екатерина Алексеевна
аспирант кафедры теоретического
и прикладного языкознания ЧелГУ
E-mail: ekaterina8422@yandex.ru

УДК 811.161.1'366.593:811.161.1'25

«ДРАМАТИЧЕСКИЙ» ИМПЕРАТИВ

Юй Минсю

Московский педагогический государственный университет, Москва

Статья посвящена исследованию форм императива, употребляющихся для выражения значения неожиданности, внезапности, т. е. «драматического» императива. В статье рассматриваются причины появления такого употребления форм императива, характеризуются особенности «драматического» императива на основе анализа отобранных из Корпуса русского языка примеров, выделяется круг глаголов, чаще употребляющихся в этой форме, разбираются приемы перевода. Путем сопоставления выявляются основные различия между императивом в прямом значении и «драматическим» в русском языке.

Ключевые слова: императив, «драматический» императив, конструкции «драматического» императива, группы глаголов, перевод.

The “Dramatic” Imperative

Yu Mingxiu

The article examines forms of the imperative used to express the meaning of suddenness – that is, the “dramatic” imperative. The author discusses reasons for the emergence of such use of imperative forms, describes in detail the features of the “dramatic” imperative based on the analysis of a large number of examples, summarizes the range of verbs more frequently used in this form, and specifies methods of their translation. By way of comparison, the article also points out the main differences between the imperative in its direct meaning and the “dramatic” imperative in the Russian language.

Key words: imperative, the “dramatic” imperative, constructions of the “dramatic” imperative, groups of verbs, translation, differences.

Императив (повелительное наклонение) является одной из наиболее часто употребляемых форм глагола в русском языке. С помощью императива говорящий выражает свое волеизъявление, в результате этого то или иное действие может выполнить или не выполнить какое-либо лицо. Поэтому самым прототипическим, самым употребительным значением императива является побуждение кого-либо к действию. Например: *Не сердись на меня, прости меня, мой милый, – и знай, что я сделаю все, что ты прикажешь, пойду всюду, куда ты меня поведешь!* (И. Тургенев. «Дым»).

Однако в современном русском языке нередко встречаются такие случаи, когда «императив употребляется для выражения значения неожиданности проявления действия в прошлом. Во многих

таких предложениях императив обозначает действие, осуществляющееся без всякого видимого повода, внезапно» [1. С. 11]. Необходимо отметить, что в этом значении употребляются только формы императива второго лица, когда адресат является субъектом императивного действия. Такой императив в терминологии А.В. Исаченко называется «драматическим» [2. С. 12]. Например: *Чужой король / С черными кораблями / Взял царицу в жены, / А она возьми да утопись* (М. Гаспаров. «Записи и выписки»).

Так, существуют разные точки зрения на эту форму. В.В. Виноградов по-другому трактовал «драматический» императив: «в форме прошедшего времени совершенного вида, омонимической с формой повелительного наклонения, намечается новый тип глагольного наклонения, которое можно назвать наклонением волюнтаривным (или волевым)» [3. С. 487].

Т.Н. Молошная считает такое употребление императива транспозицией императива в индикатив. С ее точки зрения, «императивная глагольная форма 2-го л. ед. ч. может выражать прошедшее время мгновенного действия. Это еще одна разновидность транспозиции императива в индикатив, отличительными характеристиками которой служат совершенный вид глагола и интонация неожиданности» [4. С. 83]. Именно поэтому некоторые ученые называют такой императив повествовательным (Э. Фортейн, Н.Р. Добрушина). В отличие от соответствующего индикатива «драматический» императив всегда имеет сильную экспрессивную окраску.

Относительно происхождения «драматического» императива в русистике также до сих пор нет единого мнения. Некоторые ученые отрицают связи между «драматическим» императивом и другими императивными значениями. С этим мнением мы не можем согласиться. Если между этими значениями нет связей, то почему именно формы императива употребляются для выражения неожиданного действия, а не другие формы глагола. В.В. Виноградов видел в «драматическом» императиве «пережиток» старого аориста [3. С. 436]. Э. Фортейн считает, что связи между прямым и непрямым значениями императивных форм существуют, они состоят из тех или иных общих семантических признаков [1. С. 3]. Как отмечалось выше, императив выражает волеизъявление говорящего, с помощью императива говорящий хочет, чтобы то или иное действие

было немедленно выполнено, а «драматический» императив и выражает стремительное, внезапное действие. А.А. Потебня также поддерживал эту точку зрения, он писал, что эффект этой формы вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение [5. С. 194]. Кроме этого, в императиве в прямом значении содержится семантический компонент призыва адресата к выполнению названного действия, а в «драматическом» императиве – компонент призыва человека к вниманию и реакции на внезапное действие. Поэтому употребление императива для выражения неожиданного действия является абсолютно обоснованным.

Употребление «драматического» императива относительно не ограничено, он может использоваться и в простых предложениях, и в сложных, и даже в безличных, но преимущественно оно характерно для разговорной речи и просторечия. Иногда в одном предложении может сразу употребляться несколько форм «драматического» императива. Ср.:

*Ну, и **приди** же ей в голову мысль: зарезать сестру* (Ф. Решетников. «Очерки обозной жизни») – простое предложение;

*И не успел он оглянуться, как этот прохвост Катькин возьми и **плюнь** ему прямо в рыло!..* (М. Булгаков. «Театральный роман») – сложноподчиненное предложение;

*А тут и **случись** дьякону куда-то на покос уехать, сено ставили* (Д. Мамин-Сибиряк. «Золотуха») – безличное предложение;

*Вот сидят они да густорят, а Ефрем возьми да рукава рубахи соломой **набей**, концы **завяжи**, да на голову себе рубаху и **надень*** (И. Тургенев. «Поездка в полесье») – сложносочиненное предложение.

«Драматический» императив нередко используется со словами *вдруг, тут, неожиданно*, которые служат для усиления оттенка неожиданности, внезапности. Обычно он употребляется в следующих конструкциях, включающих частицы:

и + императив:

*И **случись** такой грех: попало едкое мыло Коту в глаз* (А. Ремизов. «Зайка»);

да и + императив:

*Стоял, стоял, **да и пойди** за водой к колодцу: слышь, пить захотелось* (И. Тургенев. «Смерть»);

возьми да + императив:

И надо ж было случиться такому обстоятельству: как и в тот день, так и теперь – русак возьми да вскочи перед собаками из-под межи на косогоре! (И. Тургенев. «Конец Чертопханова»);

возьми и + императив

*Вот тогда я и стала желать ему смерти. А он **возьми и заболей**. И я даже виноватиться стала, что болезнь у него по моему вызову* (Г. Щербакова. «Митина любовь»);

возьми да и + императив:

*А Светка, чтобы не рыскать по всей Сети, **возьми да и открой мой личный сайт*** (Ю. Андреева. «Многоточие сборки»).

Необходимо обратить внимание на слово *возьми* (*взять*). В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово *взять* толкуется следующим образом: «употр. в сочетании с союзом *да*, *и* или *да и* и другим глаголом при обозначении неожиданного, внезапного действия (разг.)» [6. С. 81]. В подобном значении, кроме формы императива, слово *взять* еще может употребляться в форме прошедшего или будущего времени, другой глагол в этом случае также используется в соответствующей форме. Ср.:

*А она **возьми и приди** – пожалуйста, не в самый подходящий момент* (К. Сурикова. «Ира – дура»);

*Так-таки **взяла да и убежала** и письмо мне оставила: любезный, дескать, Петр Петрович, извини: увлеченная страстью, удаляюсь с другом моего сердца...* (И. Тургенев. «Гамлет Щигровского уезда»);

*А я сейчас **возьму да и посажу** тебя к петухам, а они до свежатинки больно охочи* (Е. Сухов. «Делу конец – сроку начало»).

Бывают случаи, когда императив используется отдельно для выражения неожиданного действия. Например:

***Случись** беда – перво-наперво Лиза звала Анатолия, вынимая его из любых снов, работ, халтур или объятий* (Д. Симонова. «Шанкр»).

Следует отличать «драматический» императив от похожего на него императива со значением побуждения. Ср.:

*Я вытащила зеленые купюры. – **Возьми и отдай** кому надо. – Хорошо, – деловито кивнула Клава, – ты телефончик-то свой не выключай* (Д. Донцова. «Уха из золотой рыбки»);

Горбачев спросил о тебе, а наш министр возьми и ляпни: а что, я Тарасова вызывал, общался... (А. Тарасов. «Миллионер»).

В приведенных выше предложениях две императивные конструкции внешне очень похожи друг на друга, но на самом деле они выражают разные значения. В первом предложении императив имеет значение побуждения, а во втором используется так называемый «драматический» императив. Заметной отличительной чертой в этом случае является дополнение. Если после слова *возьми* следует дополнение, то это императив побудительный, иногда это дополнение опускается, но по контексту мы можем его восстановить. Так, в первом предложении из контекста мы узнаем, что опущенное дополнение – это *зеленые купюры*. В большинстве же случаев при слове *возьми* есть дополнение. Например:

– *Да, – кивнула мама, – так его называла бабушка. Возьми платок и положи на место. А уроки ты сделал?* (В. Губарев. «Трое на острове»).

Как уже отмечалось выше, признаком «драматического» императива является совершенный вид глагола. Это легко понять, глагол совершенного вида обычно употребляется в русском языке для обозначения неожиданного, внезапного действия. При таком употреблении глагол не изменяется по числам, всегда используется в форме императива 2-го л. ед. ч. вне зависимости от форм подлежащего, при подлежащем мн. ч. аффикс *-те* не используется. К «драматическому» императиву также не добавляется частица *-ка*, часто встречающаяся при прямом употреблении императива.

*Проблема заключалась в государственных аудиторах, которые возьми да и **проверь** бухгалтерскую отчетность нефтяного гиганта* (А. Кузьмин. «Пополам с ослиной мочой»).

Чтобы глубже проанализировать глаголы, употребляемые в форме «драматического» императива, мы выписали из Национального корпуса русского языка большое количество примеров с этой формой, классифицировали их на основе «Толкового словаря русских глаголов: Идеографическое описание» под редакцией Л.Г. Бабенко [7]. Анализ показал, что в форме «драматического» императива наиболее часто употребляются следующие группы глаголов:

1) глаголы речевой деятельности (*сказать, спросить, ляпнуть, брякнуть, рассказать, объявить, предложить, отказаться* и др.):

А глупая баба возьми да скажи про то столяру, а столяр ничего на это не ответил: себе в ус усмехнулся (А. Белый. «Серебряный голубь»);

Спросил он меня про материальные дела, а я сдуру возьми и ляпни: я, мол, не за деньги, а бескорыстно (В. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»);

2) глаголы движения (*прийти, уйти, выйти, убежать, побежать, прыгнуть* и др.):

Да нажились-то они вместе, как вороны на заборе: месяца два все у их было ничего, а тут она возьми да не приди домой ночевать, загуляла где-то, видать, крепко (А. Вайнер, Г. Вайнер. «Лекарство против страха»);

Молочная сестра Мити Зоя, которая была в роду как бы существом несколько бракованным, возьми и уйди в баптисты (Г. Щербакова. «Митина любовь»);

3) глаголы бытия (*умереть, помереть, родить, явиться, проявиться, начать, случиться, кончиться* и др.):

Большие неприятности у него начались, а он возьми и умри (Г. Щербакова. «Реалисты и жлобы»);

Он перепугался, стукнул ее чем-то. А она возьми и помри! Его почти сразу повязали, клеймо на лоб – и в рудник, до окончания жизни (Е. Хаецкая. «Синие стрекозы Вавилона / Обретение Энкиду»);

4) глаголы звучания (*крикнуть, закричать, зарычать, зареветь, взвизгнуть, бухнуть* и др.):

Лежит Микола и слышит, что в соседней комнате что-то происходит. Он возьми и закричи: – Дядько, варэников хочу! (Коллекция анекдотов: хохлы / украинцы);

У матери все внутри оборвалось. Возьми да крикни: – Всю душу ты мне вымотал (Виноградная лоза // «Жизнь национальностей»).

При «драматическом» императиве преимущественно допускается подлежащее, относящееся к 1-му, 3-му л. (ед. и мн. ч.). Подлежащее при этом может быть как одушевленным, так и неодушевленным.

Кому-то надо было идти на химию, мною заткнули дыру в школьной команде, а я возьми да выиграй (Е. Завершнева. «Высотка»);

Мы возьми и напиши на сайт президенту (О. Копытов. «По дороге в монастырь»);

Мы будем теми, кто от лени, бездарности, подлости ждет конца как спасения от решений и поступков, а он возьми и не приди (Г. Щербакова. «Моление о Еве»);

Аркадий (а было ему в ту пору одиннадцать лет) в очередной раз нарисовал девочек-близняшек, а они возьми да и утони в Волге (В. Роньшин. «Аркадий Петрович Чесноков-Богданов»);

А она, эта неуловимая, невозможная идея, возьми и проявись! (А. Костюков. «Президенту предъявили консенсус»).

«Драматический» императив с подлежащим 2-го л. встречается очень редко. На это указывал также В.В. Виноградов, он считал, что резкая грань между обычным императивом и «драматическим» состоит в том, что при «драматическом» форма 2-го л. не употребляется. 2-е л. возможно только в вопросительном предложении типа *А ты пойд и скажи?* [3. С. 487].

По мнению Н.Р. Добрушиной, причина редкого использования формы 2-го л. является прагматической. Она считает, что, когда говорящий рассказывает адресату, что с ним случилось что-то неожиданное, эта ситуация прагматически не мотивирована [8. С. 135]. Однако можно встретить предложения, в которых употребляется «драматический» императив с подлежащим в форме 2-го л., хотя их и очень мало.

А ты возьми и напиши! удиви нас. мы знаем, что ты не хочешь писать пост, а ты вдруг возьми и напиши... (Переписка в *icq* между *agd-ardin* и *Колючий друг*).

По отношению к императиву подлежащее может занимать как препозицию, так и постпозицию. Но первая позиция более типична для «драматического» императива, в большинстве приведенных выше примеров обнаруживается препозиция. Приведем еще пример с постпозицией.

И проявись тут между теми жителями святая девственница; взяла она меч великий, латы на себя возложила двухпудовые, пошла на агарян и всех их прогнала за море (И. Тургенев. «Живые мощи»).

Как уже отмечалось выше, «драматический» императив отличается высокой экспрессивностью, он преимущественно употребляется в разговорной речи и в просторечии, его употребительность в современном русском языке весьма низка. Это в какой-то степени затрудняет работу переводчика. Общеизвестно, что китайский язык сильно отличается от русского отсутствием флексий, поэтому в китайском языке невозможно путем изменения формы самого слова придать предложению дополнительное значение. При переводе предложений с «драматическим» императивом необходимо учитывать это различие.

Один из главных принципов перевода заключается в том, чтобы текст был максимально верным оригиналу. Чтобы передать значения неожиданности, внезапности, выраженные императивной формой, необходимо добавить перед глаголом или наречие со значением «вдруг», «неожиданно», «внезапно», или другие слова, имеющие такое же значение. Но в некоторых вариантах перевода такие единицы не используются. Для примера возьмем сборник рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника», в котором часто употребляется «драматический» императив. В одном варианте перевода вообще почти не использовали никаких слов для выражения значения неожиданности, внезапности. Прямым следствием такого перевода является то, что предложения потеряли свою экспрессивность. Например, Тянь Гобинь в своем переводе почти не использовал никаких слов для выражения значения неожиданности, внезапности [9]. Ср.:

Стали мы ясень рубить, а он стоит да смотрит... Стоял, стоял, да и пойдя за водой к колодезю: слышь, пить захотелось (И. Тургенев. «Смерть»). – 我们砍一棵柈树，她站在那看。……然后，他走到井边去取水了，可能是想喝水了。(田国斌 Тянь Гобинь).

Если сделать обратный перевод, то получится такое предложение: *Мы рубили ясень, он стоял и смотрел... Потом он пошел к колодезю за водой, слышь, пить захотелось*. Эта операция показывает разницу между оригиналом и переводом. В другом варианте переводчик сознательно избежал этой неточности перевода и перевел это предложение с добавлением наречия 忽然 (вдруг, внезапно), стремясь быть верным оригиналу [10]:

我们砍一棵白蜡树，他站在旁边看……他站着，站着，忽然朝井边走去，大概是想喝水了。(力冈 Ли Ган).

Рассмотрим еще пример с разными вариантами перевода:

... а именно вот как: я пришел к нему записаться на курс, а он вдруг возьми да и пригласи меня к себе на вечер (И. Тургенев. «Гамлет Щигровского уезда»).

事情是这样的：我到他那里去听讲报告，但是他留我参加他家的晚会。(田国斌 Тянь Гобинь);

事情是这样的：我到他那儿去报名听课，他突然邀请我到他家里去参加晚会。(冯春 Фэн Чунь).

Сравнивая эти два перевода, можно заметить, что во втором имеется слово **突然**, выражающее значение внезапности [11], в первом же это слово отсутствует. В результате, конечно, второй вариант более соответствует оригиналу.

Итак, «драматический» императив отличается от побудительного императива следующими характеристиками:

- выражение значения неожиданности, внезапности действия;
- использование только совершенного вида глагола;
- отсутствие показателя множественного числа *-те*;
- невозможность частицы *-ка*;
- использование преимущественно подлежащего, относящегося к 1-му, 3-му лицу;
- в ряде случаев употребление неодушевленного подлежащего.

Хотя «драматический» императив в настоящее время употребляется редко, знать его необходимо. Это важно и для чтения и для перевода русских текстов.

Библиографический список

1. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 3–24.
2. Исаченко А.В. К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе. 1957. № 6. С. 7–14.

3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
4. Молошная Т.Н. Транспозиция грамматических форм императива в современном русском и других славянских языках // Славяноведение. 2009. № 4. С. 81–90.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: АН СССР, 1941. Т. 4. 318 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
7. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
8. Добрушина Н.Р. Повелительное наклонение // Электронный ресурс Интернет:
http://rusgram.ru/pdf/4_imperative_dobrushina_20141102_finalfinal.pdf.
9. 田国斌 译. 猎人笔记. 武汉: 长江文艺出版社, 2004.
10. 力冈 译. 猎人笔记. 浙江: 浙江文艺出版社, 2018.
11. 冯春 译. 猎人笔记. 上海: 上海译文出版社, 2011.

Сведения об авторе

Юй Минсю
аспирант кафедры русского языка
Московского педагогического
государственного университета
E-mail: yumingxiu83@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.133.1“16”

МОЗАИКА «ПИСЕМ» СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАКА

К.Ю. Кашлявик

*Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород*

Статья представляет экскурс в эпистолярное наследие Сирано де Бержерака (1619–1655), содержит наблюдения над особенностями стиля его писем.

Ключевые слова: Сирано де Бержерак, жанр, трагедия, комедия, письма, галантность, риторика, эпистолярный сюжет, индивидуальный стиль.

Cyrano de Bergerac's "Letters" Puzzle

Kira Kashlyavik

The article deals with history of Cyrano de Bergerac's (1619–1655) letters and their main characteristics.

Key words: Syrano de Bergerac, genre, tragedy, comedy, letter, galantrie, rhetoriques, individual style.

*Человек он был необычайный, похожий на свои книги:
смесь бахвала с педантом.
Шарль Нодье. «Сирано де Бержерак» [1. С. 164].*

Образ Сирано де Бержерака благодаря трагикомедии Эдмона Ростана олицетворял и олицетворяет для многих мужественность, храбрость, утонченность чувств и их выражения.

Исторический Савиньен де Сирано (1619–1655) любил варьировать собственные имена, добавляя к родовому имени (де Сирано) то Эркюль, то Александр, то де Бержерак (Александр де Сирано Бержерак, Эркюль (Геркулес) де Бержерак, просто де Бержерак, де Бержерак Сирано, де Сирано де Бержерак, Савиньен де Сирано) [2. Р. 8]. Однако в истории французской литературы он остался как Сирано де Бержерак (*Cyrano de Bergerac*).

Биографические сведения о нем не столь малочисленны, но и не столь достоверны. Это характерно для XVII века. Ближнего круга,

свято хранившего его литературное наследие, как у Шекспира или Паскаля, не случилось. Известен только один его верный друг, Анри Лебре, издавший «Государства Луны» с различными биографическими указаниями в 1657 году. Многие из биографии и наследия писателя собирались на протяжении трех последующих столетий [3].

Жанры, к которым обращался Сирано де Бержерак, по-вольтеровски разнообразны и нескучны: романы *Les Etats et Empires de la Lune* («Государства и империи Луны», издан в 165(6)7?), *Les Etats et Empires du Soleil* («Государства и империи Солнца», издан в 1663 г.), мазаринады, письма (изданы в 1654 г.), комедия *Le Pédant joué* («Одураченный педант», 1654) и трагедия *La mort d'Agrippine* («Смерть Агриппины», 1654).

«Совершенно лишенный собственных идей», как полемично замечает Фредерик Лашевр, составитель и комментатор собрания сочинений, Сирано де Бержерак «был удивительным распространителем» научных и философских новин. Он «в какой-то мере передал наследие свободомыслия XVI века Энциклопедистам. С Сирано начинается философия XVIII века, [...] он один из вдохновителей философского духа (просветителей – прим. автора статьи – К. К.), и, с этой точки зрения, утопия “Другой свет” – первая написанная на французском языке», оригинальный памятник XVII века [2. Р. 1].

Драматургические произведения имели отклик уже у современников. «Одураченный педант», как указывает Шарль Нодье, создан «талантом необузданным и почти лишенным вкуса». Однако «Мольер с отвагой заправского плагиатора перенес» две сцены «в “Плутни Скапена”, [...] нелишне будет заметить, что лучших сцен нет, быть может, и у самого Мольера». И, продолжает Ш. Нодье, пока «существует французский язык, будет в ходу и меткое присловье, которое так удачно придумано и так тонко и остроумно повторяется в комедии: “Какая холера понесла его на эту галеру?” (*Qu'allait-il faire dans cette galère?*) Согласитесь, если человек одаривает соотечественников поговоркой, он тем самым доказывает свою гениальность. Это писатель, по духу близкий целому народу, – такой писатель никак не может оказаться посредственностью» [1. С. 174–175].

Трагедия «Смерть Агриппины» заслуживает внимания к Сирано де Бержераку как современнику Корнеля и предшественнику Расина, ибо, по мнению Теофиля Готье, «трагедия, написанная во вкусе куда более строгом, нежели прочие его творения, стихами, достигающими иной раз поистине корнелевской силы, а местами – исполненная высокой иронии “Никомеда”» [4. С. 209].

«Письма» Сирано де Бержерака с точки зрения литературной ценности – самая обсуждаемая часть его небольшого наследия. Уже упомянутый Ш. Нодье с романтической предельностью и даже поспешностью высказывается о его эпистолярных: «Не буду останавливаться на письмах Сирано прежде всего потому, что вряд ли он придавал им большое значение, да они того и не стоят. Это собрание нелепиц, щедро принесенное плодовитым сочинителем в дань эпохе, тяготевшей к нелепицам; это ворох гипербол, пустозвонство, ослепительные остроты, способные привести в отчаяние того, кто гордится умением писать ни о чем, – но в общем едва ли стоило труда все это сочинять» [1. С. 182].

Не дожидаясь суждений потомков, Сирано усомнился в ценности собственного драматургического и эпистолярного творчества в послании-посвящении герцогу д'Арпажону, открывающему прижизненное издание «Различных сочинений» (*Oeuvres diverses*) (1654), в которое вошли «Письма», «Одураченный педант» и «Смерть Агриппины»: *Monseigneur, ce livre ne contient presque qu'un ramas confus des premiers caprices, ou, pour mieux dire, des premières folies de ma jeunesse; j'avoue même que j'ai quelque honte de l'avouer dans un âge plus avancé...* («Монсеньор, сия книга содержит лишь ворох первых капризов или, лучше сказать, первые глупости моей молодости; признаюсь все же, что мне немного стыдно признаваться в этом в более зрелом возрасте...») [5. Р. 1].

В строках не только галантная игра и серия риторических приемов в духе времени. В них звучит естественный голос автора (*folies de ma jeunesse* / «глупости молодости») с высоты пережитого и написанного (*l'avouer dans un âge plus avancé*), говорящий об обещании будущего. Ведь с 1650 года Сирано де Бержерак был уже известен в литературных кругах как автор романа «Иной Свет, или Государства и Империи Луны». Возможно текст романа был известен в рукописном варианте в салонах Парижа.

Сирано де Бержерак оставил потомкам эпистолярную мозаику из 54 писем. Для издания в 1654 году он разделил их на три части: *Lettres diverses* – 21 письмо; *Lettres satiriques* – 18 писем; *Lettres amoureuses* – 15 писем [5]. Распределение заставляет задуматься об авторском замысле, соединившем письма, разные по объему, кованности формы и отточенности содержания. Внутренние тематические и стилистические связи между частями эпистолярного триптиха разнятся в своей интенсивности. Первая и вторая более связаны между собой, чем с третьей частью: связаны тональностью, типичными для риторической традиции выражениями мысли и мнения при помощи антиномий «за» и «против» / *pour et contre*: Например, *Contre l'Hiver* («Против Зимы»); *Pour le Printemps* («За Весну»); *Pour l'Eté* («За Лето»); *Pour une Dame rousse* («За рыжую Даму»); *Pour les Sorciers* («За Колдунов»); *Contre les Sorciers* («Против Колдунов»); *Pour Soucidas (Dassoucy) contre un partisan qui avait refusé de lui prêter de l'argent* («За Сусида (Дассуси) против сторонника, отказавшегося одолжить деньги»; Дассусси – друг Сирано де Бержерака, Сусида – анаграмма имени – прим. автора статьи – К. К.).

Во второй части, сатирической, доминирует *Contre*: *Contre un Médisant* («Против Сплетника»); *Contre Soucidas (Dassoucy)* («Против Сусида»); *Contre un Pilleur de pensées* («Против Похитителя мыслей»); *Contre un gros homme* («Против толстого человека»); *Contre Scarron* («Против Скаррона»); *Contre un Jésuite assassin et médisant* («Против одного иезуита убийцы и сплетника»); наконец, *Contre les Médecins* («Против Врачей»).

Первая часть, *Lettres diverses*, открывается серией четырех писем-зарисовок в духе салонных опытов прециозниц – *Contre l'Hiver* («Против Зимы»); *Pour le Printemps* («За Весну»); *Pour l'Eté* («За Лето»); *Contre l'Automne* («Против Осени»). По тонкому замечанию Л.А. Фурсенко, они напоминают о «цикле картин “Месяцы” Питера Брейгеля Старшего» [6. С. 107] и о музыкальных сочинениях композиторов Возрождения и барокко.

В восприятии природы Сирано близок к поэтам-либертинам Теофилю де Вио и Сент-Аману. При этом для него важен процесс жизни, где порядок установлен Солнцем, коперниковским Солнцем. Образ Солнца в письмах персонифицируется через написание слова *le Soleil* с большой буквы. В художественном мире Сирано де Бержерака

тема природы неразрывна с темой Человека. От рассуждений о временах года, о явлениях природы – *Sur l'ombre des arbres dans l'eau* («О [отражении] тени деревьев в воде»); *Description d'un Cyprès* («Описание Кипариса»); *Description d'une Tempête* («Описание бури»), начиная с письма-идиллии *D'une maison de compagne* («Об одном деревенском доме») (пассажи из этого письма повторяются в романе «Государства Луны»), автор переходит к описанию человека в этом мире. Идиллия сменяется совершенными по форме и содержанию двумя письмами *Pour les Sorciers* («За Колдунов»); *Contre les Sorciers* («Против Колдунов»); затем рассуждением о круге чтения и о литературе *D'un Songe* («Об одном сноведении»); неожиданной аллегорией в письме *Thésée à Hercule* («Тезея к Геркулесу»). Краткие послания-ответы на военно-политические события Фронды завершают первую часть.

Характерно, что у этих писем, кроме одного (*Pour Soucidas*), нет единого или конкретного адресата / получателя. Их сокрыло время, поскольку контекст написания мало известен, они отправлены сразу всем, то есть собирательному читателю. Обращения *Monsieur*, *Madame* маркируют форму письма, которая наполняется описаниями и философическими рассуждениями на случай по воле слова автора. В этом отличие эпистолярия Сирано де Бержерака от писем его современников, ориентированных на античную традицию и риторические привычки.

Его стиль развернут в полной мере во второй части. Сатира и пародия подстать его необычайному характеру. Сатирические письма неслучайно находятся в центре триптиха, поскольку в них пульсирует сама жизнь и реакции на нее автора.

В этой части уже угадываются адресаты писем, типажи XVII в.: Трус (*Contre un Poltron*), Сплетник (*Contre un Médisant*), Неблагодарный (*Contre un Ingrat*), Похититель мыслей (*Contre un Pilleur de pensées*), Иезуит (*Contre un Jésuite, assassin et médisant*), Педант (*Contre un Pédant*), Читатель романов (*Contre un liseur de romans*) и блистательные Врачи (*Contre les Médecins*).

Адресаты некоторых посланий названы: это известные современники, например, актер Монфлери (*Contre un Gros Homme*) и писатель Скаррон (*Contre Scarron*).

В цепи *contre*-посланий обращает на себя внимание письмо *Consolation à un ami sur l'éternité de son beau-père* («Утешение друга

по поводу ухода в вечность его дедушки»). Вместо высоких слов сочувствия и скорби автор убеждает друга радоваться, что Бог прибрал непомнящего жизнь. Автор выворачивает наизнанку жанровую форму утешения.

Письма построены по определенной модели, которая оттачивается от нелепиц словесных нагромождений первых сатир (*Contre un Poltron*) к стройным пассажам бурлескных портретов знаменитых современников. Интересны своей завершенностью тексты *Contre un Gros Homme*, *Contre Scarron* и особенно *Contre les Médecins*.

Письмо, как и положено, начинается с обращения, однако часто заканчивается пародией на риторическую формулу любезного прощания или пуантом, подводя итог колким выпадам автора. Особенно он беспощаден к тем, кого считает своими врагами. И вот вместо *moi, qui suis, Monsieur, Madame, votre Serviteur* звучит: *Adieu donc, mon camarade sans compliment; aussi bien, seriez-vous trop mal obéi, si j'étais votre Serviteur (Contre Soucidas)*.

Или: *Adieu, c'est fait! J'eusse bien fini ma lettre à l'ordinaire, mais vous n'eussiez pas cru pour cela que je fusse votre très humble très obéissant et très affectionné : c'est pourquoi, Monfleury, Serviteur à la pailleasse (Contre un Gros Homme)*.

Или просто: *Je ne suis pas votre Serviteur (Contre un Jésuite)*.

Или: *Venez donc vite à mon secours, ou vous allez perdre, Monsieur, votre plus fidèle Serviteur, D.C.D.B. (Contre les Médecins)*.

Письма насыщены сократовской иронией, выраженной в вопросно-ответном методе автора. Он задает вопросы, которые ставят читателя / адресата в тупик, а текст разворачивает в повествование. Например, в *Contre un Gros Homme* мы находим: *Par la description de votre sphère de chair, dont tous les membres sont si ronds, que chacun fait un cercle, et par l'arrondissement universel de votre épaisse masse, n'ai-je pas appris à nos Neveux que vous n'étiez point foubre, puisque vous marchez rondement ?* («Через описание сферы Вашей плоти, чьи органы все так круглы, что каждый составляет круг, и через общую округлость Вашей тучной массы, не сообщил ли я потомкам, что Вы вовсе не лживы, поскольку Вы ходите круглообразно?»).

Однако это не диалог, тем более, не эпистолярный диалог, поскольку ответа от адресата не получено, поскольку он и не нужен

автору, а страстный монолог, который обрушивается на жертву остроумия Сирано де Бержерака.

Для создания эмоционального накала автор прибегает к избыточной эмфазе настолько, что письмо становится слышимым: *O ! Hé ! Hélas ! Mais hélas ! Comment ! Ma foi ! Dieu ! Les bon Dieux ! Moi quoi !*, что подчеркивает тяготение стиля писем Сирано де Бержерака к драматизации и режиссированию. Это поэтологическое свойство прекрасно использовал Эдмон Ростан, например, превратив письмо против Монфлери (*Contre un Gros Homme*) в одну из ключевых сцен в первом действии трагикомедии «Сирано де Бержерак».

Приемы создания сатиры, которые использует автор, разнообразны: игра слов, гротеск, гипербола, риторическая ирония. Например, в *Contre les Médecins: J'ai remarqué que tout ce qu'il y a de funeste aux Enfers est compris au nombre de trois : on y voit trois fleuves, trois chiens, trois juges, trois Parques, trois Gérions, trois Hécatés, trois Gorgones, trois Furies. Les fléaux dont Dieu se sert à punir les hommes sont divisé aussi par trois : la peste, la guerre et la faim ; le monde, la chair et le diable... [...] la saignée, la médecine et le lavement. Enfin trois sortes de gens sont envoyés au monde tout exprès pour martyriser l'homme pendant la vie : l'Avocat tourmente la bourse, le Médecin le corps, le Théologien l'âme* («Я заметил, что все самое темное в Аиде состоит из числа три: там есть три реки, три собаки, трое судей, три Парки, три Гериона, три Гекаты, три Горгоны, три Фурии. Бичей, которые Бог использует для наказания людей, тоже три: чума, война и голод; свет, плоть и дьявол... [...] кровопускание, медицина и клизма. Наконец, три вида людей намеренно сосланы в мир для мучения человека в течение жизни: Адвокат мучает кошелек, Врач – тело, Теолог – душу»).

Язык сатир Сирано де Бержерака выражает естественность чувств, переживания оскорбленного самолюбия в сочетании с фантазией остроумия, что выдвигает на первый план содержательность формы, создавая стиль писателя.

Живописные зарисовки первой части и пародийный напор второй композиционно уравниваются игровым лиризмом риторических упражнений любовных посланий в третьей части, например: *A Madame* («К Мадам»); *Effets amoureux d'une absence* («Любовные эффекты отсутствия»); *Regrets d'un éloignement*

(«Сожаления об отдалении»); *Reproche à une cruelle* («Упрек жестокой»).

Триптих укладывается во внутренний эпистолярный сюжет художественного мира Сирано де Бержерака. Он скреплен сквозными темами:

1. *La Nature* («Природа») – (в письмах дано с большой буквы) как мироздание и как окружающий мир;

2. *l'Homme* («Человек»), его тело, душа, разум, сердце, совесть, порок; оппозиция жизнь / смерть, где особое место занимает дуэль, трусость и честь);

3. Бог: фарисейство, вера. При всей приверженности Сирано де Бержерака к свободомыслию его трудно назвать атеистом. ореол смыслов внутренней полемики в «Письмах» складывается на библейском фоне XVII века.

Заключая, важно подчеркнуть, что эпистолярный Сирано де Бержерака включает разножанровые векторы: живописные зарисовки, философские рассуждения, пародии, сатирические портреты современников и типажей века. Единство «Писем» скреплено голосом автора. Их эпистолярный сюжет не включен в диалог общих идей века, как, к примеру, это происходит в случае с «Письмами к Провинциалу» Блеза Паскаля. Скорее их тематика и содержание важны как источник сведений о литературном быте и дворянской повседневности XVII века. Индивидуальный стиль «Писем» Сирано де Бержерака может рассматриваться как его поведение. Для понимания поэтики «Писем» вполне применима характеристика, данная академиком Д.С. Лихачевым смеховому стилю Ивана Грозного. При всей разности масштабов личностей французского либертина и русского царя, эпох и культур, Сирано де Бержерак «вел себя» так же, как в жизни, писал так, как говорил, обращался в посланиях к своим противникам так, будто бы они были непосредственно перед ним; «... с удивительной непосредственностью высказывал ... свою склонность дразнить, ... издеваться и насмехаться» [7. С. 369].

Это исходит не столько от литературной школы, усвоенной Сирано де Бержераком, сколько от его характера и традиции «галльского смеха». Поэтому «Письма» – частный случай в большом стиле Великого века.

Библиографический список

1. Нодье Ш. Сирано де Бержерак // Сирано де Бержерак. Иной свет, или Государства и Империи Луны / Пер. с фр. М.Д. Яснова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002. С. 161–183.
2. Laugaa M. Chronologie et introduction. // *Cyrano de Bergerac. Voyage dans la Lune (L'Autre Monde ou Les Etats et Empires de la Lune)*. Paris: Garnier – Flammarion, 1970. P. 1–17.
3. Lachèvre F. *Cyrano de Bergerac // Cyrano de Bergerac. L'Autre monde ou L'Etats et Empires de la Lune et du Soleil. Nouvelle édition avec notice bio-biographique par Frédéric*. Paris: Librairie Garnier Frères, 1933. P. IX–LV.
4. Готье Т. Сирано де Бержерак // Сирано де Бержерак. Иной свет, или Государства и Империи Луны / Пер. с фр. М.Д. Яснова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002. С. 184–210.
5. *Cyrano de Bergerac. Oeuvres diverses. Lettres satiriques, amoureuses, etc. Nouvelle édition revues sur les éditions originales et augmentées pour la première fois, des additions et variantes importantes du manuscrits 4557 de la Bibliothèque nationale par Frédéric Lachèvre*. Paris: Librairie Garnier Frères, 1933. 386 p.
6. Фурсенко Л.А. Эпистолярный цикл Сирано де Бержерака «Времена года» // Актуальные вопросы курса истории зарубежной литературы XVII века. Вып. 2. Днепропетровск, 1976. С. 107–113.
7. Лихачев Д.С. Лицедейство Грозного // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 360–369.

Сведения об авторе

Кашлявик Кира Юрьевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор Департамента литературы
и межкультурной коммуникации
НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде
E-mail: kachlavi@rambler.ru

УДК 821.111 "18/19"

**ЧИТАЯ ПО ЛИЦАМ:
ФИЗИОГНОМИКА В РОМАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ДЖОРДЖА МАКДОНАЛЬДА**

О.Б. Лукманова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается влияние физиогномики и френологии на художественное творчество в викторианской Британии и, в частности, особенности использования физиогномических принципов и условностей в словесных портретах персонажей романов Джорджа Макдональда (1824–1905). Подобно другим викторианским авторам, Макдональд явно эксплуатирует высокий уровень узнаваемости определенных физиогномических черт и типов, задавая общее направление для восприятия и понимания персонажей, а также делая акцент на динамическом характере и постепенном формировании внешности протагонистов в соответствии с их поступательным духовным становлением, усматривая подлинную целостность человека в единстве его формы и содержания.

Ключевые слова: физиогномика, романы Джорджа Макдональда, описание внешности персонажей, развитие и инволюция, форма и содержание.

**Reading Faces: Physiognomy in George MacDonald's Realistic Novels
Olga Lukmanova**

The article examines the influence of physiognomy and phrenology on Victorian art and literature, specifically focusing on the role and uniqueness of using physiognomic principles and conventions in descriptions of characters' physical appearance in George MacDonald's realistic novels. Clearly relying on high recognizability of various physiognomic 'types,' MacDonald utilizes them to provide the basic interpretative direction for the reader and to emphasize the dynamic nature of his protagonists' appearance, where the progressive shaping of the outer form goes in increasing harmony with the inner development and produces the integrity of the fully realized human potential.

Key words: physiognomy, George MacDonald, physical appearance of characters, development and involution, form and content.

При знакомстве с описаниями физической внешности героев романов викторианского писателя Джорджа Макдональда (1824–1905) невозможно не заметить постоянное повторение оценочных характеристик, по самой своей природе предполагающих некий общеизвестный стандарт: «хороший лоб» (*a good forehead*), «неплохая рука разумных пропорций» (*a fine, sensible hand*), «сомнительный нос» (*a questionable nose*), «неважный подбородок» (*an indifferent*

chin) и т. п. (здесь и далее перевод наш – О. Л.) Это неудивительно, потому что такой стандарт действительно существовал: викторианцы любили «читать» характеры по лицам и фигуре, и физиогномика наряду с френологией была важным и модным элементом в искусстве и литературе того времени и обладала даже определенной научной респектабельностью: считалось, что она основана на том же индуктивном методе, что и естественные науки, и помогает открывать внутреннее посредством наблюдения за внешним [1. Р. 1, 12]. Автор пособия по чтению лиц У. Хэтфилд утверждал, что «форма и качество [лица и телосложения] говорят о человеке всю правду и раскрывают все разнообразные способности и различия в характерах людей» [2. Р. 16]. Известный художник и физиогномист того времени Шарль Лебрен подчеркивал «хорошие» (*good*) черты, то есть черты человека, которым движет добродетель, в лице римского императора Антонина Пия: гармонично расставленные глаза, широкий и высокий лоб, прямой, немного орлиный нос – в отличие от печально известного императора Нерона, у которого были близко посаженные глаза, низкий лоб («в котором негде было поместиться добродетели») и тяжелая челюсть [3]. Прямые, правильные черты лица обычно считались неотъемлемыми от красоты, добродетели и общего превосходства, включая классовое; нечеткие, неправильные черты лица связывались с противоположными качествами. Особенно важным считался нос: предпочтение отдавалось греческому, римскому или орлиному носу, а слишком маленький, тупой, мясистый или вздернутый нос рассматривался как нежелательный. Рот, с одной стороны, говорил об утонченности, а с другой, о чувственности: полные, мясистые губы считались признаком распушенности, тонкие свидетельствовали о скупости и жадности, так что изящно очерченный рот хорошей формы считался обязательным признаком должного воспитания.

В викторианской художественной литературе эти популярные физиологические теории считались средством оценки нравственного состояния человека и, хотя конкретные авторы могли сомневаться в валидности такой оценки и переопределять ее критерии в соответствии с собственными предпочтениями, игнорировать эту тенденцию было практически невозможно [4. Р. 106]. Дж. Рескин, бывший близким другом и критиком Макдональда, через иллюстрации в журнале «Панч» учил художников, с помощью каких

черт лица вернее изображать те или иные типы характера, а также представителей разных классов. Про героев Ч. Диккенса критики писали даже, что они были «ходячими иллюстрациями принципов френологии и физиогномики», а их носы в точности соответствовали популярной тогда «носологии» И. Уорика (E. Warwick. *Notes on Noses*, 1852) [1. P. 26, 53].

Подобно другим авторам-викторианцам, Макдональд также пользуется этим своеобразным физиогномическим «кодом», эксплуатируя высокий уровень узнаваемости того или иного типа внешности среди викторианцев и задавая определенное направление для их восприятия посредством описания характерных черт их внешности. Так, например, у одного из самых положительных героев автора, крестьянина-шотландца Дэвида Эльгинброда из одноименного романа, – благородный, немного орлиный нос, красиво изогнутый рот и мощный, но тонко вылепленный подбородок (*the lofty aquiline nose, beautifully curved mouth, powerful but finely modelled chin*), – то есть все внешние признаки внутренней силы, добродетели и ума. В романе «Адела Каткарт», где повествование идет от первого лица, рассказчик напрямую говорит о своей страсти «читать» незнакомцев и по лицам угадывать их характер и социальную принадлежность. Рассматривая случайного спутника в полутьме вагона, он видит мощный подбородок, хорошие, крепкие (*useful*) челюсти, твердые губы, крупный, мясистый нос, яркие черные глаза, и признается, что это лицо никак не соответствует его обычному представлению о священниках. «С нетерпением охотника, поджидающего добычу», он ждет, когда ему удастся увидеть лоб незнакомца, остается весьма доволен, видя «великолепный лоб, и по высоте, и по ширине», и заключает, что с этим человеком было бы хорошо подружиться.

С другой стороны, у одной из второстепенных героинь романа «Дэвид Эльгинброд» острый нос и тонкие, «как у вампира», губы: она «могла бы стать настоящей леди, но превратилась в бездумную личинку, которую интересовали только деньги». Одутловатое, рыхлое, бесформенное, как квашня, лицо старухи Катаных из романа «Малькольм» свидетельствует о ее алчности и коварстве, а церковный староста описан как приземистый, квадратный и тучный человек с красным лицом, вся внешность которого выдает «умственную инертность» и столь абсолютную непроницаемость для любой живой

мысли, что по твердокожести автор сравнивает его с носорогом и бегемотом, а потом еще и со свиньей, поскольку «щеки его поднимались сразу из воротника, так что шеи было вообще не видно»; кроме того, «сходство это увеличивалось еще и тем, что староста всегда был гладко выбрит».

Надо сказать, что, уподобляя персонажей животным, Макдональд также следует конвенциям викторианской физиогномики и френологии: наилучшей считалась форма головы, максимально удаленная от подобия животным, и по тому же принципу «хорошо вылепленные» руки и ноги должны были максимально отличаться от звериных лап [4]. Однако есть вероятность, что здесь, помимо всего прочего, проявляется личная мифология писателя: в сказках и мифопоэтических повестях Макдональда неоднократно встречается описание процесса инволюции (*devolution*) человека в животное из-за духовной и нравственной деградации (и наоборот). Безусловно, жанровые конвенции романа отличаются от жанровых конвенций сказочных и мифопоэтических произведений, но еще Г.К. Честертон, справедливо отмечая исключительную цельность художественного мира Макдональда и называя его прежде всего не романистом, а поэтом, усматривал в романах Макдональда черты волшебной сказки [5. С. 532], так что, учитывая тесную межтекстовую взаимосвязь произведений Макдональда разных жанров (включая и такие нехудожественные жанры, как проповеди и литературоведческие эссе), есть основания утверждать, что присущая ему мифопоэтическая картина мира отчасти отражается и в его реалистических романах. Возможно, именно поэтому во внешности некоторых персонажей его романов, обладающих явно «звериными» чертами лица (например, мистер Дрю «с полными щеками и чуть приплюснутым курносым носом на бульдожьем лице»), тем не менее, просматривается важная для писателя детскость (*childlikeness*) – подобно тому, как в сказке «Принцесса и Кёрди» в лапе одного из чудовищных зверей угадывается детская рука.

Любопытно отметить, что некоторые словесные портреты героев Макдональда на удивление точно соответствуют характеристикам трех ключевых темпераментов, связанных с телосложением и описанных в книге Сэмьюэла Р. Уэллса «Как читать характер» (Samuel R. Wells, *How to Read Character*, 1868), и достаточно прямо намекают на основную направленность, основную

черту конкретного героя. Например, Макдональд наделяет протагониста романа «Роберт Фальконер» явными физическими признаками так называемого моторного или подвижного (*motive*) темперамента, отличавшего людей решимости и действия, обладавших большим количеством энергии, физической силой и высокой трудоспособностью: «У этих людей выдающиеся, сильные характеры, и они являются признанными лидерами в активных сферах жизни» [б. Р. 18–19]. Портрет Фальконера в романе с большой точностью повторяет классическое описание данного темперамента у Уэллса: крупные и длинные кости (Макдональд неоднократно подчеркивает очень длинные руки героя, его большие ладони), широкие плечи, высокий рост, запоминающаяся внешность, темные волосы и смуглый цвет лица, четко очерченные, выразительные черты лица, необычайно крупные и подвижные ноздри, «при волнении раздувавшиеся, как у дикого коня», строгое и сдержанное выражение лица. С другой стороны, протагонист романа «Что моё – моё» Иан Макруадх (особенно по сравнению со своим братом Алистером, по телосложению также явно принадлежащим к моторному, то есть подвижному, активному, типу темперамента) описан как человек «высокого роста, но не так ладно скроенный, как его брат»: он был худ, с длинными тонкими пальцами и маленькими, крепкими костями, но все его движения были исполнены благородного изящества. Все это куда более напоминает «ментальный» тип темперамента, которому, наряду с менее яркой, но более элегантною внешностью, приписывались повышенная чувствительность, утонченность, вкус, любовь к красоте, живое воображение, быстрота мысли, восприимчивость к духовному [б. Р. 21–22] – то есть черты характера, в высшей степени присущие Иану, который, в отличие от активного, деятельного брата, является, скорее, пророком-мистиком и ведет более созерцательный образ жизни.

Описания ряда персонажей Макдональда носят явно двойственный характер, сочетая в себе желательные и нежелательные черты и тем самым намекая на некую лиминальность натуры: человек находится в нестабильном, пограничном состоянии, из которого возможен как путь роста, так и путь деградации. Например, у Ефразии, одной из двух главных героинь «Давида Эльгинброда», желтоватый цвет лица, черные волосы и черные глаза (по викторианским физиогномическим канонам, черные глаза, в отличие

от серых и голубых, считались нежелательными, так как сразу маркировали человека как «чужого») [7. Р. 13], низкий лоб, «который однако довольно изящно поднимался над бровями», прямой, ничем не примечательный нос (хотя Макдональд, цитируя Шекспира, тут же добавляет, что в женщине это прекрасно) и «посредственный рот, который, тем не менее, умел прекрасно смеяться». Надо также отметить, что у Макдональда черные или почти черные глаза нередко отмечают персонажа как человека, которому есть что скрывать, или как романтизированную фигуру героя, характерного, скорее, для сенсационного романа: можно вспомнить, например, злодея-иностранца (Фанкельстайн из романа «Дэвид Эльгинброд»), прекрасную таинственную незнакомку (Джулиет из романа «Пол Фабер»), героя экзотического происхождения, способного на нехарактерные для англичан порывы (Леопольд из романа «Томас Уингфолд») и т. д. Однако в сочетании с рядом явно «хороших» черт они могут маркировать персонажа просто как человека исключительного, резко выделяющегося из своего окружения: например, у одного из любимых протагонистов автора Роберта Фальконера (из одноименного романа) крупные и изящно очерченные (но не тонкие) черты лица, римский нос, широкий лоб и глубоко посаженные глаза, «пылавшие черным огнем». Интересно отметить, что и здесь у Макдональда черные глаза являются маркером определенной загадочности и тайны: «По его виду никто не смог бы угадать его профессию или положение в обществе».

Еще одной особенностью «физиогномического» портрета у Макдональда является упор на «потенциальность» личности и, соответственно, на потенциальность лица, причем, здесь предполагается необходимость не только внутреннего развития героя, но и постепенного обретения им цельности, благодаря которой его лицо начинает более точно и полно отражать его внутреннее состояние и сущность. По канонам физиогномики предполагалось, что у людей с более аристократической внутренней организацией не только более тонкие черты лица, но и куда более выразительная мимика, так что отсутствие мимики было явным признаком неразвитой натуры. Макдональд, описывая странно невыразительное, чрезмерно неподвижное лицо Маргарет, второй главной героини романа «Дэвид Эльгинброд», отмечает, что оно никак не соответствовало глубине ее мысли и чувства и не столько раскрывало,

сколько прятало ее внутреннюю сущность: «Ее дух еще не полностью пропитал собой ее внешность; он жил в ней словно бы особняком, и лицо ее не отражало того, что происходило в сердце». В процессе духовного становления Маргарет обретает цельность «формы» и «содержания», и к концу романа в ее лице, «которое прежде походило на неподвижную поверхность темного пруда», явно просматривается «дремлющая мысль, всегда готовая пробудиться к жизни и движению». Таким образом, Макдональда интересуется не только выразительность (или невыразительность) мимики персонажа, но и соответствие внешнего внутреннему, так что всякая несоразмерность в этом отношении вызывает у него вопрос: «Его лицо [мистера Стоддарта из романа “Анналы тихого предместья”] было слишком выразительным: казалось, оно выражает *все* (выделено автором – О. Л.), что за ним стоит. На вид оно было вполне хорошим (*good*), но выражение его мне не понравилось. Оно было какое-то слишком упорядоченное» (*too well-ordered*).

Как и у большинства викторианских авторов, внешняя красота у Макдональда тесно связана с красотой внутренней, и некрасивое лицо является признаком несформированности, неразвитости. Однако и в этой внешней уродливости (*ugliness*) Макдональд нередко видит потенциал роста: «Всякая уродливость, которая не является злом, говорит о неразвитости (*undevelopment*), а значит предполагает наличие необходимого материала и возможность развития» (роман «Что моё – моё»). Для Макдональда полнота становления человека должна в конечном итоге отразиться в его внешности подобно тому, как в идеале замысел художника должен найти выражение в соответствующей этому замыслу художественной форме, составляя с ним единое и неразрывное целое. Некоторые персонажи Макдональда, несмотря на общую беззлобность и даже доброту, тем не менее так и не достигают полного личностного потенциала, что явно прочитывается на их лицах. Например, на лице пожилой миссис Бевис из романа «Пол Фабер» «покоилось выражение благодушия, доходящего почти до тупости, и черты его, скорее, лишь намекали на изначальный замысел, нежели отражали его» (*Its features were rather indications than completions*). Помимо всего прочего, это важная составляющая христианского богословия Макдональда, занимавшего центральное место во всех его произведениях: будучи произведением или «поэмой» Бога (греч. ποιѐμα, Еф. 2:10), любой человек призван в

конечном итоге достичь «совершенства», завершенности, законченности (греч. τελειόω): полного соответствия изначального Божьего замысла и актуализированной реальности, внутреннего содержания и внешней формы (то есть характера человека и его физической внешности). В этом отношении явно некрасивое лицо имеет для писателя важное преимущество: сама его незавершенность, «недоделанность» оставляет больше пространства для куда более масштабного и удивительного развития и преображения, чем то позволяют красивые лица, «чьи линии развития очевидны заранее», – конечно, при условии что человек будет именно расти, а не деградировать.

Таким образом, описание внешности и особенно лиц персонажей носит у Макдональда преимущественно динамический характер. В поистине интересном лице должны угадываться признаки развития, ему должно быть присуще некое временное измерение, некая история. В романе «Томас Уингфолд» герой удивляется, почему «при гордой осанке и благородной посадке головы, при таких правильных чертах и чудесной, матовой коже лицо [девушки] остается таким неинтересным. Казалось, за ним не стоит абсолютно никакого прошлого». К тому же при условии верного развития время, зрелость и старость воспринимаются не как разрушители красоты, а как ее создатели и закрепители: «Медленный огонь времени лишь поглощает – тонко, почти незаметно – признаки себялюбия, еще остающиеся в лице [стареющего человека],... пока внешняя шелуха, все более пропускающая через себя сияющий внутри свет, не истончится окончательно...» («Анналы тихого предместья»). По словам самого писателя, ему было интересно писать только о тех людях, которые растут, и причем растут «в правильном направлении», так что, в отличие, например, от Ч. Диккенса, чьи отрицательные герои внешне описаны куда более ярко и убедительно, чем положительные [1. Р. 51], и являются в общем и целом достаточно статичными и иногда почти карикатурными, Макдональд уделяет куда больше внимания описанию внешности (и ее постепенного преображения) именно положительных персонажей, мотивируя это следующим образом: «Голпа в один голос требует изобразить ей то, что она и так видит каждый день... Но... мы должны показывать ему таких людей, в которых самые обыкновенные добрые качества развиты до необыкновенной, исключительной

степени... потому, что они вернее отражают суть истинной человечности» (роман «Сэр Гибби»). С другой стороны, «модные негодяи» и другие «злодеи» в романах Макдональда описаны схематично, даже шаблонно, так как «существуют не для того, чтобы их изучать, а для того, чтобы с ними сражаться» [5. С. 533]. Внешности персонажей, не проявляющих интереса к личностному росту, уделяется минимальное внимание.

В качестве еще одного важного аспекта описания персонажей, непосредственно связанного с физиогномикой в романах Макдональда, необходимо отметить концепт *breeding* (и параллельные ему концепты *refinement* и *polish*), связанный одновременно как с воспитанием, так и с породой, генеалогией, биологическим происхождением, неизменно проявляющимся во внешности человека. С одной стороны, Макдональд опирается на общепринятое среди викторианцев понятие «хорошей породы / воспитания» (*good breed(ing)*), связывая его с высоким положением в обществе и аристократической родословной. С другой стороны, писатель переопределяет это понятие как внутреннее благородство, подлинный аристократизм характера, который тоже передается по наследству, и со временем закрепляясь в природе семьи или рода, обретает устойчивые внешние черты. Например, говоря о старом плотнике Вейре («Анналы тихого предместья»), Макдональд описывает его «аристократический, благородный вид (*an air of breeding*), который редко встретишь у людей его социального положения», и добавляет, что «главным образом эта утонченность (*polish*) происходила от врожденной (*inbred*) доброты его натуры (*nature*), проявлявшейся в выражении его старого благородного лица», а профиль старика был «столь же утонченным (*delicate*), как профиль самого Данте и удивительно похожим на него по форме».

Макдональд имел качественное естественнонаучное образование и, вопреки расхожим мнениям о том, что теория эволюции Дарвина несовместима с христианской верой, не видел противоречия между доктриной о Сотворении и теорией эволюционного пути развития природы. Может быть, отчасти поэтому в его романах так часто встречается мысль о важности породы и передачи тех или иных качеств (физических и нравственных) по наследству, об эволюции и инволюции не только человека, но и целой семьи или клана, а также о естественном

вырождении, которое ожидает постепенно деградирующий род. Например, в одной из семей романа «Анналы тихого предместья» «природа начала выправляться: праведность дочери противостояла неправедности матери в той же силе характера, которую мать употребляла во зло, ради собственного себялюбия. Так плохой породе (или «природе», «крови», «роду», «наследию», «закваске»: *the bad breed*) был положен конец». И наоборот: деформированный, больной карлик Джозеф Полварт (роман «Томас Уингфолд») называет свой внешний вид «жалкой насмешкой над человеческим обликом» и самым непосредственным образом связывает физическое уродство самого себя и своей племянницы Рейчел с нравственной историей своей семьи: «Уж очень много в нашем роду было карточных долгов, выпивки и чего похуже. Плоды их беззакония вы видите в нас – таких, какие мы есть... Мой отец был высок, статен и замечательно хорош собой... Все мои братья родились красивыми в отца, но умерли ещё детьми... От всего нашего рода остались только мы с Рейчел, и по Своей милости Бог скоро положит ему конец». Похожий мотив, отражающий богословское учение о том, что грехи родителей проявляются (наказываются, возмещаются – см. Исх. 20, Чис. 14 и др.) в их детях (*visited upon the children*) встречается и в других романах Макдональда – можно вспомнить, например, безумного карлика-горбуна Стивена Стюарта из романа «Малькольм». Тем не менее, подробно описывая лица и лэрда-горбуна, и карликов Полвартов, в которых отражается многолетняя борьба со страданием (так что описание внешности и здесь приобретает временное измерение и определенный динамизм), Макдональд придает им все привычные для викторианцев внешние признаки ума, благородства и добродетели: утонченные (*refined*) лица; «хорошие», «утонченные» черты (*Every feature in her thin face was good; features of great refinement*); «чудные глаза»; крепкую, тонких очертаний руку; длинные, тонкие, белые пальцы и т. д.

Примечательно, что в романе Макдональд прямо противопоставляет эту семью карликов из угасающего рода паре молодых людей, которые фактически являются идеальными викторианскими образцами породы, воспитания, молодости, красоты, богатства, образования и положения в обществе. Правда, стоит отметить одну важную особенность: если представляя читателю главную героиню романа Хелен Лингард (которой предстоит пройти

нравственную эволюцию), Макдональд уделяет ее описанию несколько страниц и придает ей обязательные «хорошие» черты лица («Она была высокой, голубоглазой, темноволосой, но белокожей, с правильными чертами *чересчур спокойного* лица» – здесь сразу угадывается характерный намек Макдональда на недостаточность внутреннего развития), то описывая «идеального англичанина» Джорджа Баскома, «молодого красавца в расцвете сил, стоявшего на пороге успеха», Макдональд ограничивается ироничными клише, уместающимся в один абзац: «Он был высокий и красивый, как Аполлон, сильный, как Геркулес, одет по последней моде, но не крикливо, довольный собой, но без высокомерия, добродушный и улыбчивый». Позднее мы узнаем, что у него была «непринужденная осанка, широкая грудь и высоко посаженная голова греческого бога», крепкие мускулистые руки, густой полнокровный бас, но так и не узнаем никаких подробностей ни о его глазах (а для Макдональда это чрезвычайно важная черта лица), ни о чертах лица. Все это особенно интересно ввиду того, что, по сведениям историков культуры, к концу XIX в. в Англии все чаще наблюдается отторжение стереотипного идеала «широкоплечего и розовощекого» англичанина в связи с негативной реакцией на идеологию и эстетику «мускулистого христианства»: викторианцам становилось все очевиднее, что эта «мужественная» религиозно-социальная идеология, согласно которой здоровое тело считалось обязательным условием здравого ума, нравственности и истинной веры, не соответствует реальности [7. Р. 13], так что писатели все чаще начинают переопределять физическую внешность настоящего героя. Некоторые персонажи Макдональда действительно отражают идеалы «мускулистого христианства» [8], однако в данном случае Джордж Баском, показанный как идеал безупречного мускулистого превосходства и здоровья, оказывается в каком-то смысле «бесформенным», безликим, то есть в конечном итоге бездуховным и безнравственным человеком, – по контрасту с деформированными и больными карликами, которые, тем не менее, отличаются исключительной нравственной чистотой и духовностью.

Таким образом, увлечение викторианцев физиогномикой и теорией эволюции позволяет Макдональду не только создавать понятные читателю портреты человеческой природы, подчеркивая сложность и лиминальность внутреннего мира персонажей, но и

отражать в них особенности своей личной мифологии и теологии, а также свое понимание художественного творчества и напрямую говорить об этом с читателем. «То, что мы называем “поэтическим”, – писал он в романе “Что моё – моё”, – является лишь внешней красотой, которая принадлежит всякой внутренней или духовной красоте, точно так же, как прекрасное (*lovely*) лицо – обратите внимание, я сказал “прекрасное”, а не “хорошенькое” (*pretty*) или красивое (*handsome*) – является внешним и зримым присутствием прекрасного ума». Уже по этой цитате становится понятно, что словесные портреты в произведениях Макдональда, будучи достаточно сложными для перевода, играют важную роль в раскрытии его художественного мира. Именно поэтому они требуют пристального внимания и соотнесения с физиологическими, социально-религиозными и художественными теориями, которые были популярны среди современников писателя. Соответственно, все это необходимо учитывать в исследовании произведений автора и особенно в процессе их перевода на русский язык.

Библиографический список

1. Kelly K.A. The Science of Character: Victorian Physiognomy and its Use by W.P. Frith and Charles Dickens in the Illustration of Personalities. University of Southern California, 1995. 140 p.
2. Hatfield W. Face Reading. London: Bradford, 1870. 98 p.
3. Реброва Н.А. Физиогномическая система Шарля Лебрена на примере издания «Dissertation sur un traité de Charles Le Brun, concernant Le rapport de la physionomie humaine avec celle des animaux» из коллекции научной библиотеки Российской академии художеств // Новое искусствознание. 2019. № 2. С. 13–17.
4. Boshears R., Whitaker H. Phrenology and Physiognomy in Victorian Literature // Progress in Brain Research. Vol. 205. Literature, Neurology, and Neuroscience: Historical and Literary Connections, 2013. P. 87–112.
5. Честертон Г.К. Джордж Макдональд и его работа / Макдональд Дж. Сэр Гибби. Н. Новгород: Агапе, 2002. С. 532–535.
6. Samuel R. Wells. How to Read Character: A New Illustrated Handbook of Phrenology and Physiognomy for Students and Examiners with

Descriptive Charts. Entered 1868. Fowler and Wells, New York – London, 1896. 196 p.

7. Wagner T.S. Phrenology and Representations of Physical Deviance in Victorian Fiction // Postgraduate English, Issue 05. Durham University, 2002. P. 2–16.

8. Pennington J. Muscular Christianity in George MacDonald's *Curdie Books* / Muscular Christianity: Embodying the Victorian Age. Donald E. Hall, ed. Cambridge University Press, 2006. P. 133–149.

Сведения об авторе

Лукманова Ольга Борисовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: estson@gmail.com

УДК 821.111(73) "19"

**ПРИНЦИПЫ МИНИМАЛИЗМА В РАССКАЗАХ РЕЙМОНДА
КАРВЕРА «ДОМ ЧЕФА» И «ПЕРЬЯ»**

И.В. Ляпин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются основные эстетические принципы минимализма, художественного течения, активно развивавшегося во второй половине XX века в США, и способы их реализации в новеллистике Реймонда Карвера на примере рассказов «Дом Чефа» и «Перья»; указываются базовые теоретические положения данного литературного направления, а также его основные представители.

Ключевые слова: Реймонд Карвер, минимализм, постмодернизм, новеллистика, литература США.

**Minimalist Principles in Raymond Carver's Short Stories
"Chef's House" and "Feathers"**

Ivan Lyapin

This article provides a brief introduction to minimalism, an art movement which was especially popular in the second half of the 20th century, providing its key theoretical ideas and singling out its main representatives. The author then focuses on the main aesthetic principles of literary minimalism and looks at the means of their embodiment in Raymond Carver's short stories "Chef's House" and "Feathers."

Key words: Raymond Carver, minimalism, postmodernism, short story, American literature.

Творчество Реймонда Карвера (1938–1988), американского поэта и прозаика второй половины XX века, не так хорошо знакомо российскому читателю, как творчество его современников, таких как Джон Апдайк, Филип Рот или Сол Беллоу. Однако на родине Реймонд Карвер по праву считается выдающимся мастером короткого рассказа и одним из самых значительных со времен Хемингуэя продолжателей этого особого для англоязычной литературы жанра.

Необычный стиль изложения, исключая эмоциональность и замысловатость форм, лаконичный и простой язык, на котором персонажи пытаются говорить о житейских проблемах, – все это привлекло внимание читателей и критиков уже к первому сборнику Карвера. Скупость и точность языковых единиц в сочетании с глубиной и психологизмом делают его прозу близкой к направлению минимализма. Данное художественное течение активно развивалось в

70-х–80-х годах XX века под влиянием изменяющейся социокультурной ситуации в США. Ким Херцингер в своей статье *Minimalism as a Postmodernism: Some Introductory Notes* выделяет основные формальные и содержательные характеристики минимализма как литературного направления, среди которых простота и единообразие форм, монохромность, относительная бессодержательность, творческое самоограничение художника, а также отказ от субъективности и репрезентации [1]. Яркими представителями минимализма в американской литературе помимо Р. Карвера являлись Б.А. Мэйсон, Э. Хэмпел, Д. Бартельми и А. Битти, в то время как предтечами данного направления можно смело назвать таких писателей, как Э.А. По, А.П. Чехов, Дж. Джойс, С. Беккет и Э. Хемингуэй, многие художественные принципы которых стали ключевыми для создания минималистических произведений.

По мнению Синтии Хэллетт, смысловой потенциал минималистической прозы сближает её с поэзией, что позволяет рассматривать новеллу как «поэму в прозе». При этом отношение к минимализму как направлению в среде литературных критиков XX века варьировалось от настороженного до резко негативного, что не мешало им, однако, признавать мастерство отдельных авторов. Мэдисон Белл замечает, что Реймонд Карвер – «превосходный мастер, возможно, лучший в данном направлении, но как законодатель моды он опасен» [2. Р. 67].

Минималистическая стилистика при этом не существует сама по себе, она непосредственно вытекает из предмета рассказа и сочетается с ним для создания единого эффекта. В своих произведениях Р. Карвер рассказывает о житейских проблемах, будь то развод, сложные отношения между супругами («Дом Шефа», «Лихорадка», «Осторожно»), потеря работы («Консервация», «Витамины») или переезд («Уздечка»). Герои минималистической прозы – обыкновенные люди, населяющие реальный мир, а причиной всех проблем, как правило, является отсутствие взаимопонимания, неспособность высказаться, общаться и взаимодействовать друг с другом. Содержание, таким образом, накладывает определенный отпечаток на манеру повествования, в котором недосказанность, умолчание, отсутствие линейности и произвольные или открытые концовки символизируют иррациональность и разобщенность людей.

По наблюдениям А. Зверева, ключевое слово в тематике творчества Р. Карвера – **эрозия**. «Это известного рода духовный процесс, в наши дни охвативший американское общество и принявший характер многообразный, а нередко непредсказуемый: распадающиеся семьи, превратившиеся в пустую формальность людские контакты, усталость от бестревожных будней, анемия чувств, депрессия, наступающая без всякого внешнего повода и не преодолеваемая никакими усилиями внести хоть какое-то разнообразие в вяло текущую повседневность...» [3. С. 9].

Автор при этом не осуждает и вообще никоим образом не оценивает своих героев. Его позиция нейтральна, и благодаря этому читатели обращены к непосредственной реальности героев, а не к её отредактированной версии. Чарльз Мэй, рассуждая о современном коротком рассказе, вовсе называет его «историей без автора» (*authorless story*) [4]. Такая авторская позиция неоднократно подвергалась критике. В частности, С. Биркертс утверждает, что художественная литература должна «отважиться на что-то большее, чем пассивное рассуждение о распаде и чувстве тревоги» [5. Р. 33]. Действительно, автор-минималист отстраняется от описываемых событий и не делает попыток их объяснить, еще более он далек от нравоучений и назиданий. Вместо этого читателю предлагается взглянуть на описываемую ситуацию собственными глазами, будто сквозь замочную скважину, и на основе увиденного самостоятельно извлекать знания, опыт и смысл. Сам термин «минимализм» принадлежит Р. Уолхейму, вводящему его применительно к анализу творчества М. Дюшана и художников, принадлежащих к поп-арту, сводящих к минимуму вмешательство художника в окружающую среду. Таким образом, автор-минималист не рассказывает, а показывает, раскрывая в этом взгляде множество смыслов и предлагая варианты для интерпретации.

Так, например, в рассказе «Дом Чефа» главный герой Вэс пытается преодолеть алкогольную зависимость и поселяется в доме своего приятеля Чефа, тоже бывшего алкоголика. Герой звонит своей жене, с которой они уже несколько лет живут отдельно, и приглашает её приехать, чтобы помочь ему справиться с губительной привычкой и начать новую жизнь. Она приезжает, и лето они проводят вместе, пока Чеф не сообщает Вэсу о том, что дом придётся освободить. Эта

новость очень огорчает главного героя, и его жена понимает, что воссоединение было временным, и им снова суждено расстаться.

В рассказе герои пытаются разрешить проблемы, связанные с ранним браком и алкоголизмом. Можно отметить, что в целом проблема преодоления жизненных трудностей, возникших в результате ошибок прошлого, оказывается весьма типичной для минималистической прозы. Действующие лица рассказов часто отмечены неким травматическим опытом, носят «шрамы» трагических событий или неверных решений. В свою очередь большинство героев Карвера в сборнике «Собор» испытывают кризис личностных отношений, переживая развод или находясь на его грани. Ответом на эти проблемы часто становится стремление избавиться от навязчивых мыслей, приглушить их алкоголем, сигаретами, насилием или изменами.

Финальная сцена рассказа выстроена в соответствии с ключевыми принципами минимализма – диалог между двумя главными героями напоминает судебный протокол. Читатель не осведомлен ни об интонации, ни о тоне, ни о каких-либо других паралингвистических особенностях их разговора, ему предоставляются только реплики героев, лишенные эмоциональности и экспрессивности. В конце концов разговор героев обрывается, уступая место молчанию: «Чего тебе? – сказал он. Но больше – ни слова. Похоже, все уже решил» [6].

После этого герои произносят еще несколько фраз, но разговаривают уже, скорее, сами с собой, нежели друг с другом. Происходящее напоминает чеховский «диалог глухих» [7. С. 123]: «Потом я его снова позвала. Теперь уже вслух. Вэс, сказала я. Он открыл глаза, но на меня не взглянул. Просто сидел, как сидел, и смотрел в сторону окна. Жирная Линда, сказал он» [6].

В финальной сцене автор указывает на то, что Вэс находится в раздумьях, однако ни мысли, ни логика принимаемых решений не раскрываются. Недостаток авторского комментария, подчеркнутая сухость изложения заставляют обращать более пристальное внимание на детали, которые в коротком рассказе не бывают случайными: «Вэс зашел в дом, швырнул шляпу с перчатками на ковер и плюхнулся в большое кресло. В чеховское кресло, дошло до меня. И ковер чеховский» [6].

Героиня, от чьего лица ведется повествование, обращает внимание на предметы обихода, а также на то, кому они принадлежат. Данная деталь чуть приближает читателя к пониманию одной из основных проблем произведения, а именно – проблемы индивидуального поиска самореализации и собственной идентичности. Для главного героя дом символизирует избавление от зависимости и надежду на лучшую жизнь. Однако надежда сменяется осознанием того, что дом целиком принадлежит другому человеку, а значит и всё, что связано с этим местом, Вэс также не может называть своим: «Он сказал, уж извините, я говорю, как я говорю. Не как другой бы сказал. Будь я кто другой, ноги бы моей здесь не было. Будь я другой, это уж был бы не я. А я кто есть, тот есть» [6].

Такова одна из вероятных интерпретаций поведения героя. Американский драматург Д. Мэмет, рассуждая о скупости описания персонажей, приходит к выводу, что чем меньше герой идентифицирован и описан, тем больше мы наделяем его собственными внутренними значениями и тем больше идентифицируем себя с ним, в конце концов убеждаясь, что мы – и есть герой [8. P. 118]. Читатель вынужден обращать внимание на каждое сказанное слово и каждый жест, чтобы на их основе составить собственное представление о происходящих событиях и их причинах. Автор же, заставляя читателя останавливаться на деталях и доходить до сути самостоятельно, делает опыт прочитанного почти таким же значимым, как реальный жизненный опыт.

Несколько иначе принципы минимализма реализуются в рассказе «Перья».

Главный герой произведения Джек вместе со своей женой Фрэн приглашен в гости к коллеге по работе. По приезду навстречу им выбегает огромный страус, которого хозяева держат в качестве домашнего питомца, а в гостиной на телевизоре стоит устрашающий гипсовый слепок прежних зубов вечно краснеющей жены Бада, хозяина дома. Кроме того, восьмимесячный ребенок производит на гостей крайне неприятное впечатление своей уродливостью. Все эти обстоятельства, безусловно, не добавляют непринужденности обстановке, однако, несмотря на это, и хозяева, и гости остаются довольны временем, проведенным вместе, а главный герой даже отмечает, что в определенный момент почувствовал себя счастливым.

Стоит отметить, что всё течение вечера, а также подготовка к нему описаны довольно подробно и реалистично. События, происходящие в рассказе, кажутся нам частью повседневной жизни, а потому мы ожидаем последовательного развития сюжета и пытаемся уловить некую постоянную, устойчивую идею. Однако внезапно гладкая поверхность повествования нарушается. Под конец вечера герой загадывает желание и оставляет весьма неоднозначный комментарий: «В этот вечер я загадал желание. Сидя за столом, я зажмурил глаза и напряг мозги. Вот что я загадал – пусть этот вечер запомнится навсегда. И это мое желание сбылось. Правда, мне на горе. Но, конечно, тогда я не мог об этом знать» [9. С. 23].

Герой кратко сообщает нам о своей жизни спустя несколько лет после того дня. У них появился ребёнок, жена сменила работу, постриглась и растолстела. Они больше не так близки, но часто вспоминают тот день у Бада: «Фрэн почему-то придумала, что именно этот вечер у Бада и стал началом перемен. Только она не права. Меняться все начало позднее, и когда начало, это будто бы происходило с другими, потому что с нами такого быть не могло» [9. С. 24].

Отношения рассказчика с Бадом тоже изменились: «Но я теперь думаю, что ему говорить, а что нет. И знаю, что он чувствует это, и хотел бы, чтоб все стало по-старому. Я и сам бы хотел» [9. С. 24].

Герой, рассказывая об изменениях, произошедших в своей жизни, как будто не договаривает самого важного. Читателя не покидает мысль, что в тексте отсутствует информация, необходимая для понимания истории.

Действительно, несмотря на объёмность текста и весьма детальное описание событий, произведение сохраняет минималистическое качество. Структурный компонент прозы Карвера – сочетание референции и умолчания – проявляется независимо от количества слов на странице. Более того, Г. Лейпольд утверждает, что если в своих наиболее коротких рассказах Реймонд Карвер компенсирует недостаток фактического материала при помощи метафор (*metaphorical guardrail*), которые направляют читательскую интерпретацию в нужном направлении, то в многословных историях авторское повествование, сменяясь в определенный момент умолчанием, недосказанностью, не оставляет читателю никаких подсказок [10. Р. 332].

В таких рассказах, как, например, «Перья», «Витамины», «Так много воды, так близко к дому», неясность достигается благодаря тому, что ближе к заключительной части повествования автор намеренно умалчивает некое важное событие или контекст, на основании которого читатель был бы способен выстраивать логику описываемых событий и выделять сюжетную линию. Рассматривая литературу постмодернизма, Джон Барт вывел термин «многословный минимализм» (*long-winded minimalism*), который справедливо применять по отношению к сравнительно объемному повествованию, кажущемуся на первый взгляд содержательным, но которое на самом деле не приводит к логической развязке.

Посредством структурной редукции автор убирает из текста информацию, которая была бы полезной для более комфортного прочтения произведения, тем самым предоставляя читателю возможность сотворчества и открывая текст для нескольких возможных интерпретаций [11].

Минималистская установка писателя, таким образом, может проявляться и в довольно громоздких, по меркам новеллистики, произведениях. Неизменным принципом данного метода, по мнению Чарлза Мэя, является то, что значение открывается путем умалчивания. Кроме того, многое становится существенным именно из-за своего отсутствия в тексте. Эту мысль развивает писатель Эми Хэмпел: «Очень часто то, о чем в произведении умалчивается, является более значимым, чем то, что присутствует в тексте. Эмоциональным фокусом истории нередко становится некое событие, которое может быть не описано или даже не упомянуто в тексте» [12. P. 85].

Минимализм тесно связан с классическими принципами новеллы, среди которых традиционно выделяют критерии компактности, концентрированности, краткости, единства эффекта и экономичности использования языка. Все эти принципы находят свое воплощение в творчестве Реймонда Карвера.

Библиографический список

1. Herzinger K. Minimalism as a Postmodernism: Some Introductory Notes // *New Orleans Review*, 1989. P. 73–81.

2. Bell M. Less is Less: The Dwindling American Short Story [sic.] // Harper's Magazine. April 1986. P. 64–69.
3. Карвер Р. Собор. М.: Известия, 1987. 160 с.
4. May Ch. E. Reality in the Modern Short Story // Style. 1993. Vol. 27. № 3. P. 369–379.
5. Birkerts S. The School of Lish // The New Republic. 1986. P. 28–33.
6. Карвер Р. Дом Чефа // Электронный ресурс Интернет: https://royallib.com/read/karver_raymond/dom_chefa.html#0.
7. Тяпугина Н.Ю. Антон Павлович Чехов в школе. М.: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2014. 680 с.
8. McDermott J.D. Austere Style in Twentieth-Century Literature: Literary Minimalism. N.Y.: The Edwin Mellen Press, 2006. 153 p.
9. Карвер Р. Перья. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2007. 25 с.
10. Leypoldt G. Reconsidering Raymond Carver's Development: The Revisions of "So Much Water So Close to Home" // Contemporary Literature. 2002. Vol. 43. N. 2. P. 317–341.
11. Barth J. Further Fridays: Essays, Lectures, and Other Nonfiction, 1984–1994. N.Y.: Backbay, 1995. 377 p.
12. Sapp J. Interview with Amy Hempel // Missouri Review. 1993. № 16. P. 75–95.

Сведения об авторе

Ляпин Иван Викторович
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы
и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ivlyapin@gmail.com

УДК 821.133.1 "19/20"

ТРАДИЦИЯ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ МАКИНА

П.Ю. Лясков

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается традиция Оноре де Бальзака в творчестве французского писателя Андрея Макина. Представлена информация об авторе, его романах, опубликованных как под настоящим именем, так и под псевдонимом Габриэль Осмонд. В данной статье представлены возможные причины использования так называемого «возвращающегося персонажа» в творчестве писателя.

Ключевые слова: писатель, роман, «возвращающийся персонаж», концепт, творчество, художественный мир, образ.

The Balzac Tradition in Andreï Makine's Novels

Pavel Lyaskov

The article deals with the Balzac tradition in the works of French writer Andreï Makine. It provides a brief introduction to the author and his novels, published under his real name as well as under the pseudonym Gabriel Osmonde, and investigates possible reasons for using the so-called "returning character" in the writer's fiction.

Key words: writer, novel, "returning character", concept, creation, the author's artistic vision of the world, figure.

Особенности художественной манеры писателя не только явление глубоко самобытное, но и зависимое от многих факторов, среди которых одно из главных мест занимают истоки его творчества. Complimentом современному писателю сегодня считается признание его уникальности, то есть способности так завуалировать следование традиции, чтобы влияние великих предшественников было невозможно обнаружить.

Большинство исследователей творчества современного французского писателя Андрея Макина пытается объяснить феноменальный успех писателя-билингва лишь его природным даром, забывая тот факт, что А. Макин – выпускник Московского университета, кандидат филологических наук и автор французской диссертации об Иване Бунине. Он – наследник традиций двух великих культур, представленных Толстым, Достоевским, Чеховым, Стендалем, Флобером и Прустом. Особое место в художественном мире А. Макина занимает Оноре де Бальзак – создатель

«Человеческой комедии», чье незримое присутствие явно ощущается во всем его романном творчестве.

Правда, между ними существует и кардинальное различие, которое лежит в отношении к биографическому опыту как источнику материала художественного. Если Бальзак всячески старался завуалировать историю собственной жизни в художественном тексте, утверждая, что «как только автор начинает показывать самого себя в своем произведении и сообщать о самом себе, тогда пропадает всякая иллюзия» [1. С. 419], то А. Макин практически открыто присутствует на страницах даже тех романов, которые созданы по классическим лекалам. Правда, он намеренно «дозирует» личную информацию, потому так мало известно фактов его, очевидно, авантюрной биографии.

Известно, что Андрей Макин родился в 1957 году в Сибири и провел детство в детском доме. Его бабушкой, как утверждают, была француженка, что, если это так, объясняет его феноменальное владение французским языком. Он заканчивает филологический факультет Московского государственного университета, защищает диссертацию, преподает некоторое время в институте в Новгороде, сотрудничает с журналом «Современная иностранная литература».

В 90-е годы А. Макин получает возможность остаться жить во Франции. Об этом периоде он пишет в книгах и рассказывает в своих многочисленных интервью, понимая, что повествование о его авантюрном решении не возвращаться в СССР работает лучше любой рекламы. Это история о том, как ему приходится скрываться от советских спецслужб, за неимением жилья в Париже провести несколько дней в склепе на кладбище Пер-Лашез, работать на «вражеские голоса» в Мюнхене. Как он утверждает, его жизнь спасло падение советской империи. Кроме того, что он преподает во Франции русский язык, он пишет и свои первые романы.

Столь долго ожидаемую славу ему приносит роман «Французское завещание» (*Le Testament Français*, 1995), отмеченный сразу двумя престижными премиями: Гонкуров и Медичи. Успех книги привлекает внимание и к другим, ранее написанным, произведениям автора, которые изначально не пользовались большим спросом у французской публики, – «Дочь Героя Советского Союза» (*La fille d'un héros de l'Union soviétique*, 1990), «Исповедь павшего

знаменосца» (*La Confession d'un Porte-drapeau Déchu*, 1992) и «Во времена реки Амур» (*Au Temps du Fleuve d'Amour*, 1994).

В начале 2000-х А. Макин становится одним из самых популярных французских прозаиков своего времени, свидетельством чему являются новые премии и награды. За роман «Музыка одной жизни» (*La Musique d'une vie*, 2004) он удостоивается премии *RTL-Lire*. В 2005 году А. Макин становится лауреатом премии *Fondation Prince Pierre Monaco*. В 2013 году премия Казанова (*prix Casanova*) присуждается ему за роман «Любимая женщина» (*Une Femme Aimée*, 2013). Уже в ранге прижизненного классика он награждается за роман «Страна лейтенанта Шребера» (*Le Pays du lieutenant Schreiber*, 2014). И наконец, главным признанием литературного таланта Андрея Макина становится его избрание в 2016 году во Французскую Академию.

На сегодняшний день библиографический список автора насчитывает 18 произведений под именем Андрея Макина и 4 романа под именем Габриэля Осмонда – псевдонимом писателя, который он использовал в течение 10 лет для разработки новой для себя проблематики. Центральной темой творчества автора по понятным причинам является русский мир, за что критики его часто называют «русским в Париже», хотя сегодня мир французский интересует его гораздо больше. И если в первой своей книге «Французское завещание» его будущая родина представляется ему Атлантидой, то современная Франция вызывает у него опасение и тревогу.

Как бы то ни было, все последующие книги А. Макина прямо или косвенно связаны с «Завещанием», потому что оно, как в зерне, содержит концепцию всего его романного творчества. И сегодня очевидно, что он реализует бальзаковский план создания панорамы французской жизни XX–XXI веков, используя тот же прием, который сам автор «Человеческой комедии» считал гениальным. Речь идет о так называемом «возвращающемся» персонаже. Вот что по этому поводу пишет А. Моруа: «Сестра писателя, Лора Сюрвиль, вспоминала, что однажды – это случилось в 1833 году – Бальзак вошел к ней и радостно воскликнул: «Поздравьте меня, я на верном пути к тому, чтобы стать гением». И развернул перед ней грандиозный план: «Самим историком должно было оказаться французское общество, мне оставалось быть его секретарем» [1. С. 154].

Таких персонажей в романах А. Макина множество. Специфика его возвращающегося героя состоит в том, что это почти всегда персонаж второго плана. Случается, правда, что и главный герой вновь появляется на страницах его книг, как, например, француженка Шарлотта Лемонье из «Французского завещания», бабка главного героя, которую в СССР назовут Александрой (Шурой).

Она оказывается в России в трагический момент ее истории, переживает непростые годы репрессий, работает медсестрой во время Великой Отечественной войны. А впоследствии поселяется в небольшом городе посреди степей под названием Саранса, куда время от времени к ней приезжает ее внук Алеша. Это образ мудрой наставницы, которая прививает своему внуку вкус к французскому языку и культуре. Во времена холодной войны она становится для мальчика проводником не только в другую страну, но и в другую эпоху. Благодаря Шарлотте Алеша узнает историю своей семьи и трагической судьбы своих родителей. Автор описывает её как простую женщину с седыми волосами, одетую в сатиновое платье: ... *je vis une femme aux cheveux blancs, vêtue d'une robe très simple en satin clair, une femme assise par terre au milieu de ce quelque chose d'immensurable qui s'étend de la mer Noire jusqu'à la Mongolie et qu'on appelle «la steppe». Ma grand-mère...* [2. P. 262].

Похожий образ француженки, играющей ключевую роль в жизни автора, появляется также на страницах романа «Реквием по Востоку» (*Requiem pour l'Est*, 2000). Ее тоже зовут Александра, правда, в книге она выступает под именем Саша.

В обоих случаях совпадают портретные характеристики: те же седые (серебряные) волосы и возрастные параметры. Она была подругой бабушки и деда главного героя и является хранительницей семейной истории. По субботам Саша забирает главного героя из детдома и обучает его французскому языку. Часто при описании автор даже не называет ее по имени, и у читателя складывается впечатление, что речь идет именно о Шарлотте. Их отличие состоит лишь в том, что в романе «Реквием по Востоку» эта женщина не является главным персонажем произведения.

En regardant cette femme aux cheveux blancs assise à quelques mètres de moi... à présent j'imaginai son ombre au fond de la maison cachée qui, une bougie à la main, souriait à une jeune mère qui entrait en

portant un enfant dans ces bras, à l'homme qui déposait sur un banc une lourde seille recouverte de coton.

Je prononçais mentalement son prénom, Sacha, comme pour faire coïncider la femme qui était assise sur l'herbe de la steppe, à côté de moi, et cette autre qui avait, si discrètement, si intensément, traversé la vie de ma famille [3. P. 199].

В романе «Земля и небо Жака Дорма» (*La terre et le ciel de Jacques Dorme*, 2003) автор вновь возвращается к образу француженки, пожилой дамы, хранительницы истории жизни и судьбы французского пилота, перегонявшего самолёты из США в Советский Союз. Ее тоже зовут Александра. Правда, в ней уже почти невозможно узнать иностранку – такой трудной оказалась ее советская судьба, но она сохранила свое главное богатство – французский язык. Именно французский язык как самостоятельный персонаж всех его текстов станет главным скрепом современной «Комедии», которую многие годы пишет А. Макин.

Следует отметить, что впервые образ наставницы и проводника во французскую культуру появляется в раннем творчестве писателя в романе «Во времена реки Амур». В этом произведении рассказывается о жизни трех подростков, которые благодаря фильму с участием Бельмондо узнают о Европе. Им очень хочется познакомиться с нравами и обычаями другой страны, и помогает им в этом героиня по имени Ольга. Она родом из богатой семьи, прекрасно образована и до революции жила в Санкт-Петербурге. Ее библиотека содержит большое количество книг на французском языке.

...J'étais quelqu'un qui savait déjà, grâce à la bibliothèque d'Olga, que les châtelaines féodales avaient un corsage long comme celui de la malheureuse Emma. Que les épaules d'une odalisque au bain étaient recouvertes d'une couleur ambrée... Qu'il fallait être un vrai goujat, comme ce hobereau chez Maupassant, pour demander à l'hôtesse de préparer un lit à midi, divulguant ainsi ses intentions à l'égard de sa jeune épouse cramoisie... Instruit par Musset, je savais que les amoureux romantiques choisissent toujours une matinée froide et ensoleillée de décembre pour se séparer à jamais... [4. P. 128].

Трагический образ девушки из знатного рода появляется и в романе «Реквием по Востоку». Николай, дед главного героя, спасает девушку и впоследствии женится на ней. Ее зовут Анна, она является лучшей подругой Саши.

Nikolaï passa plusieurs jours à s'habituer non pas à l'absence d'Anna mais à sa nouvelle présence dans les années qu'ils avaient vécues ensemble et dans les années d'avant. Il lui fallait imaginer Anna, cette jeune fille qui vivait à Saint-Pétersbourg, faisait de longs voyages à l'étranger et de rien ne prédestinait à le rencontrer, à vivre dans une isba de Dolchanka... Sacha lui avait raconté ce que la lettre n'avait pas le temps de dire [3. P. 141].

Во время революции Анне отрезали язык, поэтому общение с мужем происходит в полной тишине. Они обмениваются взглядами, которые все объясняют. Герой романа вспоминает об этой трагической истории потому, что он также общается со своим партнером, девушкой-агентом, с которой он работает под прикрытием в разных странах третьего мира.

Однажды главный герой возвращается домой и видит свою спутницу. Она ждет его на крыльце, как когда-то его деда ждала его Анна. Так и рождается книга «Любимая женщина».

Voilà la femme que j'aime et qui m'attend à la porte de cette maison que nous quitions bientôt pour toujours, dans ce pays où nous avons failli mourir, sous ce ciel qui est si beau ce soir. » Je répétais : « Une femme que j'aime » juste pour mesurer combien ce mot était pauvre. J'avais envie de te dire ce que tu étais pour moi. Ce qu'étais ton silence et cette attente si calme sur le seuil d'une maison que nous reverrions jamais [3. P. 81].

Стоит отметить, что Шарлотта похожа еще на одного персонажа романа А. Макина под названием «Женщина, которая ждала» (*Une femme qui attendait*, 2004). Главная героиня по имени Вера ждет возвращения своего мужа с войны в течение 30 лет, как и Шарлотта, которая дважды получает с фронта извещение о смерти Федора, но не теряет надежд:

L'espoir revint quand, un an et demi après le premier avis de décès, elle en reçut un autre. Fiodor ne pouvait pas avoir été tué deux fois, pensait-elle, donc il était peut-être vivant. Cette double mort devenait une promesse de vie. Charlotte, sans rien dire à personne, se remettait à attendre [2. P. 140].

Роман «Французское завещание» содержит большое количество персонажей второго ряда, которым в других романах Макина отводится более важная роль. Так, например, во дворе у Шарлотты живет скандалист и пьяница Гаврилыч, который наводит ужас на весь двор. Единственный человек, к которому Гаврилыч проявляет

почтительность, это Шарлотта. Он обращается к ней по имени-отчеству «Шарлотта Норбертовна» и только ей может доверить историю о том, как после жесточайшего сражения под Сталинградом он спустился к Волге, чтобы попить воды, и вдруг заметил невероятное спокойствие природы.

Il disait qu'il n'avait jamais vu auparavant un tel mélange de chars en flammes, de cadavres déchiquetés, de terre en sang. Le soir, sur cette colline, il était parmi une douzaine de survivants. Il est descendu vers la Volga, il mourait de soif. Et là, sur la rive, il a vu l'eau très calme, le sable blanc, les roseaux et les alevins qui ont jailli à son approche. Comme du temps de son enfance, dans son village [2. P. 276].

Это единственная правда, которую он может рассказать о войне. К такому же выводу приходит Иван Дмитриевич, главный герой первого романа А. Макина – «Дочь героя Советского Союза». Это ветеран Великой Отечественной войны, которому пришлось испытать многие ужасы. После войны в канун праздника 9 мая его часто приглашают в школу на открытые уроки, где Иван Дмитриевич рассказывает о страшных событиях тех дней. Он прекрасно знает реакцию детей на свои истории, но он не может рассказать им самого главного, того, как однажды после сражения он забежал в лес, чтобы напиться воды и в первый раз заметил спокойствие природы и отражение своего лица, которое ему кажется чужим.

S'il pouvait, il raconterait qu'après une terrible bataille, Ivan pénétra sous les arbres. Il aperçut une rigole étroite emplie d'une eau d'une limpidité vertigineuse. Il s'agenouilla et but avidement. Désaltéré, il aperçut son reflet, ce visage qu'il n'avait pas vu depuis si longtemps – ce jeune visage légèrement bleui par l'ombre de la première barbe, avec des sourcils décolorés par le soleil et des yeux terriblement lointains, étrangers. « C'est moi... – les mots se formaient lentement dans sa tête – Moi, Ivan Demidov... » [5. P. 57].

Появление пейзажа в романах А. Макина – не просто художественный прием или фон, на котором разворачиваются события. В этом случае автор действует так же, как романтики, превратившие пейзаж в «живого» персонажа, который ему интересен более, чем традиционный протагонист.

В романах Макина можно встретить и других героев Второй мировой войны: это Николай и Павел в «Реквиеме по Востоку», Григорий Львович Вольский в романе «Имя твоё неизвестно». Кроме

советских героев А. Макин описывает и героев Франции. Это дядя Шарлотты Винсент, который погибает во время первых сражений Первой мировой войны. В финале «Французского завещания» автор-рассказчик (Андрей Макин) читает фамилии павших героев на надгробьях.

Перечислением имен героев начинается и заканчивается сборник публицистических текстов *Cette France qu'on oublie d'aimer* (2006) (возможный перевод – «Франция, которую мы забываем любить»). В этом же произведении автор говорит и об участниках других войн. Так, отец Надин сражался за идеи, которые сегодня считаются неполиткорректными во Франции.

В романе «Имя твое неизвестно» (*La Vie d'un homme inconnu*, 2009) главный герой встречается пожилого человека, с которым никто не хочет разговаривать. Старик рассказывает ему о сражениях, которые разворачивались тут же на улице города:

Les rues du bourg se peuplèrent de personnages, à la fois humbles et héroïques. Les collines se réveillèrent sous le fracas des armes, se couvrirent de soldats [б. Р. 20].

И, наконец, главные персонажи романов «Земля и небо Жака Дорма» и «Страна лейтенанта Шребера» тоже совершают героические поступки на полях сражений Второй мировой, правда, героическое прошлое этих людей никого во Франции не волнует. Своей основной задачей А. Макин считает необходимость сохранить историческую правду, о чем он неустанно говорит не только в своей прозе, но и многочисленных интервью.

И все же основным «возвращающимся» персонажем всех произведений Макина становится сам рассказчик. Несмотря на то что судьбы главных героев, от лица которых ведется повествование, различны, их биографии во многом совпадают.

Первое, что их объединяет, это неясность происхождения и смутные воспоминания о своих родителях. Так, Алеша из «Французского завещания» помнит лиловый цвет и запах лавандовых полей. Он представляет, что родился на юге Франции. Лишь в самом конце романа он понимает, что родился в лагере заключенных в период весенней оттепели. Главный герой «Реквиема по Востоку» воспитывается в детдоме и только благодаря Саше узнает о своих родителях. Как и Алеша, он хранит неясные воспоминания о самых близких и родных людях. Главный герой романа «Имя твое

неизвестно» писатель Шутов, за которым угадывается сам Макин, также смутно помнит свое детдомовское детство.

Общим для биографии рассказчика и протагонистов является влияние, которое французская культура и язык оказывают на становление их мировоззрений.

Участие героев в вооруженных конфликтах в странах третьего мира тоже является объединяющим фактом. В сборнике *Cette France qu'on oublie d'aimer* автор, описывая события, которые происходили в пригороде Парижа, сравнивает их с теми, которые он видел в Анголе:

La dernière fois j'ai vu ça dans le sud-est de l'Angola, dans un conflit armé de grande échelle [7. P. 66].

Писатель Шутов в романе «Имя твое неизвестно» тоже вспоминает о своем участии в вооружённом конфликте.

Il fallait avoir beaucoup vécu jusqu'à cinquante ans, avoir beaucoup lu et étudié, avoir connu la misère et des succès fugaces, avoir même fait la guerre... [6. P. 9].

Главный герой «Реквиема по Востоку» работает под прикрытием в разных странах третьего мира: Эфиопия, Ангола, Афганистан: *...le quotidien des combats, le même sous tous les ciels avec sa monotonie de souffrances et de cruauté. L'Ethiopie, l'Angola, l'Afghanistan* [3. P. 30].

Главный герой «Исповеди павшего знаменосца» тоже воевал в Афганистане. Кроме того, все эти герои неизменно перебираются на постоянное место жительства во Францию, что предполагает наличие не только разных временных пластов, но и сравнения двух культурных кодов.

Все события, показанные в романах А. Макина, происходят в России или тесно с ней связаны. В книгах появляются многие исторические персонажи: президент Франции Феликс Фор, русский царь Николай II, Сталин, Берия, Горбачев и Путин. Даже под псевдонимом Габриеля Осмонда автор продолжает разрабатывать русскую тему, хотя представляется, что он выбрал себе новое имя именно для того, чтобы от русской темы уйти.

Все это позволяет Андрею Макину создать особый художественный мир. Он стремится дать широкую панораму жизни России и Франции, людей, живущих в этих странах. Второстепенные персонажи становятся главными и наоборот, а у читателя появляется ощущение единого эпического текста. Как в свое время

констатировал классик французской литературы XX века Ф. Мориак, в конце пути он неожиданно понял, что всю жизнь писал один большой роман, так и А. Макин, очевидно, имеет некий общий план единого художественного текста, когда каждый новый роман становится продолжением предыдущего.

Библиографический список

1. Грифцов Б.А. Психология писателя. М.: Художественная литература, 1988. 462 с.
2. Andreï Makine. Le Testament français. Mercure de France, 1995. 320 p.
3. Andreï Makine. Requiem pour l'Est. Mercure de France, 2000. 290 p.
4. Andreï Makine. Au temps du fleuve Amour. Le Félin, 1994. 209 p.
5. Andreï Makine La Fille d'un héros de l'Union soviétique. Laffont, 1990. 224 p.
6. Andreï Makine. La Vie d'un homme inconnu. Seuil, 2009. 300 p.
7. Andreï Makine. Cette France qu'on oublie d'aimer. Flammarion, 2006. 112 p.

Сведение об авторе

Лясков Павел Юрьевич
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы
и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: pliaskov@yandex.com

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.013.77:378.147:811

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Е.Н. Дмитриева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

М.Е. Гненик

*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород*

В статье изложены положения, раскрывающие понятие психологической безопасности, взаимосвязь психологической безопасности и психологического здоровья человека; приведены положительные факторы психологической безопасности образовательной среды вуза и факторы риска. Рассматривается индивидуально-дифференцированный подход как важнейший фактор психологической безопасности при обучении иностранному языку в вузе, приведены критерии уровневой дифференциации студентов, алгоритм действий педагога.

Ключевые слова: психологическая безопасность, психологическое здоровье, факторы риска, индивидуально-дифференцированный подход.

Ensuring Psychological Security in the Process of Teaching a Foreign Language at the University

Elena Dmitrieva, Marina Gnenic

The article presents principles of psychological safety, discusses the relationship of psychological safety and a person's psychological health, and specifies positive factors that ensure psychological safety within the university environment as well as potential risk factors. The author claims that differentiated instruction and individual approach are the most important factors that foster psychological safety in teaching a foreign language at the University, and proceeds to outline criteria for level-based differentiation of students and to describe algorithms of the teacher's behavior.

Key words: psychological safety, psychological health, risk factors, individual-differentiated approach.

Понятие психологической безопасности относится к ряду актуальных понятий, обозначающих отношения человека с социальным, природным и предметным миром, а также характеризующих внешние и внутренние условия его безопасной жизнедеятельности в различных средах. Психологическая безопасность справедливо признается учеными основополагающим фактором жизнеспособности человека (И.А. Баева, А.А. Деркач, Н.А. Лызь, В.П. Соломин, Т.В. Эксакусто и др.). Согласно общепринятой точке зрения, психологическая безопасность обеспечивает возможность самореализации человека, его полноценного развития, противостояния негативным влияниям.

Понятие психологической безопасности связано с понятием психологического здоровья человека. В качестве критериев психологического здоровья в научных трудах рассматриваются:

– психические процессы – адекватность психического отражения и самовосприятия, способность концентрации внимания и сохранения информации в памяти, способность к логической обработке информации, креативность и критичность мышления;

– психические состояния – эмоциональная устойчивость, свободное проявление чувств и их зрелость соответственно возрасту, способность сохранять самообладание при переживании негативных эмоций;

– свойства личности – адекватный уровень притязаний и самооценки, оптимизм, сосредоточенность и целеустремленность, уравновешенность, чувство долга, независимость, доброжелательность, активность, самоуважение и др. [1].

Согласно научным данным, психологическое здоровье составляет внутреннее, личностно-психологическое условие психологической безопасности. В то же время представления о психологической безопасности связаны с представлением о взаимодействии человека и мира, наличии или отсутствии гармонии в этом взаимодействии [2]. Психологическая безопасность предполагает динамический баланс отношений субъекта к миру, себе, другим людям. Такой баланс возникает при условии активного реагирования субъектом на внешние вызовы и внутренние потребности, что позволяет ему сохранять целостность, развиваться,

реализовывать собственные цели и ценности в процессе жизнедеятельности. Таким образом, понятие психологической безопасности определяет сложное многоаспектное явление, которое относится как к самому человеку, так и к разным областям его жизнедеятельности, в том числе – к обучению. Целью статьи является рассмотрение одного из значимых аспектов этого явления – обеспечение психологической безопасности в процессе обучения иностранному языку в вузе.

Актуальность поставленной цели связана с усложнением современной образовательной среды вуза, диктующей обучающимся новые условия и требования. Психологическая безопасность личности и внешних условий ее деятельности взаимосвязаны, составляют диалектическое единство [3]. Благоприятные условия (безопасная образовательная среда) положительно влияют на эмоциональное состояние обучающихся, переживание ими чувства безопасности, свободы, ценностного статуса, способствуют принятию себя как субъекта процесса обучения и, соответственно, обеспечивают повышение качества учебно-познавательной деятельности. Таким образом, достижение психологической безопасности студентов в учебном процессе вуза является насущной необходимостью.

С одной стороны, образовательная среда вуза отличается информационной насыщенностью, обеспечивает свободный доступ к учебной информации, предлагает средства для ее сохранения, обработки и передачи, предлагает разнообразные формы контактной и удаленной коммуникации. Кроме того, образовательная среда вуза отличается организационной упорядоченностью, предсказуемостью и позитивностью. В целом эти характеристики образовательной среды составляют благоприятные условия для обеспечения психологической безопасности в процессе обучения. С другой стороны, возникает необходимость овладения новыми средствами для работы с большими объемами информации, учебная коммуникация усложняется, растут требования к качеству и прочности результатов обучения, а также – к самостоятельности обучающихся, что при определенных обстоятельствах (отсутствие достаточной методической поддержки, нечеткость требований, перегрузки и т. д.) воспринимается как угрозы со стороны образовательной среды.

Исследование психологической безопасности связано с выявлением рисков и угроз, которые имеют место в образовательной среде в целом и в процессе обучения в частности [4]. В научных публикациях приводится множество факторов риска (угроз), обобщение которых позволяет выделить основные группы факторов: информационные факторы, связанные с содержанием обучения; предметные, связанные со средствами обучения и оборудованием процесса; организационно-педагогические, связанные с методами, технологиями обучения и дидактического общения; личностные, связанные с индивидуальными и личностными качествами участников процесса обучения. Отрицательный вектор этих факторов (избыточная или недостаточная информация, несистематизированное содержание обучения, игнорирование потребностей и особенностей обучающихся, авторитарный или манипулятивный стиль общения, отсутствие развивающих методов обучения, использование разных форм психологического насилия в дидактическом взаимодействии и т. п.) способствует появлению угроз в обучении. Такими угрозами являются: снижение уровня познавательной мотивации и результатов обучения, переживание эмоционального и интеллектуального дискомфорта и формирование на этой основе психологического неблагополучия субъектов, психотравма. По утверждению И.А. Басовой, основными критериями психологической безопасности образовательной среды выступает удовлетворенность основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающая референтную значимость среды и обеспечивающая психическое здоровье включенных в нее участников [5]. В соответствии с этим положением среди факторов обеспечения психологической безопасности в процессе обучения иностранному языку на первый план выходит организационно-педагогический фактор и, в частности, индивидуально-дифференцированный подход в обучении студентов вуза.

Вопросы теории и практики индивидуально-дифференцированного подхода в учебном процессе на разных уровнях образования активно разрабатываются с 60-х гг. XX в. до настоящего времени, первоначально – на материале школьного обучения (А.А. Бударный, А.А. Кирсанов, В.С. Мерлин, Е.С. Рабунский, И.Э. Унт и др.). В результате были выявлены

универсальные дидактические закономерности и определены базовые понятия индивидуально-дифференцированного подхода, справедливые для учебного процесса вуза. Его значение для обеспечения психологической безопасности связано с направленностью на учет и реализацию социально-типических и индивидуальных особенностей каждого обучающегося, развитие их активности и самостоятельности, а также способности преодолевать трудности во все усложняющейся учебно-познавательной деятельности. Это помогает значительно снизить риск переживания студентами ситуации неуспеха, тревожности, эмоционального дискомфорта.

Подобные негативные проявления возникают в результате противоречия, которое студенту трудно разрешить самостоятельно: между индивидуальными возможностями студентов и фронтальной организацией работы преподавателя. Игнорирование индивидуального подхода в обучении приводит к преобладанию ориентации преподавателя на некоторый средний уровень возможностей студента, что приводит к «усреднению» обучения. Могут возникать ситуации «перегрузки» или «недогрузки» в учебном процессе, что создает риск неудовлетворенности познавательных запросов студентов с разными возможностями. При этом имеет место риск и для преподавателя, к примеру, переживание нереализованности или избыточного эмоционально-психологического напряжения из-за опасения не успеть изучить материал со студентами. Возникающие в обучении противоречия могут превратиться в риски и трудности, снижающие уровень психологической безопасности в учебном процессе. Данная логика снижения психологической безопасности относится к действию всех факторов риска.

При условии использования индивидуально-дифференцированного подхода сохраняются задачи и нормативное содержание обучения. Индивидуализации подлежат формы организации обучения, объем и материал заданий, требования к отчетности, методы и приемы обучения. Эти компоненты приобретают дифференцированный характер в соответствии с особенностями обучающихся для минимизации рисков и угроз. Таким образом, следует признать продуктивным для обеспечения

психологической безопасности в обучении студентов вуза обоснованное еще в 1988 г. суждение Е.С. Рабунского [6] о соподчинении понятий «индивидуализация» и «дифференциация», в котором он утверждает дифференциацию обучения как дидактический механизм организации индивидуализированного учебного процесса.

Для осуществления дифференцированного процесса обучения иностранному языку в вузе целесообразно разделить обучающихся на группы по определенным критериям. Рассмотрим этот вопрос, опираясь на исследования индивидуально-дифференцированного подхода в обучении (Т.А. Аксенова, Н.М. Жукова, А.Н. Николаева, М.В. Сеницина, Л.В. Щерба и др.). Обобщение мнений ученых позволяет констатировать, что в качестве главных критериев дифференциации предлагаются следующие: познавательный интерес (отношение к учению); познавательные способности; уровень знаний (успеваемость). В содержании каждого критерия предлагается целый ряд индивидуальных показателей, суммируя которые можно составить представление об уровне обучаемости студентов – высоком, среднем или низком. Руководствуясь этими уровнями, можно выделить три основные группы обучающихся (например, высокий, средний, низкий), для которых продумываются три варианта дифференциации компонентов процесса обучения (методов, организационных форм, заданий и др.). Для осуществления индивидуально-дифференцированного подхода можно руководствоваться и иными критериями при определении групп обучающихся, в зависимости от того, действие какого фактора психологической безопасности необходимо актуализировать в конкретной ситуации обучения, – характер потребностей студентов (в познании, информации, общении, признании и проч.), интересы, особенности мышления, воли, организованность, самостоятельность и др. Применение такой уровневой типологии контингента обучающихся приводит многообразие особенностей студентов к некоторым общим показателям, позволяющим объединить их в небольшое количество динамичных подгрупп (уровней) для организации дифференцированной работы, обеспечивающей создание и поддержание психологической безопасности в процессе обучения.

Осуществление индивидуально-дифференцированного подхода для обеспечения психологической безопасности требует от преподавателя вуза выполнения определенного алгоритма действий:

- изучение личности студента, выявление индивидуальных и психологических особенностей;
- условное отнесение студента к подгруппе того или иного уровня;
- разработка дифференцированных компонентов процесса обучения и их последующая реализация;
- анализ результатов обучения с точки зрения обеспечения психологической безопасности.

В заключение отметим, что использование индивидуально-дифференцированного подхода является реальным фактором обеспечения психологической безопасности в процессе обучения иностранному языку. Данный подход способствует осуществлению и развитию личностных и познавательных потребностей, выступает условием эффективного осуществления развивающей функции обучения и, что особенно важно, обеспечивает поддержание и развитие показателей психологического здоровья студентов.

Библиографический список

1. Никифоров Г.С. Психология здоровья. СПб: Речь, 2002. 256 с.
2. Лызь Н.А. Безопасность человека в зеркале науки // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2004. № 1. С. 138–142.
3. Лызь Н.А. Развитие безопасной личности в образовательном процессе вуза: Монография. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. 305 с.
4. Эксакусто Т.В. Теоретические основы социально-психологической безопасности: Монография. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2010. 344 с.
5. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: Теоретические основы и технологии создания: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002. 386 с.
6. Рабунский Е.С. Теория и практика реализации индивидуального подхода к школьникам в обучении: Дис. ... д-ра пед. наук. Горький, 1988. 464 с.

Сведения об авторах

Дмитриева Елена Николаевна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры методики
преподавания иностранных языков,
педагогике и психологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: eldmitrieva@yandex.ru

Гненик Марина Евгеньевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Института экономики и управления
НГТУ им. Р.Е. Алексеева
E-mail: mgnenik@mail.ru

УДК 378.147:811.581

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРЕЧИЯ 都 (НА ПРИМЕРЕ ОШИБОК РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДНЕЙ И СТАРШЕЙ СТУПЕНИ)

Жань Лин, Н.В. Костенюк

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье проводится анализ и классификация наиболее типичных ошибок, которые допускают русскоязычные обучающиеся при употреблении наречия 都 в процессе изучения китайского языка, а также даются практические рекомендации по предупреждению их появления в иноязычной речи. На основе структурного критерия классификации мы разделили их на три группы: опущение наречия 都, синтаксические ошибки, связанные с неправильным порядком слов (ошибки последовательности), и избыточное употребление наречия, или плеоназм (лишнее в предложении).

Ключевые слова: китайский язык, речевая ошибка, наречие 都.

Typical Mistakes in Using the Adverb 都 by Russian-Speaking Intermediate and Advanced Students of Chinese **Zhan Ling, Nadezhda Kostenyuk**

The authors of the article analyze and classify the most common mistakes that Russian-speaking students make using the adverb 都 in the process of learning the Chinese language, and give practical recommendations for preventing the occurrence of such mistakes in speech. Based on their structural classification, the mistakes are divided into three groups: omission of the adverb 都, syntactic mistakes associated with incorrect word order (sequence mistakes), and excessive use of the adverb, or pleonasm (superfluous in the sentence).

Key words: Chinese, typical error, adverb 都.

В процессе обучения иностранному языку обучающиеся нередко строят предложения, опираясь на грамматические конструкции и синтаксические правила родного языка, в связи с чем появляются речевые ошибки. Грамматика русского языка, безусловно, отличается от грамматики китайского языка, где грамматические отношения выражаются с помощью порядка слов. К тому же нормы синтаксиса русского языка допускают вариативное размещение подлежащего, сказуемого, обстоятельства, что противоречит законам китайского языка с его строгим порядком слов в предложении. В данной статье мы рассмотрим наиболее типичные ошибки в употреблении наречия 都 в современном китайском языке,

которые допускают русскоговорящие студенты. Именно знание ошибок и выявление причин их появления помогают правильно осуществлять коррекцию, а также предупреждают их появление в иноязычной речи, что имеет большое значение для повышения качества и эффективности обучения. Следует отметить, что 都 является одним из наиболее употребительных наречий в китайском языке, а его смысловые значения и функции крайне разнообразны; поэтому при употреблении наречия 都 в речи у студентов часто возникают трудности в понимании значения и правильной постановке наречия в предложении. Проанализировав ошибки, допущенные студентами в устных и письменных работах, мы попытались их классифицировать, выявить причины их появления, а также найти пути их устранения.

В процессе обучения русскоговорящих студентов обнаружилось, что имеют место три типа ошибок, которые можно разделить на высокую и низкую степень допущения. На основе структурного критерия классификации языковых ошибок [1] мы разделили их на три группы: самые распространенные ошибки – это опущение наречия 都, далее следуют синтаксические ошибки, связанные с неправильным порядком слов (ошибки последовательности), и, наконец, избыточное употребление наречия, или плеоназм (лишнее в предложении).

1. Ошибки, связанные с опущением наречия 都.

Отсутствие наречия 都 – самая распространенная ошибка у русскоговорящих студентов. В результате анализа письменных домашних работ, а также устных ответов студентов было выявлено, что эта ошибка имеет самый высокий показатель – 38,3 %. На наш взгляд, причина, по которой в данном случае упускается наречие, связана с тем, что в предложениях пропущены некоторые составные части или слова. Таким образом, пропуск наречия вызван отсутствием других компонентов, фиксировано связанных с 都.

1.1. Область пропуска наречия 都. Следует отметить, что 都 может употребляться в различных значениях (*всё, всего, итого, вообще, в целом все, везде, всегда*; в отрицательных предложениях: *нисколько, никак, ничуть, ни в какой мере, совсем (не)*; и др. [2]) – перевод зависит от контекста и от места наречия в предложении. Если

в русском языке местоимение «все» может выполнять функции определения, подлежащего или дополнения, то в китайском 都 – это наречие, абсолютно не совпадающее с русским «все» с точки зрения использования [3]. Итак, рассмотрим наиболее распространенные примеры пропуска наречия.

1. 我们班的同学差不多都来了。Wǒmen bānde tóngxué chàbùduō dōu lái le. Наши одноклассники практически **все** пришли.

2. 每个星期一他都迟到。Měigèxīngqīyī tā dōu chídào. Каждый понедельник он (**всегда**) опаздывает.

3. 不管明天天气好不好，我都要去公园。Bùguǎn míngtiān tiānqì hǎo bù hǎo, wǒ dōu yào qù gōngyuán. Независимо, какая завтра будет погода, я (**все равно**) должен идти в парк.

4. 我们谁都不知道马克西姆在哪里。Wǒmen shéi dōu bù zhīdào Mǎkèxīmǔ zài nǎlǐ. Никто из нас не знает, где Максим.

5. 你都去过中国的哪些地方? Nǐ dōu qùguò Zhōngguó de nǎxiē dìfāng. В Китае ты (**вообще**) был в каких местах?

6. 他的哥哥姐姐都是老师。Tāde gēgē jiějie dōu shì lǎoshī. Его старший брат и старшая сестра **оба** учителя.

7. 我们都为他的成功感到高兴。Wǒmen dōu wèi tāde chénggōng gǎndào gāoxìng. Мы **все** рады за его успех.

Когда в предложении присутствуют такие слова, как 每 měi каждый, 各 gè каждый, 所有 suǒyǒu все, то 都 dōu относится к глаголу, который следует за ним, образуется грамматическая конструкция. Например:

8. 我们班所有同学都参加了比赛。Wǒmen bān suǒyǒu tóngxué dōu cānjiā le bǐsài. **Все** ученики нашей группы приняли участие в соревновании.

Причина, по которой студенты допускают такие ошибки, вызвана отрицательным переносом или интерференцией [4. С. 77]. Отрицательный перенос подразумевает под собой перенос грамматических правил из родного языка на язык изучаемый, что мешает освоению последнего, т. е. умения и навыка, сформировавшиеся в родном языке, отрицательно влияют на формирование умений и навыков в иностранном языке. В процессе усвоения учащимися явлений, грамматических конструкций, чуждых родному языку, при правильно выработанной стратегии подачи

языкового материала интерферирующее влияние родного языка постепенно ослабевает.

Ситуация с отрицательным переносом наблюдается при употреблении слов 每 *каждый* и 各 *каждый, все*. Если русскоязычный обучающийся сталкивается с 每 и 各, то он исходит из смыслового значения данных слов в родном языке, тогда как в китайском они употребляются в разных контекстах [5. С. 19]. Подобные случаи неправильного использования этих слов являются достаточно распространенными.

Однако, с другой стороны, существует и положительный перенос, при котором связи между **одинаковыми** языковыми явлениями устанавливаются достаточно быстро и прочно, поэтому в некоторых случаях преподаватель должен постараться подобрать такой вариант перевода, который был бы максимально приближен к родному языку.

9. 每次大扫除他都迟到。Měicì dàsǎochú tā dōu chídào. Каждый раз как генеральная уборка, он (**тут же**) опаздывает.

Данный пример можно перевести следующим образом: «Он каждый раз опаздывает на генеральную уборку» или «Каждый раз как генеральная уборка, он (**тут же**) опаздывает». Последний вариант перевода дает учащемуся возможность лучше понять и осмыслить данное предложение.

Очень часто происходит пропуск наречия в конструкциях с союзами 不管 *bùguǎn*, 不论 *bùlùn*, 无论 *wúlùn*, которые могут переводиться на русский язык как *неважно*. Нужно запомнить, что в подобных предложениях 都 относится к глаголу, который следует за ним.

10. 不论做什么事, 她都非常认真。Bùlùn zuò shénme shì, tā dōu fēicháng rènzhēn. Неважно, каким делом она занята, она **всегда** очень серьезная.

11. 不管你回不回来, 都给我来个电话。Bùguǎn nǐ huí bù huí lái, dōu gěi wǒ lái gè diànhuà. Неважно, вернешься ты или нет, **все равно** позвони мне.

Когда в предложении присутствуют вопросительные местоимения 谁 *кто*, 什么 *что*, 怎么 *как*, 多少 *сколько*, 哪儿 *где, куда*, 哪 + счетное слово, то после них нужно использовать 都 или 也

для «согласования», чтобы подчеркнуть, что сказанное относится ко всем без исключения. Например:

12. 什么东西都搞明白了以后再走。Shénme dōngxī dōu gǎo míngbáile yǐhòu zài zǒu. Все разобрались в этих вещах и позже снова придут.

13. 谁都可以参加今天的舞会。Shéi dōu kěyǐ cānjiā jīntiānde wǔhuì. Каждый может принять участие в сегодняшних танцах.

Причина того, что русские студенты зачастую делают ошибки в подобных предложениях, главным образом заключается в отсутствии полного понимания правила, что проявляется в неверной постановке **都** [6]. Относительно последнего примера обучающимся необходимо запомнить, что в данном случае **都** употребляется в неразрывной связке с вопросительными местоимениями **谁, 什么, 怎么, 多少** и т. д.

Однако, если в вопросах вопросительные местоимения ставятся после **都**, то в ответах на эти вопросы **都** использовать нельзя.

Например:

14. 问: 你**都**去过哪儿? Nǐ dōu qùguò nǎr?

答: 我去过北京、上海、深圳等地方。Wǒ qùguò Běijīng, Shànghǎi, Shēnzhèn děng dìfāng.

Вопрос: Ты где **уже** побывал?

Ответ: Я побывал в Пекине, Шанхае, Шэньчжэне и других местах.

15. 问: 老王刚才**都**说了些什么? Lǎo Wáng gāngcái dōu shuōle xiē shénme?

答: 老王问我什么时候回老家。Lǎo Wáng wèn wǒ shénme shíhòu huí lǎo jiā.

Вопрос: Что только что сказал ЛаоВан?

Ответ: ЛаоВан спросил меня, когда я вернусь домой.

1.2. Опущение наречия времени 都. Приведем примеры опущения **都**, в которых оно выступает в значении наречия времени *уже*.

1. 开学了, 你的假期作业怎么还没写完? ×

都开学了, 你的假期作业怎么还没写完? Dōu kāixué le, nǐde jiǎqī zuòyè zěnmé hái méi xiěwán? **Уже** начались занятия, ты почему еще не дописал задание на каникулы?

2. 你工作了，不能再要爸爸妈妈的钱了。×

你**都**工作了，不能再要爸爸妈妈的钱了。Tǐ dōu gōngzuò le, bù néng zài yào bàbà māmāde qián le. Ты **уже** начал работать и не должен просить деньги у мамы и папы.

3. 这话说，还能怎么办？×

这话**都**说了，还能怎么办？Zhè huà dōu shuō le, hái néng zěnmē bàn? **Уже** все сказал, ну как еще поступить?

Когда **都** совпадает по значению с наречием времени **已经** (*уже*), то в конце предложения обычно ставится **了** и используется как одно целое, формируя конструкцию **都...了**. Вышеуказанный тип предложения выражает какие-либо изменения в прошлом или появление нового состояния. Кроме того, употребляя частицу **了**, говорящий подчеркивает особенности данной ситуации или говорит в необычном тоне. Стоит пояснить, что, несмотря на то, что конструкция **都...了** выражает экспрессию, эмоционально-субъективное отношение говорящего к событию, она по-прежнему несет в себе значение наречия времени **已经** (*уже*). Такое объяснение, на наш взгляд, является доступным и простым для понимания.

1.3. Опущение модального наречия **都**.

我最近很忙，连星期天不能休息。×

我最近很忙，连星期天**都**不能休息。Wǒ zuìjìn hěn máng, lián xīngqītiān dōu bùnéng xiūxi. В последнее время я очень занят, **даже** в воскресенье совсем не могу отдохнуть.

В середине предложения **都** выступает в качестве модального наречия времени и совпадает по значению с **甚至** (*вплоть до того, что даже*), а также употребляется с **连** (*даже*), образуя устойчивую конструкцию **连...都/也** (*даже*) [7]. В семантике вышеуказанных предложений выражается подчеркивание, в то же время данная модель передает своего рода неожиданный тон речи; обычно предложения такого типа имеют скрытый смысл. Мы лишь рассмотрим приведенный пример. В вышеуказанном предложении используется **连星期天都不能休息** (*даже в воскресенье совсем не могу отдохнуть*), подчеркивается **我最近很忙** (*в последнее время я очень занят*), делается намек на то, что даже выходные подобны будням.

2. Ошибки последовательности расположения 都.

Ошибки, заключающиеся в неправильной последовательности расположения элементов, также нередки. Например:

1. 都学生去上课了。 ×

学生都去上课了。 Xuéshēng dōu qù shàngkè le. Студенты уже отправились на урок.

2. 今天放假， 都同学们去公园了。 ×

今天放假， 同学们都去公园了。 Jīntiān fàngjià, tóngxuémen dōu qù gōngyuán le. Сегодня начинаются каникулы, все студенты отправились в парк.

3. 你们都学习汉语， 我们都也学习汉语。 ×

你们都学习汉语， 我们也都学习汉语。 Nǐmen dōu xuéxí hànyǔ, wǒmen yě dōu xuéxí hànyǔ. Вы все учите китайский, мы тоже все время учим китайский.

4. 刚一下课， 同学们都就跑出去了。 ×

刚一下课， 同学们就都跑出去了。 Gāng yíxiàkè, tóngxuémen jiù dōu pǎochūqù le. Урок только закончился, а студенты уже выбежали.

5. 大家为他学习上的进步都感到高兴。 ×

大家都为他学习上的进步感到高兴。 Dàjiā dōu wèi tā xuéxí shàngde jìnbù gǎndào gāoxìng. Все обрадовались его успехам в учебе.

Из приведенных примеров видно, что, во-первых, субъект или объект, который обобщает 都, должен ему предшествовать. Во-вторых, если в предложении присутствуют другие наречия, например 也 или 就, то 都 нужно ставить после них. И, наконец, если в предложении употребляется предложная конструкция (см. пример 5), то 都 ставится перед ней.

3. Плеоназмы или лексические ошибки, связанные с лишним добавлением наречия 都.

Под ненужным добавлением подразумевается речевое излишество, при котором происходит дублирование некоторого элемента смысла, т. е. обучающиеся допускают логическую смысловую ошибку. Например:

1. a) 玛莎和萨沙是俄罗斯人。 √

Маша и Саша русские.

b) 玛莎是俄罗斯人， 萨沙是俄罗斯人。 √

(то есть) Маша русская и Саша русский. В данном контексте добавление 都 логически верно, так как они оба русские.

с) 玛莎和萨沙都是俄罗斯人。√

Следующий пример четко демонстрирует логическую смысловую ошибку:

2. а) 玛莎和萨沙是同学。√

Маша и Саша одноклассники.

б) 玛莎是同学, 萨沙是同学。×

Маша одноклассница, и Саша одноклассник. Уже при переводе на русский становится понятно, что Маша не может быть просто одноклассницей (без дополнения; например, чья одноклассница), поэтому в следующем предложении употребление 都 ошибочно:

с) 玛莎和萨沙都是同学。× Маша и Саша оба одноклассники.

Приведем еще пример:

3. а) 我和我的妻子都住在俄罗斯。×

б) 我和我的妻子住在俄罗斯。√ Я и моя жена живем в России.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что обучающиеся должны усвоить следующие основные моменты:

- 都 несет обобщающее значение – *все, всегда, везде*;
- его обобщающее значение может распространяться как на подлежащее, так и на сказуемое (зависит от позиции в предложении);
- общим объектом также могут быть любые вопросительные местоимения;
- 都 образует ряд устойчивых грамматических конструкций.

Таким образом, при изучении наречия 都 студенты сталкиваются с целым рядом спорных моментов. Задача преподавателя – во-первых, донести до обучающихся все оттенки смыслов 都, объяснить особенности грамматических конструкций, которые вызывают трудности. Также необходимо своевременно исправлять ошибки, допускаемые в устной речи, в противном случае у студентов может выработаться привычка не заострять внимание на подобных вопросах. Наконец, правильно подобранный дидактический материал снижает языковую интерференцию родного языка, что имеет большое значение для повышения качества и эффективности обучения.

Библиографический список

1. Мильруд Р.П., Кондакова Н.Н. Теории ошибок в методике обучения иностранному языку // Электронный ресурс Интернет: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-oshibok-v-metodike-obucheniya-inostrannomu-yazyku>.
2. Китай и китайский язык для профессионалов и любителей // Электронный ресурс Интернет: <https://bkrs.info/>.
3. Дай Сюэмэй. 300 грамматических правил. М., Вост.-Зап. 2008. 75 с.
4. 周小兵;王宇;; 与范围副词“都”有关的偏误分析[J]; 汉语学习; 2007年01期. 共98页, 第71-76页 (Чжоу Сяопинь, Ван Юй. Юйфэньвэй фусы “доу” югуаньдэ пяньвуфэньси Ханьюй сюеси. 2007. 98 с.).
5. Лян Цуйчжень. Синонимы и синонимичные словосочетания в современном китайском языке: Методика использования. Учебное пособие. Спб.: Антология, 2013. 128 с.
6. 解燕勤; 留学生学习汉语副词“都”的偏误分析及思考[J]; 昆明师范高等专科学校学报; 2005年01期. 共86页, 第68-69+75页 (Се Яньцин. Люсюешэн сюеси ханьюй фусы “доу” дэ пяньвуфэньси цзи сыкао, КуньМиншифэнь гаодэн чжуанькэ сюебао. 2005. 86 с.).
7. 吕叔湘. 现代汉语八百词 [M]. 北京: 商务印书馆, 1994. 共760页, 第177页. (Люй Шусян. Сяньдайханьюйбабайцы. БэйЦзин: Шанвуиньшугуань, 1994. 760 с.).

Сведения об авторах

Жань Лин

ассистент кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ranling_2006@qq.com

Костенюк Надежда Васильевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nkudrash@mail.ru

УДК 378.147:811

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (МЛАДШИЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ)

О.П. Королева, Н.В. Коробова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается схема анализа художественного текста на практических занятиях по изучению иностранного языка. Разбор художественного произведения осуществляется по следующим ключевым пунктам: сюжет, характеристика персонажа (протагонист и антагонист), позиция автора в тексте, воздействие на аудиторию и авторские приемы влияния на нее, главная идея, используемые в тексте фигуры речи. Анализ художественного произведения представлен в рамках требований по данному виду работы на уроках по практике иностранного языка (младший этап обучения).

Ключевые слова: составные элементы сюжета, персонажи произведения, главная идея, точка зрения автора, стилистические приемы, тема, фигуры речи.

A Methodology for Interpreting Literary Texts (Undegraduate Level, 1 and 2 year) Olga Koroleva, Natalia Korobova

The article presents an outline for interpreting a work of fiction in the context of a college-level foreign language classroom. The outline meets all the requirements specified in the undergraduate curriculum for foreign language instruction (first and second year) and contains the following key points: plot, character analysis (of both the protagonist and the antagonist), the author's position in the text; the text's impact on the reader and how the author achieves it; the main idea; and figures of speech used in the text.

Key words: plot elements, characters of a work, main idea, author's point of view, stylistic devices, theme, figures of speech.

Интерпретация художественного текста представляет собой одну из базовых составляющих в работе над разговорной речью студентов по дисциплине «Практический курс иностранного языка». Анализ и обсуждение текстов из художественной литературы английских и американских авторов способствует эффективному формированию навыков говорения, особенно у студентов младшего этапа обучения.

В современной методологии существует достаточно большое количество способов и вариантов разбора текста на уроках по практике английского языка, однако хотелось бы обратить внимание преподавателя высшей школы на подробную структуру анализа

художественного произведения, разработанную автором на уроках по практике английского языка как иностранного.

Актуальность данного исследования заключается в детальном рассмотрении текстового разбора на практических занятиях по английскому языку. Использование описанной схемы анализа представляется весьма полезным материалом для преподавателей высшей школы, поскольку здесь на базе всех необходимых терминов и их подробного рассмотрения показана вся структура анализа художественного текста.

В настоящей статье предлагается рассмотреть и проанализировать схему разбора художественного произведения по следующим ключевым пунктам: сюжет, характеристика персонажа, позиция автора в тексте, воздействие на аудиторию и авторские приемы влияния на нее, главная идея, используемые в тексте фигуры речи.

Первым этапом разбора выступает сюжетная линия и ее характеристика по ключевым элементам: экспозиция, основная движущая сила, конфликт, события, предшествующие кульминации, сама кульминация, события, последующие за кульминацией, исход. Сюжет является так называемым «ядром рассказа», вокруг которого концентрируются все события. Как правило, в тексте наличествует одна центральная сюжетная линия, в которой неизбежно присутствует конфликт того или иного типа. Рассмотрим все составляющие сюжета подробно.

Под экспозицией или изложением понимается описание персонажей с их биографическими данными, а также место и время происходящих в рассказе событий. Здесь детализируются местонахождение героев истории, погода, описание времени года, включая природные явления. Упоминаются также идеи, верования, обычаи и традиции, ценности того социума, который выступает фоном изложенных событий в конкретный период времени. В анализ экспозиции включены основные события, которые происходят с героями в самом начале повествования. Это тот момент, когда читатель впервые встречается с действующими персонажами и наблюдает за их поведением и взаимоотношениями друг с другом.

Под движущей силой в рассказе рассматриваются события или герой, которые выступают в качестве запускающего механизма для

развития конфликта, без которого обычно не может существовать сюжет.

В основе конфликта лежит противостояние, которое может быть квалифицировано по следующим типам.

Противопоставление человека человеку. Здесь герой как отдельная личность находится в конфронтации с другим человеком, противопоставляет его принципам, интересам или жизненной позиции.

Противопоставление человека природе. В данном конфликте или «стычке» человека с природной силой проявляется ничтожность отдельно взятой человеческой жизни в противовес космической силе природных явлений. Стихии природы как бы бросают вызов силе и желанию человека жить.

Противопоставление человека сверхъестественным силам. Человек или группа людей находятся в конфликте с чем-то, что имеет сверхъестественное, необъяснимое никакими традиционными способами происхождение. Подобный конфликт мы наблюдаем в произведении американского писателя Вашингтона Ирвинга «Дьявол и Том Уокер»: главный герой и его жена оказываются вовлеченными в сделку с дьяволом [1].

Противопоставление человека обществу. В конфликте между человеком и социумом, в котором он живет, бросается вызов установленным в данном обществе правилам, ценностям и традициям. Когда убеждения героя расходятся с устоявшимися обычаями и верованиями, его ожидает либо безвременная кончина, либо сочувствие социума, либо, возможно, его личное переосмысление общественных устоев и в конечном итоге примирение с ними.

Противопоставление человека самому себе. Речь идет о внутреннем конфликте, когда другие лица в него не вовлечены. В данном случае человек сам себе враг. Характерно, что внутренний конфликт персонажа является хорошей проверкой для определения его системы ценностей в жизни.

Следующим этапом анализа в рамках экспозиции будет описание предшествующих кульминации текста событий, в основе которых и лежит конфликт из рассмотренных выше вариантов. Когда напряжение в конфликте достигает своей высшей точки, можно говорить о кульминации. Кульминация автоматически наступает при

прохождении самого драматического момента событий или состояний героя произведения.

Непосредственно за кульминацией следуют события, которые представляют собой исход кульминации, ее следствие и результаты. В свою очередь они предваряют развязку истории. Как правило, в развязке имеют место изменения в жизни одного или более героев, сопровождающиеся более глубоким проникновением и пониманием их личной природы, характера и поведения.

На стадии описания героев произведения необходимо обратить внимание на такие понятия, как динамический персонаж и статический персонаж. Речь идет о наличии перемен в характере или поведении героя на протяжении всей истории. Если таковые наблюдаются в жизни обсуждаемого героя, то его можно отнести к категории динамических персонажей. В противном случае мы говорим о статических героях, которые большей частью оказываются среди второстепенных действующих лиц, выполняющих незначительную роль в ходе истории и не меняющиеся на всем ее протяжении. Наличие второстепенных героев приобретает особую значимость в их взаимоотношении с главным персонажем, в этом случае они могут выступать в качестве фона или создавать контраст для протагониста.

Дальнейшим шагом в смысловой интерпретации текста идет выявление типа рассказчика, который может быть представлен в четырех вариациях, а именно: от первого лица, от третьего лица в качестве стороннего зрителя или наблюдателя, рассказчик с «неполным восприятием» героев, всеведущий рассказчик. Представляется необходимым остановиться подробнее на выделенных типах рассказчика, поскольку от его правильной идентификации зависит понимание главной идеи рассказа.

Рассказчик от первого лица – это персонаж произведения, который описывает события исключительно через свою призму восприятия событий и делится с читателем только личными мыслями и чувствами. Он не может ни говорить, ни думать за других персонажей. Интересно, что данный вид рассказчика имеет три подвида: протагонист, которому можно доверять; рассказчик, пересказывающий чью-то историю; «ненадежный» рассказчик, с

пристрастием дающий информацию, которая по большей части не является правдой.

Особый интерес вызывает классификация типов рассказчика от третьего лица, поэтому остановимся на ней подробнее. Рассказчик от третьего лица с объективным взглядом на происходящие события и персонажей может излагать только то, что видит и слышит, без добавления своего мнения или отношения. Он передает события, которые происходят на протяжении всего повествования, но не может сообщать читателю мысли героев, потому что это уже будет субъективное восприятие. Рассказчик от третьего лица второго типа представляет собой стороннего наблюдателя, не вовлеченного в сюжетную линию, однако способного заглянуть в мысленные потоки одного из героев. И, наконец, третий вид рассказчика владеет полной информацией в отношении мыслей и поступков всех героев произведения.

Не всегда на практических занятиях студенты оперируют рассмотренными выше терминами. Представляется целесообразным вводить данные понятия при анализе художественных произведений, поскольку это способствует более глубокому пониманию главной идеи текста и, безусловно, развивает логическое мышление студентов, формирует их навыки осмысления сюжета и поступков героев, помогает лучше разбираться в мотивах их поведения.

Так, например, понятия *tone* и *mood* дают более широкую картину понимания авторского посыла. Дело в том, что тон произведения показывает отношение писателя (скрытое или явное) к сюжетной линии. Авторская позиция может быть как пессимистичной, так и оптимистичной, а также юмористичной, печальной, горькой, радостной, искренней или серьезной. Все эти настроения передаются при помощи соответствующего набора слов и деталей в изложении происходящих событий.

Понятие *mood* приравнивается к понятию «атмосфера», которая как бы пронизывает излагаемые события. Достигается она специальным авторским подбором места и времени, объектов, деталей, образов и, конечно, языка героев. Все это способствует созданию необходимого микроклимата, вызывающего разнообразие чувств и эмоций у читателя. Так, писатель может создать ауру

тайнственности и секретности вокруг персонажа или места его нахождения, при этом относясь к нему с иронией или юмором.

На этапе обсуждения главной идеи произведения следует обратить внимание на пять способов ее передачи, которая может быть либо эксплицитной, либо имплицитной. Рассмотрим эти способы обширно.

- ***Feelings.*** Чувства и эмоции читателя. Читатель понимает идею текста за счет тех переживаний, которые он сам испытывает по отношению к героям и происходящим с ними событиям. Разделяя чувства персонажа, читатель неизбежно разделяет и мысли в его голове, возможно, также и взгляды на жизнь.

- ***Conversations.*** Посыл произведения передается через мировоззрение героев и их разговоры. Автор прибегает к неоднократно повторяющимся мыслям персонажа с целью передачи основной идеи и дальнейшего постепенного формулирования ее самим читателем.

- ***Characterization.*** Действующие лица истории. Как правило, через главного героя писатель иллюстрирует тему рассказа. Задавая себе вопрос о том, чему научился протагонист в истории, какие уроки вынес из происходящих с ним событий, можно понять авторский замысел.

- ***Actions.*** Персонажи рассказа выражают свои мысли и чувства главным образом через поступки. Действия могут быть говорящими и передавать тему произведения.

- ***Imagery.*** Лейтмотив произведения гармонично вплетается в языковое оформление текста. Кроме того, язык рассказа служит также эстетическим целям, которые преследует автор.

В свете языкового оформления текста целесообразно остановиться немного подробнее на самых часто встречающихся фигурах речи. Когда имеет место сравнение, мы имеем дело с образностью. Студент на начальном этапе обучения должен быть знаком со следующими основными литературными приемами: сравнение, метафора, аллитерация, олицетворение, звукоподражание, гипербола.

В процессе анализа языковых средств, к которым апеллирует писатель, необходимо отдельно остановиться на иронии, где истинный смысл скрыт или противоречит явному смыслу. Ирония

должна создавать ощущение того, что предмет обсуждения не таков, каким он кажется. Примечательно, что при разборе художественного текста иронию можно классифицировать по трем видам: вербальную – на уровне слов; ситуационную – в рамках эпизода; художественную – на уровне повествования, когда читатель владеет большим, чем действующие лица, объемом информации [2].

Таким образом, рассмотрев в статье все ключевые стадии интерпретации текста, хотелось бы привести в качестве наглядного примера сочинение-анализ рассказа *Beyond the Shadow of a Doubt* [3], которое было написано студентом первого курса на уроке по практике английского языка. Настоящий анализ позволяет увидеть в действии фрагмент описанной в статье схемы по работе с текстом. По этическим соображениям и просьбе студента авторы не называют его персональные данные.

The story entitled “Beyond the Shadow of a Doubt” written by Alan Maley is an ironic cautionary tale about jumping to conclusions without thinking over the situation.

The author employs irony to implicitly tell the moral of the story. The title of the story itself “Beyond the Shadow of a Doubt” is already connected to the final events of the text, where a mere silhouette of a woman made the protagonist doubt the impeccable reputation of her date. Another aspect of the irony of the described situation is shown by the fact, that the girl was in the wrong, yet she accused her boyfriend of wrongdoing and betrayal. Meanwhile, she was the one who was the wrongdoer – she came an hour earlier and then didn’t even give a chance to her friend to explain himself. This appeals to irony because the reality of the situation was the exact opposite of the perspective of the main character. The readers comprehend this and are supposed to learn a good lesson from it.

In conclusion, the author created a short story portraying ironic decision making which leads to the wrong conclusions. The writer does that to teach the audience that one should think of their actions first before jumping to conclusions and making unjust accusations.

Итак, в статье была представлена структура смыслового анализа художественного текста на практических занятиях по изучению иностранного языка. Безусловно, она может быть принята к сведению преподавателями разных иностранных языков. Ценность материала

видится в представлении художественного текста в расширенных рамках касательно этапов, терминов и объема. Дело в том, что нечасто на уроках по анализу художественных произведений студент следует рассмотренной в настоящей работе схеме, в то время как обращение к ней помогает ему адекватно воспринимать анализируемый текст и понимать коммуникативную интенцию автора. Чтобы раскрыть смысл художественного произведения в полной мере, необходимо соответствующим образом его интерпретировать. На основе сделанной студентом интерпретации преподаватель может оценить степень и глубину понимания текста студентом. В процессе анализа художественного произведения студент находит точки соприкосновения между своей и авторской картиной мира и, как следствие, более глубоко осмысливает прочитанное.

Библиографический список

1. Вашингтон И. Дьявол и Том Уокер // Американская романтическая повесть: сборник. М.: Прогресс, 1978. С. 41–72.
2. Королева О.П. Ирония как один из способов контроля вербальной агрессии // Сборник научных трудов «Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности». 2012. Вып. 7. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. С. 124–129.
3. Maley A. Beyond the Shadow of a Doubt // Musical Cheers and Other Very Short Stories. L.: Penguin Books, 1997. P. 20–21.

Сведения об авторах

Королева Ольга Петровна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка
переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: queeno19@mail.ru

Коробова Наталья Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка
факультета английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nataliekorobova2017@inbox.ru

УДК 378.147:811.521:004.738.5

ПОРТФОЛИО В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА

Ю.Ю. Панченко, П.М. Кузнецова, О.А. Дубовская

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В настоящей статье рассматриваются основные принципы реализации технологии портфолио в социальной сети *Instagram* для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата. Формулируются механизмы организации как индивидуального, так и группового электронного языкового портфолио. Анализируется опыт внедрения подобных портфолио в процесс обучения японскому языку студентов бакалавриата по направлению подготовки 41.03.01 – «Зарубежное регионоведение», профиль «Азиатские исследования (Восточная Азия, Япония)», а также его результаты.

Ключевые слова: технология портфолио, метод проектов, иноязычная коммуникативная компетенция, информационная компетенция, социальные сети.

Electronic Language Portfolios in Social Networks as a Tool for Building the Communicative Competence of Undergraduate Students Yury Panchenko, Polina Kuznetsova, Olga Dubovskaya

The article deals with basic principles of implementing portfolio technologies within the Instagram social network for building the communicative competence of undergraduate students. The authors describe mechanisms of organizing individual and group electronic portfolios and discuss ways of implementing such portfolios in the process of teaching Japanese to undergraduate students majoring in Asian studies.

Key words: portfolio technology, method of projects, foreign-language communicative competence, electronic competence, social networks.

В рамках процесса внедрения электронных технологий в образовательную среду вуза интересным представляется исследование возможностей переноса традиционных заданий и форм работы в виртуальное пространство. Одной из образовательных технологий, активно применяемых в обучении иностранным языкам, является технология портфолио. Исследователями [1] отмечается существование в педагогической науке различных точек зрения на определение портфолио. Мы будем понимать под ним «форму и способ организации (коллекция, отбор и анализ) образцов и

продуктов учебно-познавательной деятельности обучаемого, а также соответствующих информационных материалов из внешних источников (одноклассников, учителей, родителей, тестовых, общественных организаций), предназначенных для последующего их анализа, всесторонней количественной и качественной оценки уровня обученности данного учащегося и дальнейшей коррекции процесса обучения» [2. С. 233].

Среди важнейших принципов технологии портфолио С.В. Титовой перечисляются следующие [3. С. 159]:

1. Самооценка результатов (промежуточных, итоговых) овладения определёнными видами познавательной деятельности, отражающая:

- особенности той или иной предметной области знания в соответствии с программой обучения (на разных уровнях обучения);
- умения обучающегося самостоятельно принимать решения в процессе познания, прогнозировать последствия этих решений;
- особенности коммуникативной способности обучающегося (участие в дискуссии, диалоге, умение аргументировать свою позицию, доходчиво и лаконично объяснить материал другому ученику).

2. Систематичность и регулярность самомониторинга.

3. Структуризация материалов портфолио, логичность и лаконичность всех письменных пояснений.

4. Аккуратность и эстетичность оформления портфолио.

5. Целостность, тематическая завершённость представленных в портфолио документов.

6. Наглядность и обоснованность презентации портфолио.

Следует отметить, что современные социальные сети обладают значительным потенциалом для организации портфолио обучающимися, в котором реализуются все приведённые принципы. Действительно, создавая собственный профиль в социальной сети, обучающиеся получают возможность наполнять его личностно значимой информацией на изучаемом иностранном языке и вследствие этого проследивать собственный путь в изучении иностранного языка. За счёт наличия постоянного доступа в социальную сеть (например, с мобильных устройств) обучающийся

может в любое время оценить уровень текущего состояния своих знаний.

На наш взгляд, хорошо подходит для этой цели социальная сеть *Instagram*, где каждый обучающийся может создать специальный профиль и регулярно публиковать в нём графические изображения с подписями на иностранном языке, отражающими его текущий опыт изучения иностранного языка. Таким образом, анализируя темы записей и подписи к ним, оказывается возможным наблюдать и корректировать индивидуальный маршрут обучающегося в овладении иностранным языком. Кроме того, портфолио, организуемое в виртуальном пространстве с помощью обязательного выбора картинки и написания отвечающей ей подписи, автоматически приобретает свойства наглядности и эстетичности.

Благодаря принципиально открытому характеру сети *Instagram* обучающийся получает мгновенный доступ к колоссальному объёму фото- и видеоматериала на иностранном языке по любой интересующей его тематике. Наличие функции сохранения понравившейся записи в закладки позволяет соединить в электронном портфолио как информацию, созданную самим обучающимся, так и понравившуюся ему, но созданную кем-то другим. В обоих случаях находит отражение личностно ориентированный подход в образовании. Более того, благодаря наличию в тексте записи серии хештегов запись (и шире – паблик) включается в глобальное сетевое пространство. Иными словами, другие пользователи и паблики, существующие в сети, получают к ней доступ. Таким образом, в любой момент времени потенциально возможно расширение языкового портфолио обучающегося.

Отметим, что технология портфолио принципиально допускает успешную интеграцию с технологией проектной деятельности. Говоря о социальных сетях, для получения доступа к ним каждый пользователь должен создать собственный уникальный профиль, который, по сути, и представляет собой вариант личного портфолио. Специально созданный для иностранного языка профиль является языковым портфолио обучающихся. В итоге можно сказать, что в любой электронный проект входит электронное портфолио как предварительная фаза: «Метод проектов успешно сочетает в себе преимущества обучения в сотрудничестве и портфолио» [3. С. 159].

Учитывая сказанное, можно рассматривать создание виртуального языкового портфолио как проект по созданию



виртуальной образовательной группы (публика) на иностранном языке. Подобному портфолио можно придать и групповой характер, создав специальный групповой профиль и регулярно распределяя публикуемый материал между обучающимися, наполняя его информацией, соответствующей текущему прогрессу группы в изучаемом иностранном языке. В итоге по завершении такого проекта в сети *Instagram* будет организован образовательный публик, наполненный учебной информацией, соответствующей пройденному учебной группой языковому материалу с примерами (см. рис. 1).

Нами был реализован подобный проект со студентами первого курса направления подготовки 41.03.01 –

«Зарубежное регионоведение», профиль «Азиатские исследования (Восточная Азия, Япония)», изучающими японский язык. Проект носил долгосрочный (в течение семестра) и групповой характер (в проекте была задействована вся учебная группа целиком).

При работе над проектом одним из условий выступал регулярный договор обучающихся между собой о распределении информации и о создании записи в социальной сети (с фотографией и комментарием), разъясняющей полученную ими информацию. Обучающиеся, становясь в некотором смысле в позицию преподавателя, должны были кратко резюмировать и объяснить

подписчикам паблика доставшаяся им порцию учебной информации (*информационный квант*). Это привело к большей систематизации знаний обучающихся, лучшему усвоению ими текущего материала, а также предоставило возможность в любой момент освежить свои знания, прочитав соответствующую запись в паблике.

Записи были поделены на три категории: грамматика, лексика и коммуникативные стратегии (см. рис. 2). Каждой категории отвечал определённый уникальный хештег. Такая организация материала послужила более чёткой систематизации полученных обучающимися знаний, навыков и умений речевого характера.

В итоге результатом проекта стал реально функционирующий образовательный паблик, созданный самими обучающимися и представляющий собой одновременно написанный на их языке грамматический справочник, тезаурус с примерами, а также справочник коммуникативных стратегий, отвечающих японской культуре.

Проблемой явился способ отражения иероглифического компонента в электронном образовательном паблике такого типа. Следует сказать, что вопрос формирования и развития иероглифических навыков и умений электронными средствами достаточно сложен, поскольку, будучи напрямую связанным с



Рис. 2. Пример записи, посвящённой грамматической структуре

механическими письменными умениями, вступает в противоречие с материальной базой электронной коммуникации: так как процесс общения идёт с помощью виртуальной японской клавиатуры, нет необходимости вручную писать иероглифы.



Рис. 3. Пример записи, посвящённой иероглифическому компоненту

В результате по окончании проекта при регулярном создании таких иероглифических изображений был получен каталог освоенных иероглифов (см. рис. 3).

Для виртуальной тренировки иероглифов в паблике было организовано следующее задание. Каждый из участников группы должен был выбрать слово (пару слов) из текущего активного иероглифического словаря и разместить сообщение-призыв в рубрике «история» паблика. После этого автоматически на мобильные устройства участников проекта приходило оповещение, служившее для них сигналом быстро написать заданное слово в графическом редакторе с помощью иероглифов и отправить в «историю» группы.

Таким образом, можно сделать заключение, что в виртуальной коммуникации активный компонент иероглифического аспекта (написание иероглифов) остаётся неактуализированным. С целью его актуализации обучающимся предлагалось воспользоваться графическим редактором социальной сети, написав соответствующий иероглиф стилусом. Затем необходимо было добавить к получившейся картинке текстовое пояснение и пример употребления иероглифа. В качестве фона картинки предлагалось найти либо сделать самому какое-либо изображение, отвечающее смыслу написанного иероглифа. За счёт этого достигнута большая визуализация иероглифических знаков.

Участники, наиболее аккуратно и грамотно записавшие слова, получали дополнительные баллы к текущему рейтингу. Думается, в данном случае можно говорить о своего рода распределённом тестировании, в соответствии с которым иероглифические тест не предъявлялся на конкретном занятии в качестве диктанта, но был распределён во времени и между участниками группы. На наш взгляд, такой распределённый тест является хорошей подготовкой к традиционному иероглифическому диктанту.

На первый взгляд может показаться, что паблик является примером некоммуникативного использования социальной сети и не способствует возникновению виртуальной коммуникации на изучаемом иностранном языке [4. С. 167]. Однако это лишь отчасти соответствует действительности, поскольку многие типы языковых и речевых упражнений могут быть реализованы здесь в комментариях к соответствующим записям. Так, обучающиеся регулярно придумывали и писали в комментариях собственные (нестандартные) примеры использования новых грамматических и лексических единиц, а также вследствие принципа открытости читая комментарии, оставленные другими участниками проекта, расширяли спектр контекстов использования нового языкового материала.

Виртуальная организация речевых упражнений в таком образовательном паблике осуществлялась самими обучающимися, особенно в записях, посвящённых коммуникативным стратегиям (см. рис. 4). При составлении такой записи участник в конце самостоятельно придумывает



Рис. 4. Пример записи, посвящённой коммуникативной стратегии

коммуникативную ситуацию, на которую впоследствии в комментариях будут отвечать остальные участники проекта. Необходимость регулярно самостоятельно придумывать задания другим обучающимся способствовала как лучшему осмыслению материала, так и поддержанию и увеличению интереса. На коммуникативные ситуации, придумываемые обучающимися в качестве заданий, не накладывалось по сути никаких принципиальных ограничений, кроме адекватности узусу соответствующих лексических и грамматических единиц. Каждый раз, оказываясь в новых коммуникативных контекстах, обучающиеся могли тренировать языковой материал в новых, непривычных условиях, при необходимости самостоятельно подыскивая адекватные новому контексту средства выражения мысли.

Такие типы заданий приводят к целенаправленному возникновению коммуникации внутри паблика, однако тем не менее эта коммуникация носит несколько искусственный характер, служа больше иллюстрацией пройденного языкового материала. По нашему мнению, это говорит об ограниченно коммуникативном характере электронного языкового портфолио.

Одним из бесспорных преимуществ организации электронного языкового портфолио является возможность постоянного контроля преподавателем степени усвоения группой текущего материала. Во-первых, преподаватель может прочитать объяснение языкового материала, составленное обучающимся, и оценить правильность изложения. Во-вторых, читая комментарии, оставленные обучающимися под соответствующей записью, преподаватель может оценить адекватность использованной лексики и грамматики ситуационному контексту. Оценив правильность понимания и использования текущего материала, преподаватель может в реальном времени предоставить обучающемуся обратную связь, либо напрямую отправив ему сообщение с пояснением, либо оставив комментарий под текущей записью. Именно таким образом осуществлялась обратная связь преподавателя с группой обучающихся в рамках проекта по созданию группового портфолио.

Следует обратить внимание, что работа над наполнением паблика языковым и коммуникативным материалом привела также к повышению уровня сформированности командных умений.

Обучающиеся вынуждены были самостоятельно анализировать изучаемый ими материал, при необходимости привлекать дополнительные источники информации, а затем распределять его между собой. По нашему мнению, именно в процессе такого обсуждения у обучающихся формируются также умения самостоятельной работы. Обучающиеся были вынуждены регулярно брать на себя ответственность за выполнение части общей работы по наполнению паблика информацией.

Однако, на наш взгляд, в начале работы по созданию паблика преподавателю всё же имеет смысл самому распределять порции материала между обучающимися. Дело в том, что, как показал наш опыт, обучающимся бывает сложно понять, какая информация является главной, как наиболее выгодно разбить большой массив информации на порции (информационные кванты), и что следует акцентировать внутри каждого кванта. Как результат, некоторые записи обучающихся получились длинными и трудными для чтения и восприятия. После того как принципы систематизации материала уже будут в определённой степени понятны обучающимся, преподавателю имеет смысл отдать эту часть работы на откуп им самим.

В качестве результата проекта по созданию группового языкового портфолио в социальной сети *Instagram* был создан образовательный паблик о японском языке, допускающий возможность непрерывной коммуникации, а также интегрированный в глобальное виртуальное образовательное пространство. Паблик не представляет собой некоторую застывшую сущность, а допускает возможность постоянного пополнения и расширения, отражающие прогресс в изучении группой японского языка. Навыки и умения, приобретённые обучающимися при работе над пабликом, напрямую связаны с их уровнем коммуникативной компетенции (её языкового и речевого компонентов). По результатам работы над пабликом 100 % обучающихся отметило его пользу для систематизации языковых и коммуникативных знаний, а также для первичной языковой практики. Кроме того, можно рассматривать созданный паблик как один из элементов персонализированного мобильного контура, созданного обучающимися в виртуальном пространстве социальной сети [5. С. 34].

Хорошо видно, что использование социальных сетей позволяет реализовать традиционно выполняемую на бумажных носителях технологию портфолио в виртуальной электронной среде без потери её каких-либо принципиальных свойств. Внутри такого паблика для многих традиционных видов заданий могут быть разработаны их электронные коммуникативные аналоги. Более того, благодаря собственным свойствам социальных сетей могут быть придуманы и новые типы заданий, как, например, виртуально распределённые задания и тесты.

Библиографический список

1. Глумова Е.П. Технология профессионального портфолио при формировании межкультурной компетенции будущих учителей иностранного языка // Язык и культура. 2017. № 39. С. 167–179.
2. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. Т. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
3. Титова С.В. Информационно-коммуникационные технологии в гуманитарном образовании: теория и практика. М: Икар, 2014. 240 с.
4. Панченко Ю.Ю., Авдошина Е.Д. Опыт использования электронной коммуникативной проектной деятельности в целях формирования общекультурных компетенций на занятиях по иностранному языку // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2018. Вып. 42. С. 167–176.
5. Титова С.В., Авраменко А.П. Мобильное обучение иностранным языкам: Учебное пособие. М.: Икар, 2013. 224 с.

Сведения об авторах

Панченко Юрий Юрьевич
старший преподаватель
кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: panyurij@gmail.com

Кузнецова Полина Максимовна
ассистент кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: freckel-p@mail.ru

Дубовская Ольга Алексеевна
магистрант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: helganeko@yandex.ru

УДК 378.147:811

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗАХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

И.Ю. Смирнова

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород

Автор формулирует основные дидактические принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку в вузах системы МВД, направленные на формирование лингвострановедческой самостоятельности, являющейся показателем сформированности лингвострановедческой компетенции. Выделенные принципы учитывают специфику профессиональной направленности и учебно-служебный характер деятельности обучающихся.

Ключевые слова: принцип, иностранный язык, лингвострановедческая самостоятельность, лингвострановедческая компетенция, профессиональная компетенция, личностные качества.

Principles of Developing Linguistic-Cultural Autonomy as an Indicator of Linguistic-Cultural Competence in English Instruction at MoIA Universities

Irina Smirnova

The author formulates the main didactic principles of vocational-oriented foreign language instruction in universities run by the Russian Ministry of Internal Affairs, which are aimed at developing students' linguistic-cultural independence as an indicator of their linguistic-cultural competence. These principles take into account the professional orientation and the educational and service activities of cadets enrolled in higher education institutions run by the Ministry of Internal Affairs.

Key words: principle, foreign language, linguistic-cultural independence, linguistic-cultural competence, professional competence, personal qualities.

Одной из задач методической науки всегда стояла организация самостоятельной работы при обучении иностранному языку. С течением времени актуальность этого вопроса только возрастает, что находит отражение и в учебном процессе и в документах, регламентирующих образовательный процесс (федеральные государственные образовательные стандарты). Благодаря европейскому видению языкового образования [1] понятие «самостоятельная работа» в отечественной методике приобретает новые прочтения и «появилось понимание того, что самостоятельная работа должна способствовать движению от управляемого (со

стороны преподавателя) учения к учению полностью самостоятельному» [2. С. 3].

В своем исследовании мы расширяем понятие самостоятельной работы и рассматриваем её в качестве важного аспекта в формировании лингвострановедческой компетенции, формулируя «самостоятельность» как показатель достигнутых знаний, навыков и умений в овладении иноязычными профессиональными знаниями курсантами и слушателями.

Эффективность учебного процесса зависит не только от правильно поставленных целей, задач и выбора методики обучения, но и от принципов обучения. Они тесно связаны между собой, образуют целостную систему, взаимодействуя друг с другом. Нашей целью является проведение анализа общедидактических принципов обучения и формулировка наиболее перспективных принципов в достижении обучающих задач и выбора методики обучения с учетом условий учебного процесса в вузах МВД. Актуальность цели определяется поиском новых путей в формировании лингвострановедческой компетенции. Наши научные изыскания привели нас к необходимости формирования лингвострановедческой самостоятельности обучающихся, которую мы рассматриваем как показатель сформированности лингвострановедческой компетенции.

Под лингвострановедческой самостоятельностью мы понимаем готовность обучающихся к адекватному межкультурному общению в сфере профессионального поля деятельности, что предполагает понимание специфических профессиональных реалий и ситуаций в практике профессионального социокультурного взаимодействия. Самостоятельность является сильной мотивационной составляющей всего учебного процесса, движущей силой в развитии желания и потребности самостоятельного овладения языковым материалом и пополнения профессиональной лингвострановедческой информации.

Рассматриваемые нами принципы способствуют формированию лингвострановедческой самостоятельности. Под принципами обучения понимаются фундаментальные положения, определяющие процесс обучения, воспитания и развития обучающихся. Они отражают нормативные требования к организации учебного процесса, которые учитываются во всех его компонентах и определяют его направленность на развитие личности. Принципы обучения

раскрывают теоретические подходы, основанные на целях и задачах, которые реализуются в методах, средствах, организационных формах построения учебного процесса [3]. Таким образом, принципы обучения формулируются в результате научного исследования учебного процесса, обусловлены целями и задачами обучения, которые в свою очередь зависят от потребностей людей, общества и государства.

Принципы обучения подразделяются на: (А) общедидактические и (Б) специальные с учетом профессиональной направленности вуза.

(А) Общедидактические принципы обучения:

1. Принцип объективности, научности основывается на положениях и соответствующих фактах современных наук.

2. Принцип связи теории с практикой нацелен на проведение проверки теоретических положений практикой.

3. Принцип последовательности и систематичности требует, чтобы преподавание велось в определенном порядке, системе, было построено в строгой логической последовательности.

4. Принцип доступности обеспечивает соответствие обучения уже накопленным знаниям и индивидуальным особенностям обучаемых.

5. Принцип наглядности предполагает привлечение всех имеющихся у человека органов чувств к восприятию учебного материала: формирование понятий, категорий, их совокупностей через зрительные, слуховые, осязательные образы и впечатления, тем самым дополняя теоретически усвоенное разумом и логикой.

6. Принцип активности обучаемых вытекает из взаимосвязи двух главных участников образовательного процесса: стимулирующая роль преподавателя и активность обучаемого, проявляющаяся в усвоении содержания и целей обучения, планировании и организации самостоятельной работы.

7. Принцип прочности усвоения знаний требует систематического повторения материала и контроля результатов обучения, их измерения [4].

(Б) Специальные.

Учитывая специфику обучения в вузах системы МВД и цель нашей работы по формированию лингвострановедческой

самостоятельности обучающихся, мы дополняем общедидактические следующими специальными принципами:

1. Принцип учета мотивов и интересов обучаемых к иностранному языку в системе вузов МВД.

2. Принцип учета личностно ориентированной направленности обучения иностранному языку.

3. Принцип учета проявления индивидуальных черт личности курсантов и слушателей вузов системы МВД.

4. Принцип учета учебно-служебного характера деятельности обучающихся в вузе МВД.

5. Принцип интегрирования, системности и межпредметного взаимодействия с учетом личностной мотивации.

Предложенные нами принципы были отобраны на основе компетентностного подхода к обучению с целью формирования лингвострановедческой самостоятельности курсантов и слушателей. Рассмотрим содержание специальных принципов.

1. Принцип учета мотивов и интересов обучаемых к иностранному языку в системе вузов МВД.

Данный принцип обучения ориентирует преподавание на всестороннее развитие личности обучающегося, на реализацию его мотивов и достижение его интересов; обеспечивает общее и профессиональное развитие, позволяет применять деятельностный подход в преподавании. Принцип гарантирует формирование профессиональной компетенции и её компонента самостоятельности в образовательных действиях в выбранной сфере с учетом профессиональных мотивов и личностных интересов. Чем разнообразнее и продуктивнее значимая для личности деятельность, тем эффективнее происходит овладение общечеловеческой и профессиональной культурой. Процесс нравственного и профессионального развития личности приобретает оптимистический характер, когда обучающийся сам выступает как субъект воспитания, когда в нем пробуждается сознательное стремление к самосовершенствованию, самореализации и самостоятельности в достижении поставленных целей.

Формируя коммуникативную компетенцию у курсантов и слушателей вузов МВД, мы подчеркиваем, что её цель – профессиональное общение. Следовательно, учебный материал

должен быть насыщен профессиональными темами, содержать профессионально направленные тексты, включающие ситуации профессионального характера. Это в разы повышает эффективность обучения и обеспечивает применимость получаемых знаний на практике. В практические занятия включаются ролевые и деловые игры, где обучающиеся совершенствуют свои речевые умения в типичных ситуациях профессионального общения. Подобные задания позволяют моделировать ситуации реального общения, задействовать в них от нескольких участников до включения в работу целой группы: опрос потерпевшего / потерпевших, свидетелей, подозреваемых, проведение очной ставки, расследование преступления. Рассматриваемый принцип реализует идеи личностно ориентированного подхода, так как он предполагает взаимодействие с преподавателем при распределении ролей, обсуждение сценария и коррекции ошибок, совершенствует умение взаимодействовать в реальной ситуации. Здесь внимание сосредотачивается не на правильности произношения иноязычных фраз, а на умении реагировать исходя из сложившейся ситуации и действовать незапланированно.

2. Принцип учета личностно ориентированной направленности обучения иностранному языку.

При языковой подготовке главным является формирование иноязычных речевых навыков и умений, развитие когнитивных способностей обучающегося. Поэтому мы выделяем принцип личностно ориентированной направленности в качестве ведущего принципа в вузе МВД, создающего условия для формирования профессиональной компетенции, учитывая индивидуальные особенности обучающегося, такие как: его желания, осознание ответственности, социальный опыт, особенности мышления, мировоззрение, интересы. Подобный подход широко распространен в современной педагогической науке, активно поддерживается рядом методистов и имеет много последователей (К. Роджерс, С.Л. Рубинштейн, Л.М. Фридман, И.С. Якиманская).

В процессе обучения речевой деятельности личностно ориентированная направленность приобретает особую значимость благодаря индивидуальному подходу к обучению. Формирование коммуникативной компетенции связано, таким образом, с осознанием

своей профессиональной предназначенности и с учетом психической особенности конкретной личности.

Опираясь на личностно ориентированный подход, при освоении содержания обучения объектом формирования является не только предметное знание, но и осмысленное отношение субъекта, формирование личностного опыта, возникающего в результате освоения индивидуально-субъектного содержания изучаемого предмета. При такой установке приобретаемые знания усваиваются не как самоцель, а являются ценностным ориентиром на пути достижения профессионального призвания, формирования высокой степени мотивационной готовности к безусловному и качественному выполнению своего профессионального долга, к постоянному самосовершенствованию и профессиональному росту, основанному на самостоятельной работе над своими знаниями. Одной из задач обучения становится создание условий для самовыражения, удовлетворения познавательных потребностей через творческий поиск, активность и пр., что напрямую связано с профессиональной направленностью процесса обучения, что в конечном итоге оказывает желаемое влияние и на профессиональное и на личностное развитие, неся в себе воспитательное и нравственное начало.

3. Принцип учета проявления индивидуальных черт личности курсантов и слушателей вузов системы МВД.

Проявление индивидуальных черт личности обучающихся происходит в учебно-практической деятельности, т. к. все параметры (психологические, социальные, физиологические и др.) взаимосвязаны и взаимообусловлены. Педагогическое воздействие в системе воспитания курсантов требует создания не только оптимальных внешних, но и внутренних условий, учета внутренних потребностей и преодоления противоречий в развитии личности. Деятельность и сознание обучающегося должны находиться в единстве. Деятельность по овладению профессией не может совершаться без участия сознания. С другой стороны, развитие сознания невозможно вне практической деятельности, протекающей в основных сферах: а) мотивационно-потребностной; б) интеллектуальной; в) эмоционально волевой; г) действительно практической.

Учет индивидуальных особенностей обучающихся вузов МВД служит основной предпосылкой для создания условий реализации индивидуальных потребностей будущих специалистов ОВД. Они определяются профессиональной, интеллектуальной, эмоциональной направленностью; волевыми качествами; самооценкой; работоспособностью; лидерскими качествами; способностью к взаимодействию, саморазвитию и самовоспитанию.

4. Принцип учета учебно-служебного характера деятельности обучающихся в вузе МВД.

Деятельность курсантов и слушателей вузов МВД носит ярко выраженный учебно-служебный характер. Помимо учебных функций курсанты реализуют служебные функции сотрудника ОВД. Учеба в вузе МВД предполагает своеобразие целей, мотивов и результатов; планомерность и поэтапность процесса профессиональной подготовки к выполнению функций специалиста ОВД; овладение знаниями и формирование личностных качеств; успешное сочетание учебы и службы; условия уставного порядка и поддержание боеготовности; специфику быта; ситуации, вызывающие большую психологическую напряженность и др. [5]. Таким образом, курсанты реализуют учебную деятельность, служебную, научную, общественную и самостоятельную работу. Ведущее направление занимает учебная деятельность. Ее успешная реализация зависит, на наш взгляд, от личностной индивидуализации процесса обучения. Она должна быть органически связана с формированием и развитием личности обучающегося в целом. В учебном процессе активизируются все сферы как учебной, так и познавательной деятельности.

Говоря о формировании лингвострановедческой компетенции, мы учитываем тот факт, что она функционирует в рамках профессиональной сферы деятельности. Иностранный язык в свою очередь развивает профессиональное мышление, обновляя и расширяя ранее полученную информацию на русском языке, обогащая общие и профессиональные знания из англоязычных источников, и тем самым способствует формированию профессиональной компетенции.

5. Принцип интегрирования, системности и межпредметного взаимодействия с учетом личностной мотивации.

Профессиональная компетенция может быть эффективно сформирована только в том случае, если различные блоки дисциплин направлены на комплексное развитие познавательных способностей обучающихся. Необходимо планомерно развивать межпредметные связи, умело использовать интегративность как средство обучения и как метод познавательной деятельности.

Под интегративностью процесса обучения понимается система целостного образования, объединенная логикой всего учебно-образовательного процесса. В качестве главного обоснования междисциплинарной интеграции является материальное единство мира.

Понятие «интегративный педагогический процесс» можно рассматривать в широком смысле и выделять межпредметное взаимодействие в качестве определяющего составляющего элемента. Мы отождествляем понятия «интегративность» и «межпредметное взаимодействие», трактуя их как равнозначные. В нашем случае принцип интегрирования, системности или межпредметного взаимодействия – это формирование в сознании обучающегося связей между знаниями внутри общей научной теории. Психологической основой межпредметных связей является образование межсистемных ассоциаций, которые позволяют отразить многообразные предметы и явления реального мира в их единстве и противоположности, в их многосторонности и противоречиях [6]. Стирание жестких границ между отдельно взятыми дисциплинами, установление связей между ними и привлечение иностранного языка в качестве связующего звена, на наш взгляд, становится эффективным методом междисциплинарной педагогической деятельности.

Практика преподавания иностранного языка в вузе МВД показывает, что общенаучные дисциплины тесно переплетаются по содержанию со специальными, особенно в правовой сфере. Интегративность обучения или междисциплинарность подразумевают оптимальное сочетание целей, задач и содержания всех курсов, включая иностранные языки. На текущий момент интегративность служит существенным фактором повышения учебной мотивации обучающихся, роста профессиональной компетенции [7].

Для реализации профессионально ориентированного обучения иностранным языкам в вузах МВД наиболее важным моментом является форматирование содержания образовательного процесса. Следует отметить, что в целом в отечественной методике обучения иностранным языкам в неязыковом вузе связи между специальными предметами и дисциплиной «Иностранный язык» не рассматривались с точки зрения содержания профессионального обучения, являясь лишь средством обучения иноязычному общению. Такая позиция в значительной мере снижает учебную и личную мотивацию, роль и место межпредметных связей, не позволяя обучающимся оценить важность и значимость предмета «иностранный язык» как источника профессионально значимой информации. Суть предлагаемой идеи интеграции целей изучения специальных предметов и целей изучения иностранного языка проста: содержание языкового материала определяется предметным содержанием специальных дисциплин.

Экспериментальное обучение показало, что для продуктивного понимания принципа межпредметных связей и учета личностной мотивации необходима четкая соотнесенность учебных материалов по иностранному языку с имеющейся учебной программой по конкретным специальным предметам. Этот фактор способствует формированию лингвострановедческой самостоятельности обучающихся, что оптимизирует формирование лингвострановедческой компетенции.

На основе выделенных принципов формирование лингвострановедческой самостоятельности происходит более осознанно, системно и эффективно. В этом случае мы можем говорить о пополнении профессиональной компетенции средствами иностранного языка, что обеспечивает его важное место в общем образовательном процессе в вузе системы МВД.

Библиографический список

1. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. Strasbourg: Council of Europe, 2018 // Электронный ресурс Интернет:

<https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>.

2. Колесников А.А. Самостоятельная работа при обучении иностранному языку в условиях учебной автономии // Иностр. языки в школе. 2019. № 9. С. 2–11.

3. Щукин А.Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). Учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. М.: ВК, 2012. 336 с.

4. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1955. 655 с.

5. Биочинский И.В. Психолого-педагогическое обеспечение подготовки кадров в МВД. Самара, 1994. 381 с.

6. Попков В.А., Коржуев А.В. Дидактика высшей школы. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 2001. 136 с.

7. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989. 219 с.

Сведения об авторе

Смирнова Ирина Юрьевна
преподаватель кафедры
иностранного языка и культуры речи
Нижегородской академии МВД России
E-mail: www.glasha@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

**Динамика социума, лингвемы и социалемы в концепции
В.К. Журавлева**

Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова
Владимир

Рецензия на монографию: **Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», URSS, 2019. 336 с. (Лингвистическое наследие XX века) ISBN 978-5-397-06626-6.**

Стержневые проблемы эволюции языка занимали умы многих лингвистов XIX–XX вв. В процессе развития данной области языкознания были определены как внешние, так и внутренние факторы, модифицирующие язык. Изучение взаимосвязи языка и общества, а также истории народа, говорящего на нем, всегда тесно переплеталось с выявлением внутренних причин языковых изменений. Любой язык представляет из себя организованную систему, соответственно, существуют и обуславливающие ее закономерности, которые сдерживают языковые метаморфозы в характерных этому языку рамках. Очевидно, что жизнь и динамика социума напрямую сказываются на языке и коммуникации, однако важно учитывать и «самодвижение языковой материи» [1. С. 5], на базе которого развились диахроническая морфология, диахроническая фонология и др. В связи с этим В.К. Журавлев, обсуждая формирование языков, в своем труде «Внешние и внутренние факторы языковой эволюции» выдвигает на первый план исследования *социалему* [2. С. 312] как «элементарную единицу языковой эволюции», которая «сосредоточивает в себе, как в клеточке, внутреннее и внешнее» – черты языковые и социальные; и дает этому понятию следующее определение: «социальный субстрат языка, языковой коллектив, в рамках которого осуществляется речевое взаимодействие на данном языке или диалекте; определенное сообщество людей, общающихся на одном и том же языке» [1. С. 7]. Предметом анализа ученого стали многочисленные обстоятельства,

влияющие на социалему, в частности «давление социума», которое, с точки зрения автора, является наиболее существенным фактором.

Язык и общество всегда находились в глубокой взаимосвязи. Язык служит для обмена информацией; «коммуникативное назначение языка есть его первая и единственная функция, преобразующая индивидуальное сознание в общественное» [3. С. 8]. Процессы коммуникации неотрывны от социальных процессов, и речевое взаимодействие естественным образом порождает речевой коллектив – социалему. Важным нововведением В.К. Журавлева является разграничение понятий реальной и потенциальной социалемы по принципу ее цельности или разграниченности барьерами (социальными, географическими и т. п.). Автор монографии отмечает, что при дивергентных тенденциях в языке, когда носители расселяются по обширным территориям и крайне скудно контактируют друг с другом, разрастается потенциальная социалема, а при конвергентных, в частности при централизации государств, она может воссоединяться обратно в реальную, нивелируя пестроту диалектных различий. Автор выявляет прямую зависимость объема социалемы от интенсивности коммуникации, при этом отмечая, что человек может одновременно принадлежать к нескольким социалемам. Языковое образование, действующее и употребляющееся в тех или иных социальных условиях, именуется автором лингвемой, понятием, включающим в себя весь спектр от межнациональных языков до локальных диалектов, койне и говоров [1. С. 12]. Лингвема подвергается большому влиянию со стороны общества (регуляция языка и его стилей, стимулирование или подавление микролингвем), как и социалема (интеграция и дезинтеграция социумов, координация социального взаимодействия, интенсификация / редукция коммуникации), в связи с чем В.К. Журавлев делает акцент на главенстве социального давления в их эволюции.

Одним из важнейших факторов, отразившихся на социалеме, ученый считает развитие производства и производственных отношений. Отличительной чертой предшествовавшего этому первобытнообщинного строя была ограниченность социумов, с которыми совпадал и объем социалем. Производственный язык по сути полностью совпадал с бытовым. Вследствие малочисленности контактов между разбросанными по большим территориям общинами

существовало богатое обилие диалектов; господствовали процессы языковой дивергенции, и язык, не сдерживаемый ничем, будучи живой материей, легко трансформировался, расщепляясь на множество вариантов. Общность языка потенциальной социалемы, раздробленной географическими барьерами, обуславливалась общим происхождением, но вслед за ее распадом на множество реальных социалем со временем распадался и сам язык.

Автор прослеживает изменение ситуации во время неолитизации, повлекшей переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству, и выявляет характерное для этого времени развитие процессов интеграции и интенсификации взаимодействия между социумами. На фоне зарождающейся дифференциации общества со временем оформляются такие касты, как ремесленники, вожди, жрецы, каждая из которых вносит вклад в создание и обогащение принципиально новых социалем и лингвем. Ремесленники разрабатывают новую терминологию, связанную с их производством, которая распространяется не только в рамках одного языка и его диалектов, но и просачивается за их пределы в другие языки. В среде жрецов возникают первые литературные языки, или «поэтические наддиалекты» [1. С. 25], для сохранения мифологического и сакрального знания, для проведения ритуалов; примером может послужить ведический санскрит. Вожди и жрецы «поддерживали целостность социалемы, сохраняли единство лингвемы (наддиалектное койне союза родственных племен)» [1. С. 315]. Автор отмечает появление диглоссии и элементов билингвизма в связи с конвергентными тенденциями, пришедшими на смену дивергентным. Особую и весьма мощную роль в этих процессах начинает играть торговля. Она еще сильнее способствует росту имущественной и социальной дифференциации, формируя касту купцов, и становится поводом для контактов даже между очень отдаленными народами, а также влияет на становление городов с разнообразным этническим составом. В.К. Журавлев отмечает удивительный факт, что сам корень «торг», присутствуя в большинстве славянских и скандинавских языков, а также в некоторых языках южной Европы в значении «рынок», находит свои этимологические истоки в др.-тюрк., др.-монг. *torga*, *torgu* «шелк» или др.-тюрк. *turku* «стоянка». А шелк, как известно, издревле имел огромное товарное значение. Великий шелковый путь и другие

протяженные торговые пути спровоцировали возникновение новых социумов, социалем и лингвем, что повлекло за собой и локальные языковые процессы: в торговых пунктах, расположенных на них, один язык мог полностью вытеснить другой, либо же щедро обогатить его лексикой; торговые пункты и поселения зачастую были многонациональными и многоязычными. В связи с этим возникла потребность в толмачах-переводчиках, способных наладить контакт между носителями неродственных языков. Такое проявление частного билингвизма могло становиться массовым в некоторых хозяйственно значимых регионах: пришлые поселенцы легко усваивали языки коренных жителей и наоборот. Для целей торговли также могут возникать специфические торговые пиджины, такие как руссенорск (русско-норвежский) или иокогамский диалект (англо-японский).

Немыслим анализ лингвем, социалем и социумов в отрыве от становления государств. Феодализм как этап формирования ранних государств наложил свой отпечаток на динамику истории народа и языка. В этот период укрепились территориальные диалекты в относительно замкнутых феодальных микросоциумах, отмечает В.К. Журавлев. При ослабевании гомогенных социалем и возрастающем преобладании гетерогенных социумов большой вес приобрел письменный язык, который был зачастую далек от устного (в его роли мог выступать чужой или архаический язык), и его единство поддерживалось чиновниками и духовенством. Типичным примером такой ситуации является связка церковнославянский-древнерусский в Киевской Руси. Диглоссия и билингвизм нашли новое проявление как оппозиция разговорного языка и книжного [1. С. 49].

Большой скачок в формировании государств позволила совершить промышленная революция и возросшая роль машин в производственном процессе, что вызвало небывалый рост социумов, существенный прирост населения и обилие миграций, особенно в крупные города. Характерным отличием этого этапа стало снижение роли территориальных социалем – диалекты и говоры сел утратили престижность, и ввиду усиленной урбанизации городское койне стало приоритетным; затем зародились литературные языки наций, более не базируясь на текстах религиозного содержания. Обслуживание новых механизмов требовало грамотности, и возросла роль и

повсеместность образования. Автор прослеживает, как через школы потенциальные социалемы активно трансформировались в реальные, углы диалектных отличий постепенно сглаживались, а впоследствии образовывались и стандартизировались общенародные языки, закрепляясь через образовательные учреждения, литературу разных категорий, а также в законе. Государство как таковое может влиять не только на социальную жизнь, но и непосредственно вмешиваться в функционирование языка через систему образования, осуществлять управление статусом лингвем, придавать им те или иные функции, подавлять их или прилагать усилия к их сохранению.

Отдельным вопросом стоит развитие в государстве литературного языка, который напрямую связан с письменностью. Письменность – краеугольный этап в становлении любой лингвемы. Без письменности не может функционировать ни государство, ни наука. Пройдя долгий путь от текстографии (пиктографии) и логографии [1. С. 78], при которых знак выражает идею или общий смысл, большинство письменных систем на сегодняшний день пришло к более рациональной фонемогрфии и силлабографии (в языках силлабемного строя), то есть к фонетическому письму, сформировав письменные лингвемы. Особняком в современном мире, однако, стоят китайский и отчасти японский, сочетающий несколько разнотипных графических систем.

Существование письменной лингвемы всегда обуславливало существование социалемы, которая ею пользуется. В древности, когда грамотность была распространена не повсеместно, в такую социалему входил узкий круг жрецов, писцов, образованная верхушка общества. Теперь же, благодаря намного более развитому образованию, обилию школ и институтов, письменные лингвемы имеют большое разнообразие стилей и функционируют в социалемах любого типа.

Расширение взаимодействия с помощью письменной лингвемы происходит через книгопечатание. С ростом объема социалемы читателей происходит демократизация и дивергенция литературного языка. Возникают новые литературные языки – «гибриды между устным народно-поэтическим языком и книжным языком данного культурно-исторического ареала» [1. С. 160]. Иным путем развития литературного языка может стать подъем народного языка до литературного при полном вытеснении прежней книжной лингвемы. Далее литературный язык нормализуется. Литературные языки

разных народов контактируют через переводы и, как считает В.К. Журавлев, таким образом контактируют лексико-семантические фонды языков и происходит взаимодействие духовных культур.

Вслед за промышленной революцией научно-техническая революция активизировала обмен информацией в интернациональном масштабе. Исследования и техническое производство немислимы без языкового оформления (труды, документы, планы, инструкции и др.), что имеет прямые последствия в виде следующих явлений: насыщение научного языка новыми терминами и понятиями, распространение их в множестве языков, разрастание научных социалем и интенсификация интернациональной коммуникации во всех сферах. В противовес этому сокращаются бесписьменные языки, как уже не удовлетворяющие новой ступени развития человечества.

Еще одним внешним фактором, вызывающим изменения в социумах, лингвемах и социалемах, исследователь называет колебания демографии. Будучи скорее побочным явлением, они находятся в прямой зависимости от других факторов: уровня производства, типа хозяйства, характера государства – и могут происходить на фоне специфических предпосылок, например урбанизации, микро- и макромиграции, войны, вторжения, захвата территорий, изменения границ, эпидемии, смешанных браков, климатических изменений и др.

Последний пункт можно было бы назвать природным фактором и включить в него природные катаклизмы, вызывающие резкие изменения в численности людей или приводящие к массовым переселениям на другие территории, что также стимулирует подвижность в русле социалемы.

Помимо книгопечатания, детально описанного ученым, пользуясь созданным им понятийным аппаратом, стоит также отметить роль современных информационных технологий в развитии лингвем и социалем, в первую очередь Интернета, который обслуживает глобальную социалему интернет-пользователей и имеет свою международную терминологию. Легкость обнаружения и доступность большого количества информации, мгновенность коммуникации и межкультурная интерференция делают его поистине уникальным явлением, в рамках которого возможно более детальное исследование динамики языковых процессов в Интернете и интернет-социалем. Ввиду глобализации лингвокультура одних языков

(международных, приоритетных в глобальном масштабе) сказывается на других; через деятельность СМИ происходит активное заимствование слов и калькирование выражений из более престижного языка (английского) в остальные, а также наблюдается семантический сдвиг в лексике последних. Некоторые ученые отмечают пагубное влияние таких процессов на концептосферу русского языка. В.В. Колесов, например, описывает скрытое влияние английских заимствований на русскую ментальность и восприятие [4. С. 202–203]. Но необходимо признать, что в текущую эпоху это неизбежное явление. Темпы развития глобализации и новых революционных технологий дают серьезные основания предполагать, что со временем тенденции такого характера станут еще более выраженными, и под влиянием мирового информационного сообщества динамика лингвем, социалем и социумов обретет совершенно новые черты.

Подводя итоги, подчеркнем, что данный труд, посвященный фундаментальным проблемам эволюции языка, позволил автору не только вскрыть и оценить роль и взаимосвязь внешних и внутренних факторов в языковой эволюции, но и – в чем суть новаторства филолога – определить и разграничить предметные области целого ряда родственных наук: истории литературы, истории литературного языка, исторической грамматики и др.

Являясь источником новых идей, тонких наблюдений и образцом высокого стиля, эта книга, несомненно, послужит добрую службу лингвистам, социологам, культурологам и всем творческим людям, интересующимся проблемами языка и массовой коммуникации.

Библиографический список

1. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Книжный дом «Либроком», URSS, 2019. 336 с.
2. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 382 с.
3. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 173 с.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.

Сведения об авторах

Басова Татьяна Александровна
аспирант кафедры «Иностранные языки
профессиональной коммуникации»
ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: tanyatako@gmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Иностранные языки
профессиональной коммуникации»
ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64),
член-корреспондент РАЕ
E-mail: fedulenkova@list.ru

Теолингвистическое направление в современном языкознании

Е.В. Плисов

Нижний Новгород

Рецензия на издание: **Хрестоматия теолингвистики. Т. 2 / Под ред. А.К. Гадомского, А.В. Ермошина, С.И. Кузьмина, Н.Г. Николаевой, С.И. Федотовой, В. Хлебды, О.В. Чевелы. Ульяновск: Мастер Студия, 2019. 472 с.**

В 2019 году в Ульяновске при поддержке Института славистики Опольского университета (Польша) и Казанского государственного медицинского университета вышел в свет второй том «Хрестоматии по теолингвистике» [1]. Первый том хрестоматии был опубликован в Симферополе в 2008 г. [2]. Рецензируемое издание продолжает цикл научных работ по разработке комплексного научного направления «Язык и религия».

Дискуссии о статусе языка в религиозной сфере коммуникации связаны по большей части с несколькими подходами в интерпретации его роли в общении человека с Богом и людей друг с другом. В настоящее время язык религии изучается с лингвистических, дискурсивных, когнитивных, лингвокультурологических, теологических позиций. Анализ эмпирического материала не может обойтись без изложения основополагающих концепций и мнений о статусе и особенностях религиозного языка. С одной стороны, требуется критический анализ имеющихся позиций, с другой – проведение практического исследования отдельных аспектов функционирования языка в религиозной сфере коммуникации. Именно таким, комплексным, характером отличаются работы, вошедшие во второй том хрестоматии. В проблемном поле «Язык и религия» возможно выделение нескольких объектов и направлений научного поиска. Необходимость обобщения существующих концепций обусловила последующую детализацию в анализе основных подходов и композиционную дробность в презентации материала рецензируемого коллективного исследования.

В первый раздел издания включены работы ученых из России, Сербии и США, посвященные изучению различных философско-

богословских проблем современного языкознания. Раздел открывает работа В.И. Алексеева, в которой раскрываются различные аспекты онтологической теории языка, взаимоотношения гносеологии и онтологии, раскрывается вербальная и символическая природа культуры, а человек рассматривается в теоантропокосмической парадигме. С этой работой перекликается публикация А.П. Кирпичникова, посвященная применимости онтологического доказательства бытия Божия, автор, опираясь на труды Ансельма Кентерберийского, И. Канта и С.Л. Франка и полемизируя с ними, выявляет логику этого доказательства и показывает его принципиальную непротиворечивость. Методологические основы изучения теологической литературы разрабатываются в статье И. Кнежевич, посвященной интертекстуальности как одной из основных характеристик стиля научно-богословских трудов. В работе автор обращает внимание на данное свойство и его дифференцированность или модифицированность в научно-богословских трудах на материале английского и сербского языков. Методологическую линию продолжает основательная работа главного научного сотрудника Института языкознания РАН В.И. Постоваловой, в которой проводится эпистемологический анализ оснований и путей формирования новой интегративной дисциплины – теолингвистики, направленной на изучение взаимосвязи языка и религии. Некоторые аспекты работы коррелируют с предшествующими статьями, общим является подход к определению природы языка через выход «за пределы имманентного человеческого существования в высшую – Богочеловекокосмическую – реальность, необходимым моментом которой, по такому миропониманию, и начинает рассматриваться язык» [1. С. 38]. Теолингвистика, по мнению автора, может рассматриваться как синтетическая дисциплина в широком культурно-историческом контексте, в единстве ее различных форм и аспектов как необходимый момент в развитии гуманитарного познания и духовной жизни современного общества. Заслуживает внимания и уровневый подход к определению предмета теолингвистики, в рамках которого религиозный текст может выступать как культурно-исторический феномен, литературный памятник, мистико-семиотический феномен [1. С. 36–47]. В завершении раздела О.В. Чевела предлагает анализ экзегетического приема сакральной этимологизации в контексте

религиозных и философских воззрений ранневизантийского периода, исследователь выявляет «преемственность святоотеческих взглядов на онтологическую природу слова в учении имяславия и философии имени» [1. С. 61].

Во второй раздел хрестоматии вошли работы ученых из Сербии, Польши, России, посвященные изучению религиозного языка в славянской теолингвистике. Такое структурирование хрестоматии основывается на ведущей роли лингвистических школ славянских стран в выделении теолингвистики в качестве самостоятельного направления современного языкознания. Об этом пишут и редакторы хрестоматии А.К. Гадомский и В. Хлебда, это является и неоспоримым фактом относительно непродолжительной истории теолингвистики, у истоков которой стояли в основном польские исследователи. В статьях этого раздела предлагаются результаты анализа лексикографической фиксации отдельных лексем и фразеологизмов духовной тематики современного сербского языка (Н. Вулович, Р. Левушкина), освещаются проблемы дигитализации евангельских текстов на древнепольском (старопольском) языке (И. Винярска-Гурска), рассматривается язык религии в общинах старообрядцев, проживающих в Польше (М.А. Глушковски), определяется статус и особенности бытования церковнославянского языка в пространстве современного русского языка (А.Г. Кравецкий, Н.Н. Ничик), описываются этапы становления русского антропонимикона (В.И. Супрун).

В следующих разделах представлены жанрово-стилистические, дискурсивные и коммуникативные исследования в теолингвистике. Авторами анализируются традиционные жанры духовной словесности: Новый Завет (А.В. Егоров, О.В. Чевела, А.В. Ермошин, А.И. Кузовенкова), житие (Т.В. Ицкович), а также специфические жанровые формы – «Великая книга канонизации», содержащая свыше 30 тыс. посланий верующих (М. Давидзяк-Кладочна), литании (М. Войтак), пророческие высказывания (П. Кладочны). Особенности описания религиозных концептов на примере анализа концепта «икона» представлены в работе И.В. Бугаевой, виды и особенности сакральной коммуникации подробно описываются в работах К. Кончаревич и О.А. Прохвятиловой. Среди основных подходов использованы не только концепции ученых-лингвистов, но и взгляды философов, теологов, литургистов, культурологов, которые имеют

значение для лингвистического анализа языка религиозной сферы. Религиозный язык чаще всего рассматривается с позиций семантики и прагматики функционирующих в нем элементов, он конституируется по существу благодаря наличию семантической соотнесенности с религиозным содержанием, религиозными темами или предметами. Здесь следует различать те языковые элементы, которые содержат в себе религиозность благодаря тесной связи с конкретной религиозной традицией и всеми носителями языка идентифицируются как «религиозные», и высказывания и тексты, религиозный характер которых часто актуализируется в конкретном ситуативном контексте или дискурсивных условиях (Л.Ф. Компанцева). Прагматическое измерение религиозного характера высказывания или текста не всегда связано с актуализацией в рамках традиционного религиозного контекста. Оно может возникнуть даже без эксплицитной референции к компонентам религии: традиционное содержание религиозной коммуникации может быть исключено говорящим, при этом религиозность высказывания или текста сохраняется.

В отдельный раздел выделены работы, посвященные проблемам перевода религиозных текстов, в основном в историческом аспекте, – анализируются польский перевод Корана XVI века (И. Кульвицка-Каминьска, М. Левицка), перевод творений прп. Иоанна Дамаскина князем Андреем Курбским (С.И. Кузьмин), древнеславянский перевод «Богословия» прп. Иоанна Дамаскина (Н.Г. Николаева).

Основной итог «Хрестоматии теолингвистики» заключается, на наш взгляд, в промежуточном подведении итогов теолингвистических исследований 2010-х годов. Очевидно, что проблематика исследований в области взаимодействия языка и религии приобретает в последнее время методологическую основу и необходимую глубину. В рецензируемой хрестоматии представлена обширная информация по заявленной теме и описаны методологические программы исследований, которые формируют научное представление о факторах и законах, управляющих функционированием языковых средств в религиозной сфере коммуникации.

Важно отметить, что в НГЛУ также сложился свой корпус теолингвистических исследований, в основном выполненных в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к анализу сферы религиозной коммуникации [3; 4; 5; 6], выделяются также работы,

ориентированные на анализ конкретных религиозных жанров и типов текста [7; 8]. Указанные работы, в отличие от рецензируемой хрестоматии, выполнены в основном в рамках германистики.

Думается, что в ближайшие годы последует целый ряд исследований, в которых будут рассмотрены проблемы взаимоотношения языковых и социальных факторов и их роли в объяснении и моделировании религиозно маркированной языковой вариативности. Значение языка религии, его национальных, региональных, социальных, конфессиональных вариантов через некоторое время должно быть переосмыслено и в русле становления новых направлений – евролингвистики и миграционной лингвистики [9; 10]. Исследование религиозного дискурса, конкретных религиозных текстов и сопутствующих констелляций должно происходить с привлечением достижений одноязычной и двуязычной лексикографии, лингвистической географии, корпусной лингвистики, диалектологии, активнее следует привлекать не только базы данных, но и полевые материалы. Новые эмпирические данные и комплексный подход могут привести ученых к интересным лингвотипологическим и научно-методологическим результатам.

Хрестоматия может быть рекомендована ученым-филологам, аспирантам направления подготовки 45.06.01 «Языкознание и литературоведение», студентам магистратуры направлений подготовки 45.04.02 «Лингвистика» и 44.04.01 «Педагогическое образование», а также всем, кто заинтересован в изучении лингвистических особенностей сферы религиозной коммуникации.

Библиографический список

1. Хрестоматия теолингвистики. Т. 2 / Под ред. А.К. Гадомского, А.В. Ермошина, С.И. Кузьмина, Н.Г. Николаевой, С.И. Федотовой, В. Хлебды, О.В. Чевелы. Ульяновск: Мастер Студия, 2019. 472 с.
2. Хрестоматия теолингвистики / Ред. А.К. Гадомский, Ч. Лапич. Симферополь: Универсум, 2008. 352 с.
3. Голубева Н.А., Прокопьева Н.Н. Прецедентная функция религиозных вокативов в дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2014. № 25. С. 9–19.

4. Плисов Е.В. Религиолекты и конфессиолекты в структуре современного немецкого религиозного дискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 31. С. 50–74.
5. Golubeva N.A. Precedent function of the imperative in religious discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 68–75.
6. Кабанова И.Н., Кохан Н.А. Прагматический аспект языковой игры в англоязычном религиозном дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2018. № 42. С. 39–47.
7. Матвеева И.В. Ролевые отношения коммуникантов в современной немецкоязычной проповеди // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. № 23. С. 56–63.
8. Прокопьева Н.Н., Голубева Н.А. Повтор как средство выразительности современной немецкоязычной проповеди // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2014. № 27. С. 44–52.
9. Плисов Е.В., Зинцова Ю.Н. Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. № 23. С. 164–168.
10. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: Коллект. моногр. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. 210 с.

Сведения об авторе

Плисов Евгений Владимирович
доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики
иностранных языков и лингводидактики
НГПУ им. Козьмы Минина
E-mail: e_plissov@mail.ru

ХРОНИКА

II Международная студенческая научно-практическая конференция «Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве», 28–29 октября 2019 г.

28–29 октября 2019 года на факультете романо-германских языков НГЛУ прошла II Международная студенческая научно-практическая конференция «Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве». Проведение конференции стало результатом сетевого взаимодействия Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова и Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина.

На открытии конференции выступили первый проректор НГЛУ И.Ю. Зиновьева, декан факультета романо-германских языков НГЛУ С.Н. Саможенов, лектор Германской службы академических обменов Э. Хайн.

В своем приветственном слове И.Ю. Зиновьева отметила, что конференция призвана стать своеобразной научной площадкой для знакомства с исследованиями в области истории, этнографии, языков Германии и Франции, соседних стран и приграничных территорий, для обмена инновациями в сфере профессионального лингвообразования, для научного поиска решения проблем межкультурного взаимодействия в рамках глобального европейского пространства.

В своем пленарном докладе «Романо-германский мир: миф о единой Европе в контексте “большой истории”» доктор филологических наук, зав. кафедрой русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ С.Н. Аверкина обратила особое внимание на исторические предпосылки культуры современной единой Европы и романо-германское влияние. В течение XX века многие феноменологи пытались разработать новое философское понимание Европы. Отойдя от Эдмунда Гуссерля, они определили Европу как культуру рациональности, истоки которой должны быть найдены в Древней Греции, где возникло новое и

беспрецедентное универсально-критическое отношение к миру. Поднимая вопрос о «духовной форме» Европы, которая определила ее духовную жизнь, деятельность и творчество, докладчик особое внимание уделил роли Германии и Франции в «генеалогии» современной единой Европы, попытавшись проблематизировать не только роль ведущих государств в истории, но и рассмотрев Европу как результат конфликтных отношений, их стратификаций и детализаций, лишенных исчерпывающего универсализма.

С пленарными докладами выступили также сотрудник Славянского семинара Университета Базеля (Швейцария) М. Шеврекуко, сотрудник Культурно-образовательного центра *Philosophicum* г. Базель (Швейцария) М. Гугельман, писатель и драматург А. Жакку, г. Лозанна (Швейцария), которые в своих выступлениях анализировали феномен многоязычия в Швейцарии, полифонизм в современной швейцарской литературе и проблемы лимитативности во франкофонной литературе. Пленарную сессию завершил доклад доктора педагогических наук, профессора кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии НГЛУ О.Г. Оберемко, посвященный лингвистическим и нелингвистическим средствам обеспечения межкультурного взаимодействия.

В рамках конференции прошла работа нескольких мастер-классов, в том числе «Проблемы художественного перевода» (руководители – Л. Линдер, А. Логинова, И. Бекин) и «Проблемы современной литературы: дискуссия с франкоязычными швейцарскими писателями Антуаном Жакку и Фанни Вобманн». В Мининском университете был проведен мастер-класс «*Lernen durch Interaktion* / Интерактивное обучение немецкому языку» (руководитель – доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Мининского университета А.А. Оладышкина), в работе мастер-класса приняли участие студенты факультета романо-германских языков НГЛУ. Для студентов Мининского университета на базе НГЛУ были организованы мастер-классы «Значение французского языка в современном мире» (руководитель – профессор кафедры теории и практики французского языка НГЛУ им. Н.А. Добролюбова В.Н. Бурчинский) и «Русско-французский литературный диалог» (руководитель – доцент кафедры теории и

практики французского языка НГЛУ им. Н.А. Добролюбова К.В. Чайка).

На секционных заседаниях в НГЛУ и Мининском университете было представлено свыше ста докладов участников конференции из Франции, Германии, Швейцарии, а также из Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Красноярска, Калуги. В рамках конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с актуальными тенденциями в развитии европейского языкового пространства, проблемами французской и немецкой лингвистики, межкультурной коммуникации, литературы, перевода, практики преподавания французского и немецкого языков в учебных заведениях разного типа. В рамках конференции был проведен международный конкурс студенческих научно-исследовательских работ «Актуальные проблемы изучения немецкого и французского языков», лучшие работы студентов были отмечены дипломами.

Е.В. Васенева, Е.В. Плисов

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 48

Редакторы: Н.С. Чистякова
Ю.А. Белякова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 30.12.2019

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 16,1

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ 9690

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а